

фэнтези

альтернативная реальность

Роман Русецкий

Диагноз Дракона

Преступник должен понести наказание. Так считала Лера, учащаяся на психиатра, и столкнувшаяся в рамках практики с необычным пациентом центра психического здоровья. Этот человек рассказывал странную историю о драконах и других мирах, и врачи считали его шизофреником, но девушка сразу заподозрила неладное. Удастся ли ей доказать, что этот человек — преступник, скрывающийся от правосудия, или он всё-таки окажется сумасшедшим? И не может же история о волшебстве и драконах оказаться правдивой?

Глава первая, о психологии и детективах

Мягкий свет ясного осеннего дня струился сквозь вертикальные жалюзи, освещая просторную комнату, обставленную старенькой мебелью, типичной для медицинских учреждений. У одной из стен стоял застеклённый книжный шкаф, с которого свисали отростки комнатных растений. С ним соседствовало несколько полочек, основную же мебель составляли диван, несколько кресел, и пара стульчиков школьного образца, выставленных полукругом напротив одного старого, оббитого ветхой тканью, но, судя по центральному положению, самого важного стула. На диване, креслах и стульчиках в тесноте расположились студенты в составе подгруппы, центральный же стул пустовал, зато рядом с ним стоял, упревая руки в бока, преподаватель.

Это был солидный, осанистый, плотного сложения невысокий мужчина с обширной лысиной и небольшим брюшком. Одет он был в белый врачебный халат поверх рубашки, серые брюки и старомодные остроносые туфли. Стоял, расставив ноги на ширину плеч, внимательно смотрел на своих учеников, и неторопливо, с расстановкой, вещал.

— Как вы могли узнать на недавних лекциях, последние мои труды касаются интереснейшего явления в психиатрии, а именно появления идентичного бреда у пациентов, никак не связанных друг с другом. Разумеется, такое явление могло бы объясняться общей культурной средой, однако некоторые пары и даже группы пациентов, не имея никакого доступа друг к другу, описывают идентичные явления, места и личностей, которых не только нет в реальности, но и не удаётся обнаружить в нашей информационной среде. Они имеют ряд общих черт с существующими художественными образами, но не более.

— Так, например, — продолжал он, — два года назад ко мне обратилась за помощью женщина, уверявшая, будто побывала в некоем ином мире, пока была без сознания из-за травм, полученных ею в ходе аварии. Трагичный случай, на самом деле. Там погиб человек, и, как рассказывала пациентка, довольно страшной смертью. Его буквально распяло на арматуре, пробившей стекло. Эти потрясения и вызвали психическое расстройство. По словам пациентки, она попала в некий волшебный мир с драконами, циклопами, колдовством, и прочими образами, связанными с художественным понятием "Фэнтези". Более того, она уверяла, что некоторые из пассажиров также побывали там вместе с ней, завели знакомство и участвовали в неких общих приключениях. Я не придавал тогда особого внимания этому случаю, и помог женщине осознать нереальность этих приключений и этого мира. И вот, буквально две недели назад, мой коллега, работающий в этом замечательном заведении, рассказывает мне, что ему привезли пациента, описывающего точно те же места, личности и события буквально до часов. Меня это явление заинтересовало, и я, ознакомившись с ним лично, решил в рамках производственной практики познакомить с ним и вас. При желании вы можете взять этот случай в качестве темы для курсовой. Вам предстоит провести диагностику больного по ряду тестов и...

В этот момент одна из студенток подняла руку.

— У вас, Валерия, есть вопрос?

— Да, Владимир Захарович. Если этот случай настолько специфичный, как вы говорите, курсовую писать по нему будет труднее, так? И будет ли возможность побеседовать с женщиной, которая первая? И не будет ли нам полезнее рассмотреть чего-нибудь более

распространённое?

Задавшая вопрос студентка была приятной, хоть и немного резковатой наружности. Темноволосая, среднего телосложения, она была одета в джинсы и красный свитер.

— Хм, я вас услышал. Что касается первой пациентки, её личность не позволит мне раскрыть врачебная тайна. А что касается последнего — я хочу, чтобы вы учились не только заниматься типичными случаями, но и думать, исследовать, и, разумеется, это сложнее, чем заниматься компилятивного характера работой или разбирать простые случаи. Зато это позволит вам узнать нечто новое и почувствовать себя настоящими исследователями. А если больше ни у кого нет вопросов, тогда я попрошу коллегу, чтобы она привела нашего сегодняшнего гостя.

С этими словами Владимир Захарович покинул комнату, оставив студентов заниматься их обычным во время ожидания делом — ерундой. Кто-то достал телефон и ушёл в мир соцсетей, кто-то поправил очки и принялся листать конспект, кто-то стал доставать из запрятанного в рюкзак пакета чипсы и пихать их в рот. Несколько студентов таки принялись обсуждать предстоящую беседу с больным — в контексте того, как бы побыстрее её закончить и пойти купить пивка. "Интереснейшее явление в шизофрении" не волновало никого в этой комнате, включая Валерию, также подумывавшую, чем себя занять.

В сумке девушки лежала книга по физиогномике, которой студентка очень интересовалась. Использованный билет на старую экранизацию Шерлока Холмса прямо в середине книги вполне красноречиво отражал уровень Лериных познаний в этой области. Девушка любила детективы и психологию, и шла на свою специальность осознанно, однако для неё больший интерес представляли отношения здоровых людей, а не психика больных.

Времени на чтение, скорее всего, было бы слишком мало, поэтому Лера вставила в уши наушники, подключённые к смартфону, и сняла с паузы видео с одного ютуб-канала средней популярности, посвящённое литературе о так называемых "попаданцах", оказавшихся в других мирах и обзаводящихся там героическим статусом и гаремом из эльфиечек.

Сама Лера такую литературу не читала, а видео смотрела скорее из-за авторского стиля ютубера и его взглядов на искусство. Она вообще была далека от поп-культуры. Не слушала музыку, не играла в видеоигры, читала классические детективы и ходила в кино только на их экранизации. Но большую часть своего времени посвящала учёбе и отношениям с молодым человеком, которые в последнее время начали сходить на нет, потому что этот самый молодой человек, Василий, выпустился из вуза и уехал в родной Брест, а Лера осталась в Минске доучиваться. Расстояние делало своё дело, и, несмотря на мессенджеры, звонки и поездки друг к другу на выходные, Лере казалось, что чувства медленно, но верно таяли. И с этим что-то надо было делать, пока холодная постель не сподвигнет Васю искать женщину, с которой можно будет встречаться после работы каждый день.

Дверь открылась, и в комнату вошёл Владимир Захарович. Следом за ним порог переступил невысокий, широкоплечий, смуглый длинноволосый парень лет двадцати пяти, одетый в больничную рубашу и штаны. Вошёл, оглядел собравшихся долгим взглядом. Криво улыбнувшись, вздохнул, и, не дожидаясь указаний, сел на главный стул. В дверях позади него показалась изящная блондинистая девушка в больничном халате. Вошла и осталась стоять у дверей.

— И так, давайте представимся. Меня зовут Владимир Захарович, я руководитель практики этой студенческой группы...

— По-здешнему Александр Ростиславович, — ответил человек в больничной рубаше, —

Афинский, если это важно.

— По-здешнему? — переспросил преподаватель.

— Да, там у меня другое имя. Гратлоргарн. Но здесь я известен как Александр Афинский.

— Ладно. Знаете, где вы сейчас находитесь?

— Ещё бы. В сумасшедшем доме я нахожусь. "Центр психического здоровья", как вы его называете. Эх...

Владимир Захарович покачал головой.

— Так. Можете рассказать, как попали сюда?

— Да. Я попытался пройти в резиденцию президента, но был остановлен стражем. На его вопрос "что вам тут нужно" я ответил как есть, что пришёл предупредить главу государства о скором Воссоединении Миров, которое полностью изменит привычную жизнь всех их обитателей. Пришёл предупредить из сочувствия к своему бывшему народу, дабы президент донёс моё знание до правительств мира, и они смогли бы подготовиться к переменам. Я забыл, что в этом мире так прямо действовать нельзя. Иронично...

— Забыли?

— Да, но в моём мире прошло двести лет. То, что я забыл, как надо вести себя здесь, на мой взгляд, простительно.

— Что вы имеете в виду? Поясните, ведь мы ничего не знаем.

— То есть всё сначала. Что ж, хорошо. Два года назад по времени этого мира и около двухсот лет назад по времени мира другого я жил здесь. Мне было двадцать шесть лет на тот момент, и я был под... условным сроком, кажется так. Я ехал в автобусе и попал в аварию. Очнулся в другом мире, вместе с несколькими другими пассажирами. Для возвращения нам необходимо было исполнить пророчество, связанное с предотвращением опасного магического явления. Большая часть из нас тогда погибла, но мне и ещё двум удалось выжить и сделать то, что от нас хотели. В ходе исполнения пророчества я стал драконом. И да, я больше не человек. Но, поскольку я находился в том мире несколько месяцев, я знал, что здесь не только лишусь моих сил, но и попаду в тюрьму. Я решил остаться там. Тогда я ещё не знал, что время в двух мирах течёт по-разному, и за те месяцы здесь прошли минуты. Я прожил там чуть меньше двухсот лет, и покровительствовал небольшой человеческой стране. Пережил восстание, но, в основном, с обязанностями монстра-покровителя справлялся. И вот, две недели назад, меня посетил наш архимаг и сообщил, что древняя связь миров, разорванная в средние века людской трусостью и ересью, восстанавливается. Что грядёт катаклизм, следствием которого будет постоянная и нерушимая связь наших миров. Что наш мир будет к этому готов, потому что многие маги узнали об этом. А в моём родном мире — то есть в этом — магии нет, и воссоединение будет для местных обитателей сюрпризом. Некоторые силы того мира скорее всего попытаются захватить этот, пользуясь преимуществом внезапности. С другой стороны, это будет хорошей возможностью перехватить некоторых наших врагов, пока они будут лишены части сил в малоизвестном окружении. В любом случае, этот мир ждут значительные разрушения. Я решил воспользоваться возможностью уничтожить одного моего врага, который по моим данным не собирался упускать шанс навести здесь свои порядки, и перешёл сюда, как только это стало возможным. Правда, я не учёл, что в этом мире должен буду оставаться человеком, пока не восстановится связь миров. Увы, хоть этот мир не представляет для меня больше никакого интереса, мне стало жалко вас. Я решил сразу обратиться к правительствам,

приняв облик дракона и отбросив атаку военных, если они с перепугу атакуют, но я не смог убедить стражу... охрану президента даже своей страны в правдивости моих слов, обнаружив, что не могу принять драконью форму. А охранник не стал долго церемониться и вызвал скорую, которая и привезла меня сюда. Досадно...

— То есть в том мире вы были?..

— Драконом. Первые несколько месяцев человеком, потом двести лет драконом. Знали бы вы, как это прекрасно.

Лера, поначалу слушавшая историю с некоторой скукой, теперь не могла побороть всё нараставшее в ней чувство подвоха. Здесь было что-то большее, чем просто сумасшествие — с детективной точки зрения. На бред шизофреника история была совершенно не похожа, зато упоминания условного срока и попытки уйти от правосудия не оставили девушку равнодушной. Преступник должен сидеть в тюрьме, так она считала. За каждое преступление положено было справедливое наказание, а здесь, кажется, оно не наступило. Девушка достала тетрадку и приготовилась записывать.

— А можете вспомнить имена тех, кто был с вами? — поинтересовался преподаватель.

— Не всех. Полагаю, если я повторю их сейчас, это никому не повредит. Были Даша Архипкина и Ваня Клошкин, они мертвы. Ещё Людмила Астапова, славная женщина Бердияр Ким, дурак, но верный товарищ. Он стал гоблином... не важно. Игорь Малышев, его убили в бою. Две гламурные дуры, не помню их имён. Одна померла на вторую неделю от кишечной хвори, вторая утопилась через два дня после этого...

Кто-то присвистнул.

— М-да. Ну и ещё парнишка, тоже имени не помню. Он полез в лес, вернулся с ожогом от слизня-млатоглава. Умер от болевого шока. Нам там худо было поначалу. Потом кто выжил — обвыклись. Походу, понравилось только мне... что в принципе разумно. До конца всего этого "пророчества" дожили только я, Бердияр, и Людмила, а силу, дарующую превосходство и высокий статус, получил вообще только я. Бердияр и Людмила вернулись... о, ещё за ними увязалась гоблинская девка, её Згалика звали. Уж и не знаю, что с ней стало, ведь тела для неё тут не было. Небось, по эфиру размазало, или по автобусу. Жаль дурочку, хорошей служанкой была, и другом тоже. А может, её душа заполнила тело кого-то, кто умер. Надеюсь, не мужчины. Это было бы... отвратительно.

— Можете рассказать, что это было за пророчество? Вы были избранными?

— Нет, там всё иначе устроено. В общем, когда там ожидается что-то катастрофически нежелательное, идут к прорицателям и спрашивают у них, что надо делать, чтобы избежать беды. Они дают алгоритм решения в форме загадки, и чем катастрофичнее беда, тем заковыристее загадка. Чтобы всё удалось, сначала надо загадку разгадать, этим занимаются толкователи. Если они правильно поймут, что делать, и всё это удастся, то проблема решается. Если сделать всё, как надо, не получится, или с разгадкой напутают — пророчество провалится, и с бедой придётся бороться более традиционными методами. Обычно это результата не даёт, а когда и даёт, то ценой многих жизней. Ну и если кто-то заинтересован в том, чтоб беда случилась, то делает всё, чтоб пророчество не исполнилось. Им часто удаётся. А самый верный способ помешать пророчеству — перебить его действующих лиц. Поэтому предсказанное держат в тайне, пока не исполнят его, или не завалят. И нет, не были мы никакими избранными. Там надо было монстра страшного и слугу Божьего из земли отрекшихся. Земля отрекшихся — это ваш мир. Наши предки веке этак в пятнадцатом сконцентрировали ненависть ко всему волшебному, и раскололи мир на

две части... а, это не важно. В общем, отрелись от всего, что чуждо обычному человеческому... как его... быдлу! Да, быдлу. Вот нас девятерых и выдернули отсюда так, чтоб в случае чего можно было выкинуть обратно трупы, и это не вызвало бы вопросов. Мы были мясом.

— А не всё ли "им" было равно, будут ли вопросы?

— Боятся новой волны инквизиции. Они иногда лезут в этот мир по разным причинам, ну и лишнее внимание им не нужно.

— И по каким же причинам?

— В основном искусство. Вам доводилось слушать "Blind Guardian" или Кипелова в лютне, да под заклинанием "Серебряная свирель"? Или хотя бы просто в лютне? У вас же магии нет...

Леру всё это начало утомлять. Её интересовала история, произошедшая в реальном мире, а не в мире фантазий. Разговор уходил совсем не в ту сторону, которая была ей нужна. Она подняла руку.

— Валерия, у вас есть вопрос? — взгляд пациента встретился с её взглядом, и ощущение жути пронзило её, как будто она целиком проглотила кусок льда. Ей понадобилось волевое усилие, чтобы выдержать этот взгляд, полный звериной дикости, и стального контроля над ней.

— Откуда вы знаете моё имя... в смысле нет, расскажите, пожалуйста, о вашей жизни до этого... происшествя. Вы были осуждены?

— Я отвечу на оба вопроса, — это был тон кошки, играющей с мышью, — На вашей тетради написано ваше имя. Вы, должно быть, очень прилежная студентка, раз подписываете её. Насколько я помню, обычно это практикуют в школе. Уважаю. Но к вашему главному вопросу. Я был мультипликатором, и скверным человеком. Я устроил дома побоище, побил жену. И матери досталось. Они подали в суд, хотели посадить меня. Может, я это заслуживал, но судья решил, что с меня хватит условного срока. Я исполнял всё, что было предписано. И винил себя за то, что сделал. Я хотел искупить вину. Это было... отвратительно. Я был отвратителен. Мне хотелось умереть, но не хватало воли сделать это с собой. Я был слишком ничтожен даже для того, чтобы пойти на верную смерть в мире Чудес. Но там мне представилась возможность искупления. Возможность пожертвовать собой ради друзей, и я переборол свой страх, отдавшись смерти. Но, уже будучи на полпути к гибели, я понял, что самобичевание не поможет ни мне, ни моим друзьям. И тогда моя сила высвободилась, и я разорвал наших врагов, — дикая жажда крови наполнила его взгляд, — Я смял их. Всех тех, кто хотел причинить зло моим друзьям. Я опрокинул их. Они пали передо мной — и я раздавил их. Выжег. Изничтожил. Только одному удалось уйти. Мерзкому некроманту. Я расчленил его хрупкую плоть, но его дух находился в филактерии, местоположения которого я не знал. И этот уродец восстановил своё тело... простите. Я, кажется, вас напугал. Досадно.

Это было правдой. С каждым словом о гибели его врагов, взгляд Александра наполнялся диким, маниакальным, чудовищным, кровожадным чувством упоения убийством. Лере очень хотелось как-то прервать его, увести разговор в другую сторону, но она оцепенела, как будто кусок льда внутри оказался сильнее её тепла и заморозил её. Нечто подобное, судя по всему, было и с другими студентами, и с Владимиром Захаровичем. Оцепенение ушло только тогда, когда дикий взгляд потух, сменившись мягким и немного виноватым. Нескладный человек со спутанными волосами просто сидел на главном стуле и ждал вопросов. Лера снова взяла

себя в руки. Главным, что она услышала, была история домашнего насилия, наказание за которое не было исполнено, и девушка продолжила вскрывать эту несправедливость.

— Можете рассказать о ваших отношениях с женой?

— Да, могу... По правде, их не было. Я по молодости создал себе романтический образ, наложил его на понравившуюся девушку, влюбился... ненадолго, но успел жениться. Очень скоро понял, что развлечения и творчество для меня важнее отношений с женой. Начались скандалы... Да. Маме моя жена оказалась ближе, чем мне. Они обе хотели... ребёнка, наверное. И их раздражало, что я трачу много времени в компьютерных играх.

— А вы работали?

— Да. Я упоминал о творчестве. Я был мультипликатором. В основном занимался рекламой, но и мультики для детей делал. Но у меня было правило: работа — на работе, а после работы время только моё. Жене это не нравилось. Она хотела моего времени — и я уделял его ей. Но она хотела всё моё время. А мама хотела, чтобы я работал больше. Хотя, скорее их раздражало, что я играл.

— А вам не кажется, что вы пытались уйти от реальности в игру? — спросила Катя, одноклассница Леры, полноватая студентка в очках.

— Нет, не кажется. Я это знаю, и шёл на это сознательно. Работа, хоть я её и любил, не давала мне нужной свободы, а всё за её пределами было... пустым. Только презрение и периодические скандалы. Упрёки. Поэтому я пытался убежать от этой реальности.

— Так может, в этом и была причина таких взаимоотношений?

— Хороший вопрос, Екатерина. Я думал об этом сто сорок два года. Драконья память — забавная штука. Хранит всё, что кажется важным, до деталей, но упускает то, что кажется ничтожным. Я в деталях помнил влюблённость, свадьбу, первые недели, а потом — только скандалы. И эти скандалы начались прежде, чем я установил игру, в которой пропадал по вечерам — о да, я в деталях помню скачивание, первые часы игры, логин и пароль, соклановцев, первый рейд, первый клановый бой... и перемежающую всё это ругань близких. Иногда — выпуск очередной серии моего мультфильма. И вот, анализируя свою память, одним прекрасным вечером, сидя на скале и любуясь жёлто-малиновым закатом, я понял, что причина была не в игре. Я полюбил не женщину, а созданный мною образ этой женщины. И она не стала стремиться к этому образу. Её нельзя за это винить. Вина — на мне. А такие отношения долго длиться не могли.

— Тогда почему вы не развелись? — спросила Лера.

— Лень и кривое воспитание, Валерия. Я был научен, что брак — это навсегда, а развод — это аморально. И сам развод — это ряд скандалов, потом возня, делёж имущества... а мне просто хотелось, чтобы меня оставили в покое. Я виноват в том, что не понял, до чего эта ситуация может прийти.

— Вы часто говорите о вине.

— Потому что я её чувствую. Да, я искупил её, спасая жизни и жертвуя собой. Но я поднял руку на жену и мать. Это останется со мной навсегда.

— А вы не чувствуете вину за тех, кого вы... изничтожили?

— О, вам трудно будет это понять. В том мире тот, кто взял в руки оружие и пошёл воевать, даёт право и разрешение убить себя, если допустит это. Наши воины редко умирают по-настоящему, но и не боятся этого. Мы чётко осознаём, что смерть — это не конец, а гибель в бою за свои идеалы — одна из лучших смертей. Убийством тех, чьи идеалы — порабощение и угнетение, и кто берёт в руки оружие во имя этих идеалов, их убийством мы

гордимся.

— Вы называете мать и жену только матерью и женой. У них ведь есть имена...

— Лидия и Анна Афинские. Да, я и не помню, когда последний раз называл их так. Наверно, прошло больше двухсот лет с тех пор. Или нет... Наверно, всё-таки нет.

Леру начали раздражать эти намёки на другой мир. Уверенность в том, что ключ к разгадке находится в реальности, только усиливалась. Впрочем, больше у неё вопросов не было. Она вопросительно посмотрела на Владимира Захаровича, ожидая, что тот, наконец, отреагирует на происходящее и уведёт отсюда ужасного человека. Этот её взгляд, похоже, подействовал на преподавателя. Тот будто опомнился, и обратился к группе:

— Очень хорошо. Может у кого-нибудь ещё есть вопросы?

Вопросов не было. Студенты оцепенело сидели, вжавшись в спинки кресел и стульев. Только Лера, казалось, сохранила свою долю контроля над ситуацией, да Катя безразлично помахивала ногой. Она, как и остальные, вжималась в кресло, пока её не осенил тот самый вопрос про игры, и теперь сидела с таким видом, будто ей всё понятно, и все думающие существа в комнате должны понимать ровно то же самое, что она.

— В таком случае, Александр, мы вас отпускаем. Я ещё встречу с вами, если вы не против.

Александр кивнул, встал, оттолкнув внутренней стороной коленей главный стул, и, поклонившись на прощание студентам, покинул комнату. Блондинка в больничном халате отлипла от стены и последовала за ним.

— И так, что вы думаете об этом случае? — спросил профессор, опершись рукой на главный стул.

— Как вы и говорили, — ответила Катя, — шизофрения на почве игровой зависимости, кризиса отношений и проблем с законом. Больной переиграл в агрессивные игры, спутал реальность с игрой, напал на родных, а попав на скамью подсудимых, повредился рассудком и придумал себе вымышленную реальность. Из игр понабрался идей для своего мира, а ваша предыдущая пациентка, видимо, когда-то играла в те же игры.

— Замечательно. Есть ещё мнения? — произнёс преподаватель тоном, предполагающим отсутствие других мнений.

— Владимир Захарович, мне кажется, он не шизофреник, — с некоторым возмущением в голосе возразила Лера.

— Да? Что вы тогда по этому поводу думаете?

— Из психиатрических диагнозов тут только психопатия. Не шизофрения потому, что он рассуждает логично, а его выдуманный мир обладает своими законами и стройной системой. Это не похоже на бред, а скорее напоминает творческий вымысел, тем более что этот человек — мультипликатор. Думаю, он придумал всё это, чтобы прикинуться сумасшедшим, на самом же деле он уклонялся от отбывания наказания, а теперь осознал, что попадёт в тюрьму, и пытается её избежать. Думаю, он избивал родных не раз, и действительно чувствует вину, но не раскаивается, а наоборот, желает уйти от наказания. Однако его мучает желание причинять боль, и он будет это делать, если не лишит его свободы...

— Очень интересное предположение, но вы не знаете одного обстоятельства. Александр Афинский действительно был мультипликатором, действительно был осуждён на условный срок за нанесение тяжких телесных повреждений своей жене, ехал в том автобусе, и именно он был прошит арматурой, получив повреждения, несовместимые с жизнью, и

умер на месте. Мать и жена опознали его и похоронили на деревенском кладбище где-то под Минском. Если этот человек действительно маньяк-психопат, то он выбрал наихудший способ спрятаться. У него уже взяли отпечатки пальцев, а если он не шизофреник, то специалисты центра это определяют, и он пойдёт в места не столь отдалённые без шанса на побег. А о гибели настоящего Афинского мне рассказала та самая пациентка. И кроме него в той аварии никто не умер. Все, кого этот человек причислил к мёртвым, живые, реально существующие личности.

— Говорите, специалисты центра распознают в нём шизофреника? А можно и мне в этом поучаствовать?

— В каком смысле?

— Написать курсовую. Вы говорили, что это можно.

Владимир Захарович с надеждой посмотрел на Катю, но та, заметив его взгляд, только перестала помахивать ногой и опасно отодвинулась назад.

— А вы, Екатерина, не хотите взять эту тему?

— Простите, Владимир Захарович, но я... я не хочу больше видеть этого человека. Он страшный, — маленькие Катины губы скривились в той улыбке, которая появляется, когда человек сильно смущён своим отказом, но согласиться не может ни в коем случае.

Профессор задумался. Его лоб то морщился, то расправлялся, когда морщилась переносица. Наконец, почесав затылок, Владимир Захарович сдался.

— Что ж, ладно, Валерия, берите эту тему. Вы хорошая студентка, и я доверяю вашей самодисциплине. Но постарайтесь не быть предвзятой. Если результаты методик будут свидетельствовать о шизофрении, смиритесь с этим. Подойдите ко мне на кафедру за консультацией и тестами в течение двух дней. Все свободны.

Лера уже вышла во двор и шла по дорожке к автобусной остановке, когда внезапная мысль посетила её.

"Он был в метре от меня, а тетрадь я держала обложкой вниз. Как он мог прочитать моё имя под таким углом, в тени... А у Кати вообще не было тетради!"

Лера снова почувствовала внутри льдинку. Жаждающий убийства взгляд вновь вспомнился ей. Она оглянулась на здание сумасшедшего дома. Нет, то крыло было в противоположной его части. Этот человек не может сейчас следить за ней. Никак не может. "Зачем я в это влезла?" подумалось ей, но Лера отогнала от себя эту мысль. Студентке хотелось, чтобы страшный человек был за решёткой, и он там окажется, благодаря ей. И это будет настоящая детективная история, как в книгах.

Глава вторая, о фантазиях и сильных женщинах

Стиснув зубы, Лера оторвала взгляд от здания и двинулась к остановке. Путь её лежал почти через полгорода. Сначала на автобусе, а потом на метро, до тихого и уютного уголка неподалёку от центра. За парой переулков и старым, оставшимся ещё с советских времён, яблоневым парком, на девятом этаже длинного десятиэтажного дома, находилась маленькая однокомнатная квартира, которую Лера снимала. Хорошо обставленная и отремонтированная в девяностые, квартира была наполнена сервантами с посудой, которой давно уже не пользовались, и стеллажами с книгами, которые, возможно, вообще никто не читал. Было тесновато, но как-то уютно. Квартира эта принадлежала друзьям семьи Леры, и они сдавали её за символическую плату, которую взяли на себя Лерины родители.

Девушка справедливо считала, что ей повезло с семьёй. Она была единственным ребёнком, и родители в ней души не чаяли, хоть и проявляли некоторую строгость. У Леры не было детства как такового: с ранних лет её готовили к будущей серьёзной жизни, проводили профориентацию, и старались раскрыть потенциал. А когда дочь проявила интерес к психологии, направили все силы на раскрытие её потенциала в этой области. Лера не привязывалась к людям. В родном городе у неё были подруги, причём, как она считала, довольно близкие. Но когда ей пришёл положительный ответ из Минского института, она уехала без особых колебаний и огорчений. Первое время переписка со старыми подругами продолжалась, но вскоре они как-то выветрились из сердца. Особенно когда в нём появился Василий, парень со старших курсов. Он недолго добивался Леры. "Почему бы и нет!" подумала тогда студентка, и оказалась права. Спокойные, приятные и доверительные романтические отношения длились два года, пока Вася не выпустился и не уехал в родной Брест. Тогда Лера впервые почувствовала себя одинокой. Сосредоточилась на учёбе и саморазвитии, и продолжила общение с Васей на расстоянии.

Но чего-то в её жизни остро не хватало. Лера чувствовала это всегда, но только нынешнее одиночество позволило ей осознать своё чувство. Странное, бессмысленное стремление к чему-то новому поселилось в этой маленькой квартире по соседству с девушкой, и не отпускало. Именно сейчас Лера осознала своё стремление к правильности в жизни, которая у неё вроде как была, а в окружающем мире — нет. Чтобы сделать мир лучше она и взяла эту курсовую.

Однако страх, поселившийся в её сердце, не отпускал девушку. Она чувствовала его, когда, вернувшись, скинула пальто и отправилась на кухню заваривать кофе. Чувствовала, когда, потягивая напиток, пыталась читать книгу о физиогномике. Ей то и дело казалось, что Александр там, у себя в палате, знает о том, чем она, Лера, занята, и с интересом изучает её. Девушка даже начала привыкать к этому чувству, но ничем в тот вечер заниматься не могла.

Утром стало немного легче, а поездка на учёбу и вовсе подняла Лере настроение. Владимир Захарович тоже был в приятном расположении духа и с удовольствием объяснял ей правила применения методик, которые Лера и так помнила из лабораторных работ. Вечер этого дня Лера потратила на лучшее изучение шизофрении и психопатии, чтобы свести шанс ошибки в диагнозе к минимуму. Чем больше она занималась подготовкой, тем сильнее становилось чувство героизма, который она проявит, вскрыв ложь злодея. Отправляясь спать, она была почти уверена, что никакой шизофренией назвавший себя Александром

Афинским не страдает, и уже засыпая, вспомнила, что в этот вечер они с Васей собирались устроить онлайн-свидание при свечах.

Вскочив на кровати, Лера схватила смартфон. Вайбер был переполнен сообщениями. Первым ожидаемо было "Привет (сердечко) Че как? Всё в силе?", и отправлено оно было вчера. Последним было "Как вспомнишь о моём существовании — напиши". Динамика не радовала. Лера знала, что Вася не станет грубить, но от "существования" тянуло тревожным холодком. Она набрала сообщение, стёрла его. Набрала другое. Нужные слова не лезли в голову. Провозившись полчаса, она отправила то, что получилось, и закуталась обратно в одеяло. Маньяк маньяком, но о таких вещах, как общение с любимым, которого можно ещё и потерять, забывать было нельзя.

Утром, только приведя себя в порядок и наскоро позавтракав, Лера отправилась в путь. Пар в институте сегодня не было, погода выдалась приятная, а особенное удовольствие она доставила, когда автобус выехал за черту города. Осеннее солнце приятно согревало кожу и одежду через окно автобуса, а из приоткрытой форточки дул свежий ветерок, наполняя салон запахом скошенного сена. Девушка откинулась на спинку сидения и запрокинула голову. По такой погоде и на бой с психопатом выходить не страшно. Фантазии о героическом разоблачении всё сильнее будоражили молодое воображение. Лера понимала, что в реальности всё будет значительно скромнее, но не хотела портить настрой и дала мысли волю. Выйдя из автобуса, она уверенным шагом двинулась к нужному отделению и, поплутав по лабиринтам огромного комплекса, перешагнула порог нужного отделения.

Напротив входа, за небольшим столом, сидела пожилая женщина в больничном халате, видимо дежурная, и читала книгу. На столе лежали какие-то бумажки, большая тетрадь, служившая книгой учёта, и стоял старый телефон. Заметив вошедшую, женщина обратилась к ней.

— Вам кого?

— Здравствуйте. Я по вопросу практики, от профессора Савельева.

— Ждите.

Дежурная подняла трубку и, набрав номер, принялась что-то в неё объяснять. Лера же почувствовала некоторое волнение. Оно всегда бывает, когда ждёшь чего-то важного. Чтобы отвлечься, девушка принялась разглядывать коридор, который она не успела рассмотреть в прошлый раз, поспевая за группой. Чуть дальше налево от входа он расширялся, и были видны шкафчик с книгами, глубже в углу — полка с телевизором, а из-за противоположного угла выглядывал подлокотник дивана. Покрашенные в мягкий бледно-зелёный цвет стены были украшены парой картин, а на подоконниках нескольких окон виднелись горшки с растениями. Всё выглядело довольно уютно, и если бы не решётки на окнах, можно было подумать, что это санаторий старого образца.

— А вы к волосатенькому? — поинтересовалась вахтёрша, положив трубку.

— Да, я... а что, вы его знаете?

— Приметили, да. Хороший такой хлопчик, всё помочь старается, и вежливый такой. Чего ён попёр к президенту сказки рассказывать?

Лере вспомнилась одна из типичных черт психопатов. В отличие от шизофреников они умеют быть приятными и общительными людьми.

— ...Хороший, в общем, хлопчик. А вот и наша Наталья Сергеевна.

Лера узнала блондинку, которая в прошлый раз сопровождала больного. Такая хрупкая и милая девушка так гармонично вписывалась бы в это уютное место... Если бы это место не

было сумасшедшим домом.

— Здравствуйте. Вы от Владимира Захаровича? — Лера почувствовала в её голосе нотки сильного уважения к профессору.

— Да, я по практике.

— Меня предупредили. Мы выделим вам кабинет на пару часов. Может, у вас будут какие-то вопросы? — с этими словами она жестом поманила студентку за собой по коридору. Следуя за ней, Лера отметила некоторую странную раскованность в движениях этой девушки.

— Да, Скажите, этот больной...

— Афинский, угу...

— Хм, его личность точно определили?

— Да, вчера пришли данные по отпечаткам. Это он. Признаться, всё это странно. Мы сообщили его матери, и она очень удивилась. Вроде, даже потребовала эксгумацию, но сюда не приехала. Странно это. Я бы наоборот сорвалась, это ж сын вернулся с того света.

— Он избивал её...

— Да, тоже верно.

— А кстати, как он ладит с другими больными?

— Неплохо. Он ведёт себя спокойно, и мы поселили его в палату с такими же. Вообще он интересный. Ведёт научные беседы, играет в шахматы, читает книги...

— Приступов агрессии не было?

— Нет, ничего подобного не наблюдалось.

— А он рассказывает кому-нибудь свои истории?

— Только мне. Я с ним работаю, и он вроде мне доверяет, но с соседями не спешит откровенничать. Похоже, он умеет держать язык за зубами. Кстати, раз уж речь зашла о его личности. Если эксгумация подтвердит, что захоронен не Александр Афинский, то его, скорее всего, переведут в судмедэкспертизу. Это может быть уже через неделю...

— Надеюсь, я управлюсь раньше. Так... что вы говорили о кабинете?

— Да, вот мы и пришли.

Блондинка завела Леру в небольшую скромно обставленную комнатку с одним окном и, попросив подождать, вышла. Теперь девушка сообразила, что ей придётся находиться с этим Александром наедине. Лыдинка снова дала о себе знать. В надежде отвлечься Лера начала разглядывать комнату, но созерцание пары маленьких полок, стола и двух стульев не очень помогло избавиться от неприятного ощущения.

"Чего я так его боюсь? — стала она успокаивать себя, — Ну осуждён он за тяжкие телесные, но никого ж он не убил..." и тут ей в голову пришла мысль о захороненном. А вдруг этот Александр убил кого-то, чтоб инсценировать свою смерть? А лицо разможил, чтоб не узнали? Нет, ерунда. В автобусе с людьми убить? И всё-таки неприятное ощущение только усилилось.

Лера дёрнулась, когда открылась дверь. Александр вошёл в комнату и, скромно сложив руки на паху, встал у стула по другую сторону стола от студентки. Впрочем, этот жест явно был фальшивым: больной не был скромником, и, скорее всего, что-то замыслил. Блондинка только заглянула в комнату и закрыла дверь. Пациент ждал. Лера понимала, что ей надо брать ситуацию в свои руки, но ни руки, ни голос не хотели делать то, что нужно. Сильная воля помогла девушке совладать с собой за какую-то секунду, но эта секунда показалась ей очень длинной.

— Здравствуйте, Александр. Я проведу с вами несколько тестов...

— Да, здравствуйте, Валерия. Позвольте? — Александр указал на стул.

— Конечно, присаживайтесь.

— Спасибо. И прошу, простите меня за позавчерашнее недоразумение. Я не хотел вас напугать. Мне очень стыдно. Клянусь, я не причиню вам вреда, ведь вы не воин и не преступница...

Хитрый и твёрдый голос не оставлял веры в сказанное. Александр продолжал игру в кошки-мышки.

— Я проведу с вами несколько тестов, — попыталась изобразить жёсткий тон Лера, но у неё ничего не получилось. Александр заметил это, и, пытаясь изобразить пристыженность, кивнул:

— Да, разумеется. С чего начнём?

Начали с цветового теста Люшера. За это время Лера несколько совладала с собой, и специально совершила некоторое нарушение методики, сделав паузу и предложив выбрать карточки дополнительный раз, чтобы дать себе больше времени успокоиться. Человек, сидевший перед ней, не просто выглядел миролюбивым и спокойным, но, несмотря на явную фальшь, сочувствовал и искренне пытался помочь. Его тон на сей раз был простым и дружелюбным, как тон мальчика или пожилого человека. Лера не спешила обманываться, и даже специально припомнила тот позавчерашний взгляд, но он показался ей на самом деле не таким уж страшным. Да, в нём чувствовалась власть и какая-то хищность, но это же могло быть и некой формой флирта. В конце концов, разве не таким должен быть взгляд дракона?

Тем временем пришло время второго теста. Это был тест на память, а заодно и на ассоциации.

— Я назову вам несколько слов, а вам нужно будет сделать рисунки, которые помогут вам запомнить эти слова. Через некоторое время вам предстоит с помощью рисунков эти слова вспомнить. Это может быть что угодно, но без надписей. Вы поняли задание?

— Да, давайте приступим.

— Так. "Вкусный ужин".

Карандаш быстро замелькал в пальцах Александра, изображая какие-то выжженные коряги и мёртвых животных среди них. Глаза Леры округлились. набросок был готов почти мгновенно, и детали этой страшной картины поражали своей мрачной сутью.

— Ч-что это?

— Вы сказали, что мне надо будет это запомнить. Чтобы запомнить, я должен относиться к этому как к чему-то важному и испытывать сильные эмоции. Я понимаю, что для человека в этом есть что-то неприятное, но это был самый вкусный ужин в моей жизни. В тот день я совершил великое достижение: разжёл в себе внутреннее пламя короля. И решил испытать его таким образом. С помощью магии изолировал небольшой участок леса и выжег его. Там не много, всего чуть меньше квадратного километра. Мы очень редко имеем право на подобное, но моё достижение дало мне его. Я больше никогда такого не делал. При правильном выжигании мясо становится...

— Хватит... спасибо, я поняла. Давайте дальше. "Весёлый праздник".

Карандаш снова замелькал, и изобразил множество маленьких людей, стоящих на коленях лицом к художнику.

— Это день моего посвящения в монстры-хранители, — пояснил Александр, не дожидаясь вопроса, — Я должен был убить агрессивных чудовищ, терроризировавших те

земли, которые хотел взять под опеку. Тяжелее всего далась молодая мантикора, потому что я тоже был неопытным и слабым для дракона. Но мне удалось, и я вернулся к народу. Они славили меня, и отпускали особую молитву Христу, чтобы он благословил моё покровительство...

— Христу? Иисусу? Вы христиане?

— Да, часть из нас. Расхождение миров произошло в пятнадцатом веке, и мы уже знали Христа. Как, впрочем, и Будду с Аллахом. Сам я православный, но покровительствовал католикам. Мне и так повезло: к православным в покровители было трудно пробиться. Было много желающих, потому что они спокойнее относятся к чудовищам, а католики иногда бунтуют. Меня это тоже не миновало.

— Вы покровительствовали людям?

— Были три людских города, которые считались хозяевами земель. Ещё кочевое племя гоблинов и два селения фей в лесах. У них, фей, особое христианство. Похожее на то, что было до раскола церкви...

— Я думала, они все язычники?

— И откуда вам предполагать о верованиях другого мира, о котором вы даже почти не слышали? Забавно. В вашем мире религии имеют дурную славу, и ваши писатели романтизируют язычество, хотя языческих богов на момент раскола миров либо не существовало вовсе, либо они были каким-то образом уничтожены. Любители язычества в мире Чудес сами создали себе богов, и не отрицают этого.

— А получается, у вас есть и Христос, и Будда, и Аллах?

— Думаю, что нет. Есть Бог, это косвенно доказано. Но кто Он, один ли Он, и какая религия ближе всего к истине — не известно. Есть огромный Пантеон искусственных богов, созданных силой магии. Маги думают, что все боги именно такие, и, по их мнению, в вашем мире Бога нет. А многие верят, что есть Пантеон и есть истинный Бог, в которого они верят. А уж чему верить — это и есть вопрос веры.

— Получается, в вашем мире церковь и маги воюют между собой?

— Нет, у них нет серьезных противоречий. Каждый занимается своим делом.

— Но ведь церковь запрещает магию. Разве нет?

— Наша магия не имеет ничего общего с той, которую в этом мире осуждает церковь. Считается, что до Великого Отречения люди не владели магией. Их познаний, мудрости и воображения не хватало, чтобы воздействовать на мир своей волей. Но были и другие существа, для которых управлять материей через идею было естественно. Те же феи, например. Многие люди завидовали им, и обращались за помощью к тем, кто с удовольствием давал подобное могущество за известную плату — демонам. Есть гипотеза, что эти же сущности часто выдавали себя за языческих богов, но она не подтверждена. Такую магию церковь запрещала вполне разумно. Но под её горячую руку попало и вообще всё чудесное. Досадная ошибка, приведшая к ещё более досадным последствиям — расколу миров. Один мир стал воплощением идей, чувств, разума и воли, а материя в нём стала полностью зависима от этих сил. Людям, оказавшимся в этом мире, который называли миром Чудес, пришлось развить свой разум так, чтобы научиться выживать в этих условиях, и овладеть естественной для мира магией. А вот другой мир наоборот потерял идейную составляющую, и превратился в бессмысленную массу материи, которая живет по навязанным этой материей примитивным законам. Чего стоит одна только термодинамика? Волшебные существа лишились своих сил и были вынуждены ассимилироваться людьми или

погибнуть. А люди стали учиться управлять материей, также развивая свой разум как средство... Но мы отвлеклись.

Лера действительно отвлеклась. Разговор о религиях и волшебстве как-то успокаивал, хоть сама девушка в Бога не верила.

— Да. Теперь... "Болезнь".

Александр снова принялся рисовать, и на бумаге из штрихов проступила фигура очень худощавой девушки с огромными глазами и длинными ушами, кожа которой полопалась во многих местах, и из-под неё торчали извивающиеся черви.

— Самая страшная болезнь, иглоносый мышечный червь. Заменяет все органы жертвы, раздувает её и делает бессмертной. Несчастные остаются живы и разумны, но не способны двигаться, и постоянно чувствуют страшную боль. Черви — хемосинтетики, и питают жертв от земли, а ещё они очень плодовиты и заразны. Заразиться можно касанием, ещё когда больной нормально двигается, и только чувствует тупую боль в мышцах. Неизлечима немагическими способами, а для заклинания нужен изумруд как минимум с тысячью граней. Опять же, сделать такой без магии, да и с магией очень трудно, поэтому если деревню накроет эпидемия этой гадости, приходится выбирать единицы тех, кто будет спасён, а остальных сжигать заживо, чтоб зараза не распространилась.

— Вы сказали, они распухают, а эта девушка такая худенькая...

— Она фея. Эльфы и феи ещё тоньше. Это не те люди остроухие из компьютерных игр. Я видел эту болезнь только один раз, и больной была именно эта фея. Я добыл изумруд, но к тому времени несчастную уже сожгли.

— Трагично...

— Да, правда, трагично. Продолжим?

— Да. Дальше... "Обман".

Лицо Александра исказилось гневом. Карандаш снова замелькал в его руках, и на бумаге проявился портрет мужчины средних лет, коротко стриженного и с лютней в руках.

— Он оболгал невинных, — процедил Александр сквозь зубы, — Так искусно подделал доказательства, что я ему поверил... И сжёг десять человек. Десять невинных! Сжёг и сожрал их тела, ибо таково было наказание за то преступление. А потом я узнал, что сожрал десять невинных! Я нашёл его. Кинул на него заклятия стойкого разума и бесконечной крови и жрал его несколько недель! Я морил себя голодом, но жрал только его. Я откусывал по кусочку...

— Хватит, — взвизгнула Лера. Нет, вчерашний взгляд не был страшным. Страшным был этот взгляд. Неестественно скривлённые брови, косой прищур, а ещё страшный звериный оскал и дрожь по всему телу. Леру радовало только одно: направлен этот гнев был не на неё, а на кусок бумаги на столе.

— Пожалуйста, хватит, — взмолилась она, — Пожалуйста, больше не комментируйте. Просто рисуйте.

Александр будто вспомнил, где находится, мгновенно остыл, и виновато поднял руки в примирительном жесте.

— Простите, я впредь буду...

— Просто рисуйте, — прервала его Лера.

Последующие ассоциации не вызвали у Александра таких эмоций. Картинки изображали то диковинных зверей, то величественные здания, и только один раз — знакомый девушке автомобиль. Затем были несколько тестов на ассоциации, логику и

интеллект. Потом по рисункам проверили память. Александр ответил идеально. Лера дала ему тесты для самостоятельного выполнения и уже собиралась отослать его и уйти отсюда подальше, как он вдруг произнёс:

— На самом деле я рад, что профессор доверил работу вам. Хоть для исхода событий и не важно, кто бы тестировал меня, и сколько бы их было, я предпочёл бы общаться с такими, как вы.

— Как я?

— Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо те и насытятся... Екатерина не из таких. Свою жажду она утоляет мнением, основанным на высокомерии и вере в неподтверждённое и бессмысленное знание. Очень редко такое знание является правдой.

— Откуда вы знаете про этот разговор?

— Я слышал его. Как и слышал обращение к Екатерине одноклассника и её ему ответ. Вы ведь заметили, что я не мог прочитать её имя на тетрадке.

— Моё вы тоже не могли прочитать. Это невозможно.

— Миры сближаются, и некоторые мои силы уже при мне. Жаль, что они бесполезны в моей ситуации... Впрочем, не важно, чем я занимаюсь сейчас и где нахожусь. Время придёт... Простите. Это раздражает вас. Досадно.

— Да нет, — попыталась солгать Лера.

— Сердцебиение. Ничего сейчас не мешает мне его слышать. Даже без сил монстра-покровителя, которые уже частично со мной, меня так просто не обмануть. Но я отвлекся. Кое-что может вам пригодиться.

С этими словами он оторвал клочок бумаги и нацарапал на нём карандашом две строчки.

— Что это?

— Адреса Людмилы Астаповой и Бердияра Кима. Мы обменялись ими, когда нам нужно было поднять веру в себя. Сделали это, чтоб найти друг друга, когда исполнили пророчество. Зайдите к ним. Поговорите. Они подтвердят мои слова. Ваш мир мне не спасти, не спасти и родную Беларусь. Даже Минск может пострадать, в том числе и от меня самого, но вы, Валерия, можете подготовиться и сделать хоть что-то для себя, чтоб остаться в безопасности.

— Почему вы решили дать мне именно эти адреса?

— Потому что все остальные мертвы, — удивился Александр, — Я говорил вам вчера об этом.

— Они живы, — неожиданно для себя выпалила Лера, — Умерли только... вы.

— Живы? Вот это радостная новость! А я, значит, умер-таки. Я этого ожидал... Интересно, как мама на это отреагировала.

— Думаю, она сама вам скажет, если сочтёт нужным.

— Да, верно. В любом случае, только Людмила и Бердияр знают историю целиком. Они и расскажут остальным. Когда начнётся заварушка, держитесь их и не приближайтесь ко мне. Слышите? Держитесь подальше от этого места и от разрушений.

Лера и рада была бы, но ей предстояло ещё раз вернуться за тестами и, к её неудовольствию, провести с Александром тест на долговременную память. Впрочем, страх, вызываемый этим странным человеком, то появлялся, то отступал, и сейчас она полностью контролировала это неприятное чувство.

— Я приму к сведенью ваш совет, — ответила она поспешно, — можете идти.

Александр кивнул, взял папку с тестами и вышел. Дверь за ним закрылась, и Лера, наконец, расслабилась, откинувшись на спинку стула. Эти драконьи штучки были тяжёлым испытанием... Нет! Она одёрнула себя. Никаких драконьих штучек. И в истории этой куча противоречий. Как пассажиры попали сначала в мир драконов, а потом обратно в наш, если тогда миры были разделены, а? И правильно не "Беларусь", а "Белоруссия"! И нет никаких "они живы", всё это хитрая выдумка человека, скрывающегося от правосудия. И, разумеется, он не умирал. Милиция выяснит, чьё тело лежит в той могиле, и этого Александра посадят за убийство. А она поможет это сделать. Она вдруг сообразила, что, так или иначе, этот кабинет всё ещё является местом повышенной опасности, потому что она здесь одна, а за дверью ходят Александр и сумасшедшие, каждый из которых может сюда ворваться и успеть многое прежде, чем получит дозу галоперидола от санитаров. Как же та блондинка справляется со своей работой в таких условиях? И как ей, Лере, работать в таком заведении, если жизнь после института её сюда занесёт?

Девушка собрала свои вещи и быстро вышла из кабинета. Снаружи всё было так же спокойно, как утром, только свет из окна был тусклее. Погода слегка испортилась.

— Ну, хороший хлопчик? — Лера дёрнулась от голоса дежурной, когда проходила мимо неё.

— Да... то есть, нет. Вы знаете, что он сделал?

— Уж слыхала, припёрся в резиденцию президента...

— Избил жену и мать.

Дежурная ненадолго задумалась.

— Да, всякое в жизни бывает. Довели, наверное?

— Тяжкие телесные.

— Батюхны! А такой хлопчик... А в жизни всё ж разное бывает. Но знаешь, доченька, что я тебе скажу? Не правильно это такие вещи про людей рассказывать. Было то, не было — не важно. Бог им судья. А если закон нарушил — на то милиция. Это их дело осуждать. Моё вот дело за порядком смотреть, а твоё, доченька, лечить, чтоб даже самый последний человек светлее стал. А за прошлое их пусть Бог рассудит.

Бог. Лере вспомнился рисунок с людьми на коленях. А ведь у этих верующих в заповедях есть что-то про отца и мать. Он заповедь нарушил, и хочет, чтоб на него молились? А может, в жизни действительно бывает всякое? А что там за мать, интересно?

— Да откуда ж мне знать? — Лера опять встрепенулась от голоса дежурной. Она проговорила мысли вслух? Раньше такого за ней не водилось.

— Это тебе к Наталье Сергеевне надо. Она и адрес знает.

— А вы можете её позвать?

— Да зачем? Она во-он в том кабинете. Не видела, чтоб выходила.

— Спасибо, я тогда к ней зайду.

Блондинка действительно сидела в указанном кабинете за столом, заполняя какие-то бумаги.

— Ну, как ваши успехи? — поинтересовалась она, когда Лера, постучавшись, открыла дверь.

— Всё хорошо... вернее, тесты я провела, но для полной картины мне необходимо было бы пообщаться с его родными...

— У него из родных вроде только мать и жена. Вам не дали их реквизиты?

— К сожалению, нет, но мне говорили, что они есть у вас...

— У меня? — возмутилась Наталья Сергеевна — Вы хотите, чтобы я дала личные данные пациента постороннему? Вы же знаете, что я не могу! Это нарушение...

Но тело блондинки говорило совсем другое. Для Леры видно было, что девушка мнётся, и нужно только приложить правильное усилие.

— Пожалуйста, Наталья Сергеевна! Эта курсовая очень важна для меня и для Владимира Захаровича! Я дала слово Владимиру Захаровичу, что соберу все нужные данные и очень не хочу огорчать его, ведь...

— Так. Вот что. Нам эти реквизиты дал сам пациент. Если что, вам их тоже дал он. Не учитите, только из уважения к профессору... я вам ничего не давала. А о результатах мне расскажете. Мне тоже интересно, в чём дело.

Блондинка нацарапала что-то на бумажке и всунула Лере в руки. Та благодарно кивнула и юркнула наружу, пока работница лечебницы не передумала делиться секретами больных. Подставлять её лишний раз тоже не хотелось, но без понимания матери картина действительно была бы неполной.

Но сперва Лере захотелось всё-таки проверить, что за адреса дал ей Александр. Их было два на выбор. Ехать к какому-то мужчине, судя по фамилии нерусскому, было как-то боязно, а женщина, скорее всего, как раз и была пациенткой Владимира Захаровича. К ней Лера и решила заехать. Правда, дома девушку ждало что-то важное, но что именно — она не помнила.

Найдя в гугл-картах нужный адрес и проложив маршрут, она отправилась в путь. Людмила Астапова жила в Уручье, неподалёку от метро, в новом многоэтажном доме. Подойдя к подъезду, Лера набрала на домофоне указанный в записке номер квартиры. Вскоре немолодой женский голос ответил.

— Ало?

— Людмила Астапова?

— Да. Кто это?

— Вы знаете такого Александра Афинского?

Голос по ту сторону домофона дрогнул.

— Он умер два года назад. Кто вы такая?

— Я... расследую его дело. Можно я войду и поднимусь к вам?

— Нечего там расследовать! Он погиб! Повис на железных штырях во время аварии! Я видела это! И я видела его в гробу! Кто вам дал этот адрес?

Лера призадумалась. Она не придумала, что ей сказать, если её не пустят. Не выдумала себе легенду, и не определилась, что будет врать. Но отвечать надо было прямо сейчас.

— Мне его дал человек... который назвал себя Александром Афинским.

По ту сторону повисла пауза.

— А что он ещё вам сказал? — раздался, наконец, потухший голос.

— Он сказал, что вы были знакомы. И ещё, что у вас была общая... работа два года назад...

— Убирайтесь отсюда! — прервал её женский визг с той стороны домофона, — Сашка мёртв, и драконов нет, и других миров тоже нет! Убирайтесь-убирайтесь-убирайтесь! Иначе я вызову милицию! Пошли вон!

В динамике раздался громкий и долгий треск, и сигнал отключился. Если домофонная трубка не сломалась, то её как минимум уронили и не сразу смогли повесить.

Это было весьма неожиданно. Лера могла предположить, что её не пустят в квартиру,

или скажут, что не знают никого с таким именем, но такая резкая и бурная эмоциональная реакция была довольно странной. Впрочем, она была красноречивей слов. Что-то действительно было между Людмилой Астаповой и Александром Афинским. Что-то очень болезненное для неё. А может, у Александра возникла с ней интрижка, раз уж с женой были такие плохие отношения? Может, он и её избивал, а во время аварии она толкнула его и он погиб? Версия очень правдоподобная, но тогда зачем рассказывать своему психотерапевту историю про драконов? А с другой стороны, с чего Лера взяла, что эта женщина — та самая пациентка?

Ну, или Владимир Захарович прав в отношении групповой шизофрении, а Лерины слова вызвали у Астаповой воспоминания о своём бреде, и она так отреагировала? Тогда и Александр должен быть шизофреником. Тем интереснее будет поговорить с его матерью...

Но ехать без договорённости не стоило. Не хватало ещё напороться на такую же реакцию. С пользой провести время можно было и дома, сделав анализ результатов тестов. А ещё дома Леру ждало что-то важное, о чём она никак не могла вспомнить. Об этом важном она и думала всю дорогу, пока в ста метрах от своего подъезда не вспомнила о вчерашнем сообщении Васе, и не осознала, что именно это "важное" её и тревожит. Смартфон, разумеется, всё это время был при ней, а в вайбере её ждало единственное сообщение. Заодно она взглянула и на своё, отправленное вчера.

"Милый, прости, у меня от учёбы мозги сварились. Встречаюсь с маньяком, люблю, целую. Пока, мой сладенький".

Ответ был следующий:

"С каким это маньяком ты встречаешься? Я послезавтра приеду, не глупи. Надеюсь, это ты так шутишь, но такие шутки мне не нравятся".

Ладонь Леры устремилась к лицу. Худшего сообщения со своей стороны она и представить не могла. Всё от дурацкого волнения. Впрочем, ответ был скорее обнадеживающим. Парень заревновал, но не психанул и не обиделся, а наоборот сорвался к ней. Это могло быть даже полезно. Но всё равно, ситуацию надо было как-то урегулировать. Играть с ревностью было опасно. Лерины пальцы стали быстро набирать новое сообщение:

"Сори, лол. Не то имела в виду. Люблю и целую только тебя! (три сердечка). Приезжай, если это ни от чего серьёзного тебя не отрывает. Очень буду ждать (поцелуйчик)".

Лера подумала и добавила:

"А маньяка я по учёбе тестирую. Всё нормально, сегодня тесты провела. Ещё один раз остался".

"Пусть немного поволнуется, — подумала она, — освежит отношения".

Заодно стоило договориться с Лидией Афинской о встрече. Лера пошарила в кармане в поисках бумажки, но первая найденная оказалась той, что дал Александр. Ехать по второму адресу не хотелось: если этот Бердияр отреагирует так же неадекватно, то неизвестно, на что сподвигнет его восточная кровь. Впрочем, выбрасывать бумажку тоже не стоило: возможно, будет ещё одна деталь к уголовному делу.

Вторая бумажка из кармана оказалась уже нужной. Лидия Александровна. Назвала сына в честь своего отца? Лера набрала номер, уже открывая дверь в свою квартиру. У абонента был подключён мелофон: в уши выстрелила какая-то детская мелодия. На другом конце долго не отвечали, и девушка смогла послушаться сполна. Наконец из динамика послышался женский голос.

— Да?

— Лидия Александровна?

— Да, кто это?

— Я по вопросу вашего сына. Меня зовут Валерия Ельская, я... психиатр.

— Психиатр? Ну... хорошо, что вы хотите?

— Я бы хотела поговорить о личности вашего сына, его прошлом, детстве, и жизни в браке. Это может помочь с его идентификацией и определением нынешнего состояния.

— Ну, с идентификацией вопрос решится после эксгумации, но если вы хотите, мы можем встретиться. Куда мне нужно будет подъехать?

— Эмм, давайте лучше я к вам. Вы не против?

— Можно и так.

— Подскажите ваш адрес?

Лера решила по возможности не подставлять блондинку. Лидия Александровна продиктовала свой адрес. Сошлось.

— А когда мне лучше подъехать к вам?

— Подъезжайте завтра, в пять. Вас устроит?

— Хорошо, спасибо, завтра встретимся. До свидания.

Лера повесила трубку. Да, разговор был информативный, хоть и короткий. Во-первых, сухой и немного наигранный тон. Лидия Афинская не проявила вообще никаких эмоций при упоминании о сыне. Ни волнения за него, ни наоборот гнева, страха, или желания не иметь с этим ничего общего. Только нерешительность и удивление. То же касалось и упоминания эксгумации, а ведь в той могиле может действительно лежать её сын — или кто-то другой, и не известно ещё, что хуже. Во вторых адрес сошёлся. А блондинка получила его от Александра. Значит, если за него и выдаёт себя кто-то другой, то он как минимум знает, где живут Афинские.

Глава третья, о приличиях и тех, кто живёт без любви

К завтрашнему визиту надо было подготовиться основательно. Каждая крупица информации о личности Александра могла быть полезной, ведь при правильном подходе разговор должен был дать многое. Поэтому проанализировать результаты тестов нужно было сегодня, а значит, работы было немало.

Самым досадным упущением Леры оказалась её просьба не комментировать рисунки. Определить, как связаны картинка и какое-нибудь абстрактное понятие, было тем труднее, что на части этих картинок было изображено нечто, понятное только очень отдалённо. Однако остальные тесты дали довольно интересный результат. Судя по ним, Александр был уравновешенным, рациональным и достаточно эрудированным человеком с высокой работоспособностью. Эмоциональная сфера была нарушена, но в куда меньшей степени, чем предполагалось. Высокий уровень эмпатии, несмотря на виденное, удивлял. Тем более странными казались гневные и кровожадные реакции на некоторые воспоминания, ни намёка на которые не было в результатах тестов. Пока ничего напрямую не указывало на шизофрению, как, впрочем, и на психопатию, но и не исключало оба варианта. Досадно было то, что самые информативные тесты Александр получил в качестве задания, а забрать результаты можно было только завтра — и то если пропустят в субботу, потому что завтра суббота. А без них складывалось впечатление, что Александр был вполне здоровым человеком, который зачем-то решил прикинуться шизофреником. Правда, он должен был для этого быть не только отличным фантазёром, но и гениальным актёром. А может, он скрывается от кого-то? От тех самых врагов? Но кто они тогда? Лера решила, что бояться Александра ей не стоит, по крайней мере, так, как она боялась его. А ситуация становилась ещё интереснее, чем изначально, потому что наиболее очевидные варианты теперь выглядели не такими вероятными.

Наработавшись, приняв душ и наскоро поужинав, Лера с удовольствием зарылась в одеяло. Она растянулась под ним и выгнула спину, отчего приятное чувство разлилось по суставам. Поистине, нет лучшего отдыха, чем после утренних приключений и вечерней работы, когда опасности развеялись, а завтра предстоял новый, ещё более интересный день.

Лера обладала довольно приятной внешностью. Длинные, немного вьющиеся, чёрные волосы. Среднее, склонное к стройности телосложение, и округлое лицо с резковатыми, но правильными чертами. Почему-то сейчас ей подумалось об этом. Нет, ничего пошлого в этих мыслях не было. Девушка просто была довольна, разминала суставы и расслаблялась. Она не думала сейчас о мужчинах, а просто получала удовольствие от мягкости своей постели. Красивая, умная, культурная, занимающаяся исследованием в рамках курсовой. У неё просто должно быть счастливое и уверенное будущее, которое не будет связано ни с какими маньяками — если только она сама этого не захочет.

"Какие-то странные у меня перепады настроения в течение дня, — подумалось ей, — Когда этот Александр рядом, появляется льдинка в груди и морозит страхом, но когда его нет, всё становится на свои места. А может, я влюбилась? Да нет, ерунда! Говорят, от любви бывают всякие разные реакции организма, но чтоб панический страх? Да и собственно с Васей ничего кроме вполне естественных физиологических реакций я не испытывала...

Вася!"

Она опять вскочила с кровати. В смартфоне, правда, снова было только сообщение "Приеду в шесть вечера, встречай. И чтоб без меня никаких маньяков!" Вот и замечательно. Завтра мать Афинская, а послезавтра любимый, с которым наверняка будет кое-что приятное. Жизнь налаживается! С этой мыслью Лера и уснула.

Утро следующего дня началось с занятий в институте. Две пары скучных лекций Лера просидела, планируя предстоящий разговор. Она старалась предположить любые варианты развития событий, основанные на разных взаимоотношениях матери и сына. Вариантов действительно было много: любовь с одной и с другой стороны, или её отсутствие, Обида, также с каждой из сторон, частота рукоприкладства — всё это было важно, и в каждой комбинации этих и других факторов действовать надо было по-разному. Но каждый раз почему-то напрашивалась комбинация "они друг друга не любят, он её постоянно бил, всё остальное не важно". Учитывая результаты тестов, в этой ситуации Александр смотрелся как мелкий домашний тиран, однако становилось непонятным, что это за история со смертью. В этом случае, Александр никак не мог инсценировать свою смерть, так как не был способен на хладнокровное убийство и не имел вообще никаких мотивов избегать наказания. А если он умер, то кто сейчас сидит в психушке? Откуда этот человек так много знает, и почему отпечатки сходятся? И тогда, выходит, результаты тестов к настоящему Афинскому отношения не имеют.

Как назло, Владимира Захаровича в институте не оказалось. Его телефон Лера взяла ещё в прошлый раз, вместе с методиками, и теперь решила позвонить ему. Однако проконсультроваться не удалось. Доктор был явно встревожен, и ответил, что не может уделить девушке время из-за семейных обстоятельств. Это было на него не слишком похоже, так как обычно он ставил свои исследования, а значит и курсовые, являющиеся частью этих исследований, превыше всего. Бывало, он задерживался на кафедре допоздна, а теперь, когда он нужен, чтобы дать совет и проверить, не сделала ли Лера ошибку в толковании результатов тестов, его нет. В любом случае, от конца пар до встречи с Лидией Афинской было почти пять часов, и Лера решила потратить это время на то, чтобы забрать результаты последнего теста. Дорога была неблизкая, но времени на неё и на проверку хватало. Благо, тест проверялся простым ключом.

Небо было пасмурным, и дорога навевала сонливое, томное чувство. Поднимаясь по лестнице, Лера вдруг вспомнила, что не предупредила Александра сдать тест дежурной. Стало быть, ей придётся опять с ним говорить. При этой мысли Лера снова почувствовала страх, однако теперь, когда обоснованность этого чувства почти окончательно была опровергнута, да и сам он стал привычным, Лера отмахнулась от него и отправила куда-то на задворки разума.

Вахтёрша по-простецки поздоровалась с девушкой и уткнулась обратно в газету, которую, за неимением другого занятия в этот спокойный день, читала. Лера глянула в коридор, и увидела невзрачную длинноволосую фигуру, копающуюся в книжной полке. Страх усилился. Однако в конце коридора сидел и чем-то занимался в смартфоне санитар, так что опасности вроде как не было. Это не отдельный кабинет, где только двое.

Александр вдруг встал, повернулся к ней и кивком приветствовал. Лера подошла ближе.

— Здравствуйте, Валерия. Мои силы быстро нарастают, но я всё ещё в плену этого облика. Как же прискорбно.

— Да, здравствуйте, Александр. Вы заполнили тест?

— Разумеется. Думал отдать дежурной, но решил, что не стоит, раз вы не сказали.

Теперь смысл слова "прискорбно" ощутила сама Лера. Впрочем, страх так и оставался на задворках разума, не мешая ранее скрытому за ним любопытству.

— Я схожу за ним, чтобы не задерживать вас, — предложил Александр, направляясь к одной из палат, — Меня сперва потешал страх, который я внушаю тем, кто считает меня врагом, но с ростом силы это становится опасным.

— Думаете, я считаю вас врагом? — Лера попыталась изобразить лёгкое изумление, но получилось совершенно не искренне. Скорее эта интонация действительно наводила на мысли о враждебности.

— Несомненно, — Александр скрылся в палате, но вскоре вернулся с тестом и исписанной бумажкой.

— Вы считаете меня врагом с того момента, как заподозрили в обмане. Это было в первую нашу встречу. Я тогда допустил усиление эффекта своими эмоциями. Такие уж мы существа... впрочем, вы всё равно мне не верите.

— Не верю, — вдруг призналась Лера.

— Хорошо хотя бы, что вы не считаете меня шизофреником. Как я и говорил, я слышал тот разговор.

Сомнения и даже некоторое смятение овладели Лерой. Этот человек слишком много знал. Или догадывался, или непонятно, что вообще думал и понимал.

— Кто вы всё-таки? — спросила она.

— Александр Афинский. Для вас — человек, осуждённый за избиение, и по какой-то причине попавший в дурку.

— Тогда скажите, кто лежит в вашем гробу.

— Не знаю. Правда, я не знаю не только "кто" лежит в гробу. Я даже не вполне представляю, "что" там лежит. Меня не было во время похорон. Я не опознавал это, я даже это не видел. Я и не должен был, ведь это осталось от меня.

— Я вам не верю.

— Тогда скажите, зачем мне всё это? Два года условных, из которых я почти полгода отбыл, и мог рассчитывать на амнистию или условно-досрочное. Зачем мне было бы пропадать из поля зрения милиции?

— Если вы не тот, за кого себя выдаёте, то у вас могут быть любые мотивы, — неожиданно для себя вдруг произнесла Лера. Александр отчего-то усмехнулся.

— Так или иначе, вы всё поймёте. А если вдруг что-то пойдёт не так, идите к моим друзьям.

— Это мне решать.

— Правда, нечего ни добавить, ни убавить. А вообще, я собрался читать...

— Я хочу спросить, откуда вы знаете адрес Афинских и так много об их жизни.

— Сейчас нам не о чем больше говорить. Пока вы не отступите от материалистических догм, любой наш разговор будет... бессмысленным. Простите.

Он произнёс слово "бессмысленным" как-то по-особому, с нажимом, вставляя гласные звуки между согласными там, где их не должно быть. И так много было в этом высказывании пафоса и нажима, что спорить с его сутью было невозможно. Этот человек и раньше выражался как-то неблагозвучно, порой — пафосно, но так не по-людски — впервые.

И он скрылся в палате, оставив Леру в замешательстве.

"Вот дура, сколько лишнего наплела! — укорила себя девушка, — Нашла с кем

откровенничать! Может ещё публично покаяться этому ненормальному во всех грехах, включая интим с парнями? Или что там ещё у этих верующих считается грехом?"

Так или иначе, цель была достигнута, и отсюда надо было поскорее уезжать, что Лера и сделала. Оказавшись дома, она сразу занялась анализом теста. Судя по нему, ни шизофренией, ни психопатией исследуемый не страдал. Был целый ряд личностных расстройств, но выраженных умеренно. Это — работа для психотерапевта, но не психиатра, и таких людей в сумасшедших домах не держат. Социальной опасности они представлять не должны, за все свои действия отвечают, а значит, любой ответственности подлежат. Однако такого рода личностные расстройства должны были являться следствием совокупности факторов, основным из которых является воспитание. Пора было ехать к Лидии Афинской.

Следуя маршруту гугл-карт, Лера спустилась в метро. Безразличный тон матери Александра во время недавнего телефонного разговора в совокупности с результатом теста наводил на некоторые предположения. Если такое же безразличие, а возможно и жестокость при непослушании, Афинский впитывал всё своё детство, то он вполне мог вырасти недолюбленным, и, ощутив силу, начать поколачивать близких. Но что-то заставляло девушку усомниться в своих догадках. Мысли об этом сопровождали Леру в течение всей поездки. Наконец, объявили нужную станцию.

Район, в котором жила Афинская, выглядел чисто и культурно. Это было не удивительно, так как центр города был недалеко, но, в отличие от него, здесь не ощущалась его спешка, его беспокойство. Наоборот, в свете солнца, далеко ушедшего на запад, район казался дремлющим. Повсюду были деревья, в том числе небольшие красные клёны и высокие груши с кручёными ветвями, на которых виднелись маленькие зелёные фрукты с красными боками. Над этими деревьями возвышались редко посаженные высокие здания, покрашенные ровной белой краской, с разноцветными балкончиками. Лере вспомнился район, где жила она. Там тоже было довольно много растительности, но узкие дворики между старыми, потрескавшимися панельными домами, и кривые полумёртвые яблони создавали совершенно другое ощущение, ощущение упадка. Здесь же природная свежесть и чистота цивилизации слились в каком-то особом симбиозе уюта.

Ведомая картой в смартфоне, девушка шла среди этой красоты по заданному программой маршруту. Посреди большого, засаженного деревьями участка, на маленьком возвышении показался нужный дом. Железная дверь подъезда была открыта, а рядом, на придомовой стоянке, рабочие выгружали из грузовика деревянные детали то ли мебели, то ли окон. Лера воспользовалась этим и, войдя в подъезд, начала поиск нужной квартиры. Смартфон в этом поиске уже был бесполезен, и, поставив устройство на беззвучный режим, чтоб не мешало, она спрятала его.

Вдруг до её ушей донёсся крик. Судя по всему, кричали в одной из квартир, а номера подсказывали, что нужная девушке дверь в том же направлении. Лера двинулась на звук, и чем ближе она подходила, тем больше кричащий голос казался похожим на тот, что она слышала по телефону. А исходил этот крик из-за двери, на которой красовался нужный номер. Лера остановилась около неё и прислушалась. Помимо криков с той стороны доносился плач ребёнка.

— ... развела, корова! Сейчас человек придёт, а ты что устроила? А ну немедленно всё убрала! — голос Лидии Афинской излучал гнев и обиду. Он слышался то ближе, то дальше от двери, и, судя по всему, в квартире всю шла подготовка к её, Леры, принятию.

— После такого и не подумаю, — послышался в ответ другой, более молодой,

безэмоциональный голос.

— Ах ты, ведьма! Да как ты смеешь! Что ты вообще здесь делаешь? Да здесь ничего твоего нет, корова ты!

— Я здесь прописана, и мой ребёнок — тоже. Твой внук, между прочим. И доля моя здесь есть, её Саша отписал.

— Прописана? Доля есть? — в голосе Лидии Александровны послышались нотки плача, — Сколько же горя принёс мне этот человек!

— Кого вырастила, то и принёс.

— Как ты смеешь! Это ты ему голову забила, ты его охомутала! Да если б не ты!..

— Да? Будто до меня у вас с ним всё было хорошо.

— Было! Вот представь себе, было!

— А сама мне не жаловалась, что он в дом всякую бесовщину с детства тащит?

— Ведьма ты поганая! Да! Тащил! И я его от этой бесовщины ограждала, как могла, пока он тебя, ведьму, колдунью проклятую, не притащил! А ты его точно приворожила, наколдовала! Всё про тебя знаю, ты...

Лера ткнула в дверной звонок. Она не могла больше это слушать. Впервые в жизни она слышала, чтоб человек ругался с такой злостью, и при этом не матерился. Да если бы в этой тираде было хоть одно нецензурное упоминание гениталий или полового акта, она бы вызывала меньшее отторжение. Впрочем, если за обвинениями в ведьмовстве была некая форма правды, скандал приобрёл бы совершенно другой смысл. Разумеется, Лера не верила в колдовство, но наркологию и токсикологию изучала. Это бы объяснило, почему отношения Александра с женой так быстро сошли на нет.

Крики немедленно прекратились, только ребёнок по-прежнему плакал, не меняя тон. Послышался шум возни, скрип мебели и топот пробежек трусцой. Лера подождала с полминуты и нажала на звонок ещё раз. На пару секунд шум усилился, и дверь, наконец, открылась. За ней показалась женщина лет пятидесяти, в длинном синем платье из лёгкой ткани, с короткими каштановыми волосами, стройная и осанистая. Позади неё стояла другая — платиновая блондинка чуть старше Леры, тоже стройная, но слегка сутулая, с узкими бёдрами и непропорционально большой грудью, в светло-голубых джинсах и белой обтягивающей кофточке с розовым котёнком на принте. Лера отметила разительное сходство этих женщин: острые правильные черты лица, орлиные носы, зелёные глаза и аристократическое безэмоциональное выражение. Александр — или тот, кто себя так называл — был совершенно на них не похож. Лера переступила порог.

— Лидия Александровна, здравствуйте. Мы вчера говорили с вами по телефону.

— Да, мы вас ждали, Валерия...

— Тимофеевна. А вы, должно быть, супруга Александра... — обратилась Лера ко второй женщине.

— Да, ответила та, — Меня зовут Анна Филипповна

Плач ребёнка начал стихать. Видимо, младенец устал. Лера осмотрелась вокруг. Прихожая была перегружена новенькой, но очень плохо собранной мебелью. Створки двух платяных шкафов не сходились друг с другом, а кривовато торчащие ящики явно не закрывались до конца. Под потолком висела огромная массивная люстра с одной ввёрнутой лампочкой из пяти. Напротив входа, по обеим сторонам от обклеенной яркими аппликациями двери, стояли два одинаковых комода, уставленных какими-то статуэтками. Правый немного покосился, а из-за приоткрытой дверцы левого виднелась куча тканевого

хлама, едва не выпадающая наружу. Справа от комодов висели полоски пёстрой ткани, судя по всему загораживающие проход в коридор. Между ними и входной дверью стояли несколько декоративных, но потёртых вешалок с кучей одежды, в том числе летней. На противоположной стене висело ростовое зеркало, а по обеим сторонам от него — с десятков икон. Лера никогда не видела столько икон в квартире в одном месте. Она вообще не видела столько икон. И всё, кроме них — шкафы, комоды, вешалки, люстра, даже розовые обои на стенах — было обклеено вырезанными из цветной бумаги цветами, листьями и лепестками. Здесь было невероятно тесно, а глаза не знали, за что в этом буйстве цветов и деталей зацепиться.

— Проходите, пожалуйста, — Лидия Александровна открыла дверь с аппликациями, — Обувь и пальто оставьте на вешалках.

За дверью оказалась гостиная, по убранству напоминающая прихожую. Слева была мебельная стенка, тоже плохо собранная, а вдоль правой стены располагался диван, покрытый узорчатым чехлом. Окно напротив входа закрывали тяжёлые шторы, а освещалась комната люстрой, ещё более массивной, чем в прихожей, с двумя рабочими лампочками из пяти. Бумажные цветы также покрывали стены и мебель вокруг двери, но они постепенно пропадали ближе к окну. А над диваном тоже висели иконы, и их было ещё больше, чем в прихожей, двадцать или тридцать. Посреди комнаты стоял массивный и с виду старый деревянный стол, а вокруг него — шесть стульев, за один из которых Лидия Александровна и предложила Лере сесть. Сама она опустилась напротив, Анна же расположилась на диване.

— И так, — начала Лидия Александровна, можно узнать, что именно вас интересует, и какую роль в этом деле вы всё-таки играете?

— В центре психического здоровья находится человек, называющий себя вашим сыном, и я занимаюсь его случаем...

— Мне говорили об этом. Но феноменом того человека занимается психиатр-мужчина... как же его зовут...

— Владимир Захарович, — догадалась Лера по слову "феномен", — Я его помощница.

— Да, Владимир Захарович, точно. Он не говорил о вас, но раз вы от него, я могу ответить на ваши вопросы, хотя не понимаю, в чём тут смысл. Александр погиб в аварии два года назад.

— Вы уверены в этом? По моим данным отпечатки пальцев пациента совпадают с отпечатками вашего сына.

На лице Лидии Александровны отразилось изумление.

— Нас с Аней приглашали на опознание трупа. Это был он...

— И на похоронах вы видели его тело?

Женщина смутилась. Заметив это, в разговор вступила Анна:

— Мы не были на похоронах.

— Можно поинтересоваться, почему?

— Потому что он был домашним тираном. Он неоднократно наносил нам телесные повреждения.

— Это долго продолжалось?

— Почти с самой свадьбы.

— А вы помните примерно, сколько раз это было?

— А какое это имеет значение? — спросила Лидия Александровна.

— Это важно для понимания его психического состояния.

Лера чувствовала, что эти женщины не очень хотят рассказывать секреты их семьи, и не видят веских причин для этого. Их надо было замотивировать.

— Понимаете, в чём тут дело. Есть версия, что Александр жив. Его отпечатки совпадают с отпечатками сумасшедшего, которого мы подозреваем в шизофрении. Но если мы ошибаемся, он может быть опасен. Нам важно знать, мог ли он инсценировать свою смерть, убив кого-то вместо себя, и бежать. Он может попытаться отомстить. Важно поставить правильный диагноз, чтобы оградить его от общества.

— Ну, у тела было много порезов от стекла на лице, — Неуверенно произнесла мать, сохраняя аристократическое выражение. "Купилась", — подумала Лера.

— Кроме того, психическое отклонение может оказаться наследственным. Я слышала детский плач. Александр — отец?

— Да, — ответила Анна, но её взгляд уткнулся в пол, а руки и ноги скрестились. Она лгала.

— В таком случае, понимание психического состояния Александра важно для рекомендаций в воспитании его сына, чтобы не допустить развития болезни и у него. На самом деле ситуация очень запутанная. Мы были очень удивлены, когда отпечатки совпали, и поэтому было решено мне поговорить с вами.

Лера сама удивлялась своему вранью. Она следила за языком своего тела, и скорее всего её ложь смог бы распознать только очень хороший профессионал, но ей уже становилось страшновато от возможных последствий. Впрочем, цель была достигнута.

— Я не знаю, мог бы он убить, или нет, — произнесла Лидия Александровна, — он очень жестокий человек. Он без причины кидался на нас, и в такие моменты был сам не свой, как будто его подменили. Он угрожал, что разобьёт нам лица, замахивался, тягал за волосы, мог схватить и бросить...

Лере вспомнился бешеный взгляд Александра.

— А что провоцировало его на это?

— Ничего не провоцировало. Он вдруг внезапно срывался, врывался к нам на кухню и начинал угрожать, что лбами столкнёт, а потом лез драться...

— Но как у вас в семье в целом были отношения?

— Обычные, как во всех семьях.

— А можно спросить, какие отношения сейчас между вами с Анной Филипповной? Вы общаетесь?

— Да, мы живём вместе. У нас тоже обычные отношения, как во всех семьях.

Если то, что Лера подслушала под дверью, было "обычными отношениями", то становилось понятно, что провоцировало Александра. Впрочем, если правдой были и те зверства, которые описывала мать, то это его не оправдывало. Домашнему насилию вообще нет оправдания. Тем более что ссоры бывают во всех семьях, и если подслушанный скандал был единичным случаем, то поведение Александра было похоже на психопатию, что бы там ни говорили тесты.

— А как вы думаете, откуда могла взяться эта жестокость?

— От бабушки. Она портила его с детства, и добила своего.

— От его бабушки? По линии его отца?

— Нет, по моей. Она была ужасной женщиной. Всегда лезла в чужие дела, всеми командовала, всё время скандалила, а его держала под стеклянным колпаком. Бэстила, настраивала против меня и покупала бес... вредные игрушки.

Аристократическое выражение лица Лидии Александровны, наконец, пропустило пару эмоций, а именно гнев и омерзение. Анна закатила глаза.

— Значит, у вас были плохие отношения с вашей матерью?

— Нет, ну с ней было трудно ужиться, — опомнилась женщина, — но тоже ничего особенного не было.

— И вы думаете, что агрессия в Александре от неё?

— Посудите сами. Когда ему было двенадцать лет, она подарила ему на рождество вампира.

— Вампира?

— Да, фигурку на мотоцикле. Я к нему прихожу, он играет с этой фигуркой, а рядом лежит коробка с надписью "Blade vampire hunter". То есть лезвие вампира-охотника.

— И что вы сделали?

— Объяснила ему, что вампиры — это плохо, и сказала выбросить.

— Он послушался?

— Да. Сначала упирался, говорил "Блэйд хороший". Он решил, что Блэйд — это имя. Но потом всё понял, пошёл и выбросил. И мотоцикл с вампирской символикой — тоже.

— А он не мог припрятать?

— Нет, я проверила, когда выносила мусор.

— Выносили мусор... А какие у Александра были в детстве обязанности по дому?

— А никаких. Бабушка за ним бегала и всё делала.

— Вы пробовали с ней поговорить, или как-то подействовать на него?

— С ней я говорила, но от этого были одни скандалы. А его невозможно было заставить что-то делать. Он был лентяй.

— А, например, послать его в магазин, чтобы он купил продукты и себе что-нибудь? И у него был бы мотив, и к труду бы приучался...

— Так она его из дома не выпускала, чтобы его куда-то послать. Да и он все деньги на себя потратил бы.

— Он такое делал?

— Нет, потому что он не ходил в магазин.

— А как он общался со сверстниками?

— Не знаю... Вроде и никак.

— Но в школу-то он ходил?

— Да, но часто болел. Бабушка вызывала ему врачей и держала по месяцу дома. Он два месяца походит — и опять болеет.

— Наверно, учился совсем плохо?

— Да нет, как все. Были двойки, были олимпиады, разное было. В младших классах да было плохо. Потом вроде стало получше, в восьмом классе вроде даже стал хорошистом. Потом скатился, но всё-таки кое-как выучился. Да, он любил читать. Особенно всякие энциклопедии. У него было очень много книг, и он знал много такого, чего мы взрослые не знали. Ещё он любил рисовать, особенно динозавров и драконов. Он смотрел много мультиков по телевизору, любил передачи про животных и всякую фантастику.

— И долго он вёл такую затворническую жизнь?

— До четырнадцати лет. Потом он начал сбегать из дома. Его поначалу ловили, а потом уже не получалось.

— И надолго он сбегал?

— Надолго, иногда часа на четыре.

Лере вспомнился поступок из её детства. Она как-то сильно обиделась на свою маму и спряталась на два дня у подружки. В конце концов, она вернулась домой, и её ждал терпеливый, обстоятельный разговор с родителями, после которого она многое поняла. Когда девушка подросла, мама рассказала ей, что после нескольких часов поисков она позвонила родителям подружки, и договорилась с ними, что те помогут девочке прийти в себя и позволят немного у них пожить. Вот это был настоящий побег.

— Он пил, курил?

— Нет, — в голосе матери послышалась гордость, — никаких вредных привычек. Мы его с детства учили, что пить и курить — это плохо.

— А игровая зависимость у него была?

— Да вот появилась в последние годы. Видимо, бес... вредные образы от бабушки таки сделали своё дело.

— А с какого возраста он играет в компьютер?

— Лет с восемнадцати. Раньше у нас компьютера не было. Думаете, всё из-за игр?

Лера с трудом подавила гнев.

— Не знаю. Так трудно судить, но это всё довольно полезная информация... А кто его отец?

Лидия Александровна смутилась.

— Да так, ошибка прошлого. А это важно?

— Как я говорила, тут может быть наследственность.

— Да, может быть, — задумчиво произнесла женщина, — Мы познакомились в школе.

— Любовь с детства?

— Нет, мы там работали. Я преподавала английский, он — историю.

В следующую секунду Лера понадеялась, что эти женщины не знают физиогномику. Перед ней сидела учительница, и рассказывала, как у неё вырос маньяк. Рассказывала со спокойным выражением лица, демонстрируя только отвращение, когда речь шла о её собственной матери. Лере захотелось сказать этой женщине всё, что она чувствовала, а потом ещё что-нибудь сверху. Но тогда задача была бы провалена. Во имя всех, кто мог пострадать от человека, которого породила эта женщина, надо было взять себя в руки и продолжить слушать то, что она говорит.

— Я ему очень понравилась, он дарил цветы, позорил меня на всю школу... В конце концов, я сдалась. Мы поженились, и стали жить с моими родителями. У него своей квартиры не было.

— А как ваша мама отнеслась к вашему замужеству?

— Не одобрила, разумеется. Она начала издеваться над ним. Выливать детские горшки в ванну, а он этого очень не любил. Кричала на него, что у него, мол, нет ничего своего в доме. И со мной она всё время скандалила при нём, а когда он влезал, переключалась на него.

— Он не выдержал?

— Выдержал. Всё бы у нас с ним было нормально, если бы он не оказался алкоголиком. Начал ходить где-то по вечерам, возвращаться пьяным в стельку, ходил по дому голышом. Потом в школе говорили, что он завёл роман с выпускницей, у которой брат учился. Это стало последней каплей. Я его погнала.

— И где он сейчас?

— Не знаю, я с ним никаких отношений не поддерживаю.

— А вы не думали на алименты подать?

— Не нужно мне от него ничего. К тому же он наверно спился. Может, его уже и в живых нет.

— Да... понятно. Ладно. А может, у вас остались старые фотографии Александра?

— Ох, где-то были. Аня, поищи, а?

Поднявшись с дивана, Анна, бросила на свекровь униженный взгляд и вышла из комнаты. Это была её вторая эмоция, которую видела Лера.

— Есть ещё один вопрос, произнесла студентка, — Можете рассказать о суде над Александром?

— Что вас интересует?

— Ну, для начала, кто подал в суд?

— Анна.

— А вы поддержали её в этом?

— Я её уговорила. Она не хотела подавать. По сути, дело завели, потому что Анна попала в больницу, а они там обязаны передавать сведения. Она хотела соврать, что, мол, упала. Я объяснила ей, что это неправильно. Потом она отказалась от медэкспертизы, и вообще хотела то ли забрать заявление, то ли написать, что нет претензий. Но его надо было оградить от общества.

— Говорите, экспертизы не было?

— Да, Анна отказалась.

— Так почему тяжкие телесные?

— Вы хорошо осведомлены. Ну, взяли материал из истории болезней, и на его основе сделали экспертизу. Эта несчастная Анна ещё бегала по инстанциям, чтоб написали менее тяжкие...

— Бегала? Подождите, разве она не должна была лежать в больнице?

— Она и лежала, три дня.

— А кроме вас свидетели были?

— Нет, только мы.

— Наверно, соседи что-то слышали?

— Все говорили, что нет.

Лера вспомнила своё подслушивание через дверь.

— Так а на какой доказательной базе строилось дело?

— Он сам рассказал всё, как было. Как бил, куда бил, что было потом. Как угрожал... В общем всё.

— А вы тогда пострадали?

— Да. Он таскал меня за волосы. Ставил на колени. Требовал, чтобы мы с Анной извинялись друг перед другом и перед ним.

Лере вспомнились люди на коленях с рисунка.

— Так значит, по сути, приговор строился на экспертизе, сделанной на основе документов из больницы, и его признании? А он просил у вас и у жены прощения до или после суда?

— Нет. У неё — в каком-то смысле да. Он ей свою долю квартиры отписал. У меня он прощения не просил.

— Долю в квартире? Больше похоже на взятку...

— Ну, Аня не поддалась. А вот, кстати, и она. Нашла фотоальбомы?

— Да, — ответила вошедшая в комнату молодая женщина, кладя на стол большую и очень старую книгу с картонными листами.

Лидия Александровна открыла альбом и принялась перелистывать страницы, комментируя фотографии и пересказывая Лере историю Александра. На фотографиях, особенно на поздних, явно был тот самый человек из психушки, только более молодой, сутулый и совсем толстый. На детских фотографиях он в основном лежал в кровати, всегда одетый очень тепло, всегда со стрижкой "шапочка", отросшей сантиметров на десять, с невымытыми волосами, и с глупой улыбкой на лице. Иногда он был с книгой, иногда — с какой-то игрушкой. Рядом с ним всегда была небольшая пожилая женщина с орлиным носом и решительным взглядом — бабушка, как пояснила Лидия Александровна. Сама мать встречалась на фотографиях не часто, в основном с совсем маленьким мальчиком.

— А что насчёт вашего отца? — спросила Лера, заметив, что помимо Александра мужчин на большинстве фотографий нет.

— Он ушёл от нас. Бабушка изменяла ему. Первый раз она созналась сама, и он простил. Второй раз он её застал, и на этом их отношения закончились.

— Почему вы называете её бабушкой? Она же ваша мать.

— Так у нас в семье повелось. Я мама, он Саша, она бабушка...

— А почему вашего отца нет на фотографиях?

— Он фотографировал... хотя, подождите.

Лидия Александровна открыла одну из ранних страниц. На фотографии был изображён высокий, крепкий, красивый мужчина лет пятидесяти пяти, в деловом костюме.

— Вот он, мой отец.

Где-то в глубине квартиры запищал телефон. Анна снова вышла из комнаты. Лидия Александровна продолжила листать календарь. Ближе к концу появились распечатанные на простой бумаге цифровые фото. На них Александр был именно таким, как сейчас в психушке, только с чистыми волосами. Сомнений быть не могло: это был он, и он был жив. А значит, он — беглый преступник, а похоронили кого-то другого. Но в простую ошибку Лера не верила. Мог ли этот человек в момент аварии вовремя среагировать, и убить кого-то, чтобы выдать за себя? Или ему повезло, кто-то другой погиб рядом с ним, а он изрезал мёртвому лицу и подкинул свои документы? В везение Лера тоже не верила.

И вдруг на бумагу капнула прозрачная жидкость. Лера подняла глаза. Лидия Александровна плакала. Молча, беззвучно. Её губы скривились от внутренней боли, а из глаз текли слёзы, скатывались по щекам, и срывались с точёных скул на бумагу. Лере вдруг стало жаль её. Как бы она ни воспитывала сына, то, что он делал с ней потом, было слишком жестоким. Кого винить в этой ситуации, и на чьей стороне правда, девушка судить не могла. Однако очевидно было одно: женщина с непростой судьбой плакала над фотографиями сына, которого потеряла. Может, дежурная больницы была права, и в жизни действительно всякое бывает?

— Почему вы убедили Анну... Филипповну настаивать на обвинении?

Она молчала.

— Вы боялись?

Она кивнула.

— Вы всё ещё любите своего сына.

Усилием воли мать сдержала слёзы и рыдание, которое должно было вырваться из её открывшегося рта. С трудом она выдавила из себя одно единственное слово.

— Нет.

Это было ложью.

Тем временем в комнату вошла Анна.

— Звонил патологоанатом. Есть результаты анализа.

— Они сказали результат? — оторвалась Лидия Александровна от фотоальбома.

— Да. Девяноста девять и девять в периоде. Это он.

— Что значит "Он"?

— Труп принадлежит Александру.

Лидия Александровна осела на своём стуле. Из её груди долго и медленно вышел вздох облегчения.

— Ну, вот и всё, произнесла она, — значит, ваш пациент не имеет к моему сыну никакого отношения. Может какой-нибудь из его друзей сошёл с ума и вообразил себе, что это он. Так или иначе, надеюсь, то, о чём мы говорили, не выйдет за пределы этой комнаты.

— Даю вам слово. Но... зачем всё-таки была эта эксгумация? Вы ведь могли приехать в центр и опознать нашего больного лично...

— Аня посоветовала поступить так. У неё юридическое образование. Но теперь это вас не касается, — женщина как будто восстанавливала себя из разбитого состояния, — это больше не ваша забота, так?

— Да, — согласилась Лера, — придётся передать Владимиру Захаровичу, что у нас, скорее всего, случай шизофрении. Простите, что отняла ваше время...

— Ничего страшного. Мы ведь с вами интеллигентные люди. Встретились, пообщались, решили вопрос... Надеюсь, вы понимаете, что его детали конфиденциальны?

— Да, разумеется. Мне пора. Ещё раз спасибо вам...

Выходя в прихожую, Лера задела открывающуюся наружу дверь, и та слегка стукнулась об комод. Дверца открылась, и на пол вывалился целый ворох тряпья: платья, свитера, юбки, джинсы, ещё какие-то элементы одежды, все пыльные, потускневшие, и явно давно не ношенные. Смятые, спутанные между собой, с какими-то принтами и вышивками, изображающими птиц, цветы, котят, надписи на английском. Что-то вышитое бисером, что-то с наклеенными стразами, что-то с фальшивой вышивкой. Всё такое разное, яркое и бесполезное, это тряпье выкатилось из переполненного комода от легчайшего толчка, будто чудовище из своей берлоги в мир разваливающейся искусственной пестроты. Девушка постаралась сделать вид, что ничего не заметила, и попробовала открыть дверь, однако та не поддавалась.

— Я помогу, — Лидия Александровна подскочила к двери и, закрывая своим телом от Леры мусор, произвела сложную манипуляцию обеими руками с замками на двери, от чего та, наконец, открылась, выпуская гостью на лестничную клетку.

Лера поспешила покинуть подъезд, с удовольствием закрыла за собой железную дверь и вдохнула холодный вечерний воздух. Да, они интеллигентные люди. И как эти интеллигентные люди могут жить в таком прекрасном месте такой ужасной жизнью? Девушке не хотелось сейчас ничего анализировать с точки зрения психологии, думать о результатах разговора и тестов, о фотографиях, и вообще думать. Ей просто хотелось отдышаться. От сильнейшего гнева, и вместе с тем от сильнейшего сострадания. Мать искренне мучилась. Потому что её мучил сын, и мучила мать, и ещё она мучила сама себя. Сколько же боли в её жизни! И она воспроизводит эту боль, и получает её в ответ. Как сделать так, чтоб этого не было, чтоб люди жили счастливо, а дети не вырастали драконами?

Нет, в экспертизу Лера не верила. Что там уже можно понять через два года в гробу с червями? Или эта Анна соврала ей? Да, пожалуй, более холодного человека, чем супруга Александра, Лера ещё не видела. Женщина, сделанная из льда, для которой ничего не стоит, поняв, что дело пахнет возвращением тирана, соврать матери о смерти сына. Но может это и ложь во благо? Несчастной женщине будет легче, если для неё её сын умрёт, а цикл, повторяющийся из поколения в поколение, продолжится.

Глава четвёртая, об играх и сильных мужчинах

Вдруг внезапное ощущение опасности оторвало девушку от тяжёлых размышлений и дыхательной гимнастики. В вечернем воздухе её ноздри уловили какой-то непонятный запах спирта и тухлятины. Прямо перед ней, в сорока метрах, стоял худощавый, высокий мужчина в длинном чёрном пальто, с длинными тёмно-серыми волосами, струящимися на плечи и грудь из-под чёрной ковбойской шляпы. Мужчина смотрел в упор прямо на неё, прямо ей в глаза, и уголками рта улыбался. На стоянке, где раньше разгружали мебель, теперь был припаркован чёрный BMW, рядом с которым стоял огромный, метра два ростом, мощный человек в чёрном деловом костюме, и тоже в упор смотрел на Леру. А с другой стороны к ней направлялся высокий плотный мужчина в военной форме, на ремне которого виднелась кобура.

Лера ощутила так часто накатывавшее на неё в последнее время чувство страха. Лыдинка вновь обдала холодом изнутри её грудь. Однако на этот раз неприятное чувство, зародившись на тех задворках сознания, куда девушка отправила его при последней встрече с Александром, не смогло вырваться оттуда. Напротив, волна адреналина обдала её разум, сделав его чистым как стекло и быстрым как молния. Лера ни разу в жизни не чувствовала такого, и ей даже понравилось. Однако сейчас необходимо было что-то предпринять.

Вокруг были люди, значит, до стрельбы наверняка не дойдёт, а если и дойдёт, то смертельный выстрел маловероятен. Люди вызовут скорую, и её спасут. С другой стороны, все неприятели находятся достаточно далеко, и если попытаться броситься за дом, есть шанс как минимум выиграть время, а потом позвать на помощь. Кто-нибудь наверняка не заметит пистолет и попытается помочь, а может и милицию позовут. В общем, из ловушки был выход, и им надо было немедленно пользоваться.

Удивляясь своему хладнокровию, Лера бросилась в сторону, но ей вдруг сильно захотелось отдохнуть и подождать. А потом что-то произошло. Всё как будто дёрнулось. Картинка вокруг, звук, люди — всё чуть-чуть изменилось, оборвалось, как плохо смонтированный фокус в старых фильмах. И Лера влетела в объятия великана в костюме, который мгновение назад стоял рядом с машиной. Девушка попятилась, но спина её упёрлась в чью-то грудь. А справа от неё послышался мягкий, тихий, но вкрадчивый голос:

— Ох, куда же вы бежите? Мы даже ещё не знакомы, а вы так спешите скрыться, будто мертвеца увидели...

Великан схватил девушку за плечи. Пальцы сжались, причиняя боль. Лера подняла глаза на лицо схватившего её. Бледное, грубое, блестящее от жира, с бледно-серыми глазами, и не выражающее ни единой эмоции. Он был как машина, а руки-тиски были твёрдыми и холодными, как будто металлическими.

— Синьор Казанцев, препроводите эту прелестную незнакомку в нашу карету.

Лера попыталась закричать, но струя воздуха вырвалась из её горла, не издав ни звука, как будто на месте голосовых связок была гладкая и толстая трубка. Руки обвисли, а ноги подкосились. Впрочем, девушка не упала, повиснув в руках громилы. Это было больно, но гиганта, похоже, не интересовало ничего, кроме команды, данной ему. Он двинулся к машине, подметая землю ногами девушки, бесцеремонно закинул её на заднее сидение и закрыл дверь, после чего сам сел за руль. Военный сел рядом с ним, а справа к Лере подсел

человек в шляпе. Развалился на сидении и приобнял студентку левой рукой за плечи. Мерзкий запах наполнял салон автомобиля, от чего хотелось не дышать.

— Трогайте, синьор Казанцев, — пропел мужчина в шляпе, запрокидывая голову, — Господин генерал, вы же не возражаете, если мы тут на заднем сидении немного пошалим?

Ответа не последовало. Ни громила, ни военный даже не обернулись. Машина тронулась, и Лера ощутила полную беспомощность. Страх усилился. Девушка по-прежнему контролировала свой разум, но тело её не слушалось, будто принадлежало не ей или было мертво. Она вдруг почувствовала себя куклой, которой сейчас будут играть. Оставалось надеяться только на то, что игра не будет жестокой. Впрочем, голос возвращался. Девушка издала сдавленный тихий вскрик, услышав который, человек в шляпе, сползшей ему на лицо, сладко усмехнулся.

— Рад, что к нашей незнакомке вернулась речь. Теперь мы сможем познакомиться с ней, и не знаю, как вас, синьоры, а меня это безмерно радует.

— Руку убери, извращенец! — выдавила из себя Лера, пытаясь хотя бы толкнуть наглеца плечом. Но всё, что было у неё ниже шеи, ей не подчинялось, да и шея почти не гнулась.

— Ай, как некрасиво! — пропел человек, снимая шляпу и вешая на сиденье перед ним, — Как можно так грубо и вульгарно обращаться к благородным синьорам, тем более, если они могут вас убить, и это было бы самым правильным решением.

Лера сглотнула слюну. Угроза была вполне реальной, и чуть что эти люди так и поступят, девушка чувствовала это.

— К тому же мы с прекрасной незнакомкой не переходили на "ты". Я бы предпочёл называть её на "вы" и жду от неё того же. Это — знак моего уважения и чистейших, добрых, искренних намерений. Вы ведь цените искренность, моя госпожа?

— Чего вы от меня хотите? — крепнувшим понемногу голосом спросила Лера.

— Для начала ваше имя, сударыня.

— А если я не хочу его называть?

— Тогда, к моему вящему сожалению, вы умрёте. Понимаете ли, я стремлюсь наладить с вами диалог. Это очень важно для меня, и не менее важно для вас, ибо в случае неудачи вы умрёте от моих рук, а мне останется лишь ваше холодное тело для утех, чего будет категорически не достаточно и не сможет утолить печаль старого мастера... то есть меня. Но я терпелив, милосерден и дружелюбен, посему спрошу ещё раз: Ваше имя?

На последних словах тон из беззаботного певучего вдруг сменился на жестокий и холодный, а пальцы левой руки похитителя сжались на плече в том месте, которое недавно до синяков сдавливал громила. Лера почувствовала тупую боль. Надо было подчиниться. Не было сомнений в том, что этот человек убьёт её, и не сильно расстроится.

— Валерия...

— Чудесное имя! Меня леди Валерия может называть Мастером.

— Это... не имя? — Лера рискнула возразить, чтобы понять правила игры.

— Разве? А меня так зовут! В честь великого героя, сложившего прекрасную повесть во имя возлюбленной леди Маргариты... или в той книжонке было как-то не так... Не важно. Неважно ведь, а, синьор Казанцев?

Водитель как будто не слышал.

— Отвечай! стальным тоном приказал Мастер.

— Не важно, — произнёс себе под нос громила.

— Вот видите? Не важно! Но я несказанно рад познакомиться с вами, госпожа

Валерия! — свободной правой рукой похититель взял Лерину руку и поцеловал. Губы были холодными, мокрыми и мягкими, как тело моллюска.

Лера с трудом повернула голову и покосилась на Мастера. Это был красивый, элегантный мужчина лет сорока, с тонкими мягкими чертами лица, большими, бледно-серыми, как у громилы, глазами, тонкой кожей и выбритыми в стрелчатую форму бровями. Он покосился на неё.

— Коль скоро мы познакомились, можем поговорить и о том деле, которое свело нас вместе. Что заставило вас посетить безутешную вдову и её любящую свекровь?

— Я не... — начала, было, Лера, но осеклась. Отрицать то, что этот человек наверняка знал, было бесполезно, — У меня были дела к... Афинской.

— Замечательно! А знаете, ведь у меня тоже есть некоторые дела к этому семейству. А точнее к молодому синьору Александру, так ведь его имя?

— Тогда вы знаете, он умер два года назад.

— Правда? Вот какая досада! А я вот думал, что он пребывает, — голос вдруг снова стал стальным, — в доме для душевнобольных.

— Да, я тоже так думала... но результаты эксгумации показали, что в гробу был он.

— Ах да, — снова запел Мастер, — Эксгумация! Такое интересное мероприятие, и познавательное... А как поживает... скажем... госпожа Астапова?

— Вы следили за мной!

— Нет, я просто догадлив. И пожалуйста, давайте не будем играть в покер... Или в дурака. Коль скоро мы с вами так мило беседуем, я прошу вас быть искренней со мной. Взамен я попробую не причинять вам вреда, и даже отвечу на ваши вопросы. Правда, давайте, спросите меня что-нибудь! Я отвечу! Ну? Ну?

Лере было страшно, но этот страх не шёл ни в какое сравнение с тем, что она испытывала из-за Александра Афинского и научилась преодолевать. Страшно было от беспомощности, потому что она едет в машине с незнакомыми вооружёнными людьми, а её тело не слушается. Наверное, её чем-то обкололи, хоть укола она и не почувствовала. Но пока её не убивают, и если убьют, то она ничего не сможет с этим сделать. Надо слушаться. А если они хотят, чтобы она задала вопросы — что ж, она будет их задавать и пытаться следить за эмоциями похитителей, чтобы вовремя остановиться, если вопрос будет не тот.

— А вы... вы, Мастер, можете рассказать мне об Александре?

— О нём? Не могу.

Ни злобы, ни раздражения Лера не почувствовала, и поэтому попробовала ещё раз.

— Пожалуйста, господин Мастер! Кто он, чего хочет, и что вас связывает с ним?

— Нет, не могу... а, чтоб меня, я пообещал ответить. Ладно. Он работает... в силовых структурах. Да, это можно так назвать. Он там большая шишка, хе-хе. Скажем так, он слуга тоталитарного режима, который создали глупые люди, и который давит ни в чём не повинных интеллигентов, вроде вашего покорного слуги. Он — тиран и злодей, я же доблестный повстанец и борец с кровавым режимом. Я поборник науки и познания, освободитель от всех оков и союзник угнетённых, так-то!

— Звучит прекрасно, господин Мастер! А как называется этот режим?

— У него много имён и о нём много представлений, но мы, поборники правды, называем его Пантеон. Однако я на ваш вопрос ответил, и теперь моя очередь! Что бы такое спросить? Может, о вашей родословной? О месте рождения, или текущих романах... нет, всё не то. Всё не то!.. А, вот, придумал! Чего Гратлоргарн от вас хочет?

Лера чувствовала, что этот человек забавляется с ней, и, чтобы он не вздумал ради забавы её убить, ей надо было самой оставаться забавной. Он придумал игру, и они в неё играют. Если она будет действовать по правилам, он не тронет её, как минимум пока игра не закончится. А значит, его иногда можно ловить на неловкостях, чтобы поддерживать его интерес. Но неизвестно, что он знает, и поэтому врать слишком опасно.

— Увы, ничего такого, что я бы знала, — ответила она, — теперь моя очередь, господин Мастер?

— Нет, я ответил на три вопроса. Значит, вы должны мне ещё два!

— На три? На какие же?

— Я назвал покровителя Грат... Александра, рассказал то, что знаю о нём, и ответил, что не могу рассказать о нём. Три ответа на три вопроса, миледи.

— Но господин Мастер, вы сначала сказали, что не можете о нём рассказать, а потом рассказали. Если ваш отказ был ответом на мой вопрос, то, выходит, вы солгали...

На лице похитителя на миг отразилось гневное возмущение, однако оно немедленно сменилось удивлением, а потом выражением истинного наслаждения.

— Туше! — воскликнул он, — Вы правы! Если засчитать первый ответ, то он будет ложью, а мы ведь не хотим лгать, верно? Хорошо, значит с меня ещё только один вопрос, потом ваша очередь...

Машина остановилась.

— А вот мы и приехали! О, прекрасная леди, позвольте проводить вас в мои покои!

Мастер вылез из машины и вытащил за собой Леру. Девушка приготовилась упасть на ватных ногах, однако тело внезапно послушалось, позволив идти. Из машины тем временем вышли громила и военный. Обступив девушку слева и сзади, они отсекали возможность бегства, а Мастер обнял её за талию и повёл в сторону красивого двухэтажного особняка за высоким витым забором. Лера знала это место. Это был район для богатых по улице Пионерской, в северо-западной части города, состоящий из таких же особняков, каждый из которых отличался неповторимым дизайном и оформлением участка. "Минская рублёвка", так некоторые называли его, но большинство минчан и не обращали внимания на это место.

Как только похитители подвели Леру к большим двустворчатым воротам, те открылись, и навстречу вышел атлетичный мужчина среднего роста, лет тридцати пяти, в белой рубашке с галстуком и в серебристых брюках. В рассеянном свете зашедшего солнца блеснули золотом часы на его руке. "Хозяин дома", — подумалось Лере, однако мужчина, не говоря ни слова, двинулся к машине. Леру провели через небольшой двор, и, подходя к двери, она обернулась. "Хозяин дома" загонял машину в гараж, будто прислуга.

Мастер открыл дверь, и в лицо девушки ударил едкий до осязаемости запах спирта и тухлятины. Она едва сдержала мощный рвотный позыв, но её похитители, как будто, не заметили этого мерзкого смрада и втащили пленницу внутрь. Пока Лера адаптировалась к запаху, с неё стянули пальто и затащили по лестнице на второй этаж. Она успела заметить только каменный пол и несколько чёрно-белых абстракций на стенах. Потом был дверной проём, стул и столешница, и сильное головокружение при каждом вдохе. И вдруг запах пропал. И не только смрад, а вообще любые запахи. Даже запах Лериных волос исчез, как будто девушка полностью лишилась обоняния.

Она огляделась вокруг. Перед ней был большой стеклянный стол с четырьмя стульями вокруг него. Металлическая основа стояла на полу из блестящего тёмного паркета. Стены гостиной, где оказалась Лера, были покрыты матовой белой краской с изящным узором

шоколадного цвета вокруг больших окон, двух слева и одного напротив девушки. Тяжёлые шоколадные шторы с золотой вышивкой были стянуты золотыми шнурами, и тусклый яркомалиновый свет заката заливал комнату. По обе стороны от каждого окна были держатели для цветочных горшков, однако цветов в них не было. Вдоль правой стены стояли несколько сервантов шоколадного цвета с узорами из позолоты, за стеклянными дверцами которых можно было заметить хрустальную посуду, изящные статуэтки и бутылки дорогого вина. Дверь из тёмного дерева, подходящего по цвету к шторам и сервантам, была позади, но её преграждал громила.

Мастер был уже без пальто. Его чёрная ковбойская шляпа висела на держателе для горшков, сам же он был одет в шёлковое серебристое кимоно и синие спортивные штаны с лампасами, вправленные в остроносые ботфорты. Всё это выглядело глупо и смешно. Нет, это был точно не его дом. Такая безвкусная одежда смотрелась в этой гостиной как зуб в носу, причём зуб с кариесом. И, тем не менее, этот человек вёл себя как хозяин. Достал из серванта бутылку вина и два бокала, наполнил оба и поставил один перед Лерой.

— Не отведаете ли этого чудесного напитка? Или не чудесного, я не пробовал. Тем интереснее будет дегустация. Но мы отвлеклись от нашей беседы. На чём мы остановились? Синьор Казанцев, не напомните? Живо!

— У вас есть ещё один вопрос, — пробубнил громила.

— Ах, точно! Итак, леди Валерия, что вам известно о том душевнобольном, который называет себя Александром?

Тем временем Лера изо всех сил старалась взять себя в руки и снова настроиться на игру. Важно было поймать ту же волну настроения Мастера, тем более что руки громилы были в опасной близости от горла студентки. Собрав волю в кулак, девушка улыбнулась.

— Не так много, как хотелось бы. Я студентка, и пишу курсовую работу о нём. Мой преподаватель полагает, что у него шизофрения, но обследования этого пока не подтвердили. Я точно смогу судить о его состоянии, только когда всё закончу. Там немного осталось.

На самом деле осталось только проверить долговременную память с помощью той же методики с рисунками, и, по сути, это была формальность. Но Лера решила, что лучше об этом не говорить.

— Продолжайте, — велел мастер, пригубив вина, — Меня интересует буквально всё: его настроение, состояние, его... силы.

— Простите, но я действительно не знаю, что вам ещё сказать о нём. Когда я его видела, настроение у него было переменчивое, то спокойное, то вспышки какой-то ярости...

— Замечательно, продолжайте!

— Силы... не знаю, я вроде не заметила никаких сил. И не очень понимаю, какие силы вы имеете в виду.

— Я имею в виду его странное влияние на окружающих. Неестественный страх, притягательность или душевные излияния...

— Что-то такое вроде было. Да, он довольно страшный человек.

Мастер слегка скривился. Он явно надеялся на большую информативность, но, кажется, для него было важно и услышанное.

— Что ж, замечательно. Теперь ваша очередь спрашивать. Но, с вашего позволения, я буду настаивать на одном вопросе.

— Откуда вы знаете обо мне?

Мастер явно был недоволен, но, всё же, ответил:

— Анна Афинская связалась со мной и сообщила, что пришла некая милейшая черноволосая особа и расспрашивает её свекровь по интересующему меня вопросу. А теперь моя очередь. Вы связывались с кем-то ещё из друзей и знакомых Грат... Александра?

— Только с Людмилой Астаповой, но я ничего от неё не добила: она не впустила меня. А почему вы предположили, что я связывалась с ней, раз не знали ничего обо мне?

— Как я и сказал, я просто догадался. Раз вы сталкивались с Александром, он, скорее всего, дал координаты своих... агентов, чтобы вы с ними связались. Я решил, что вы предпочли бы работать с женщиной. Теперь мой вопрос. Вы верите Александру?

— Я не знаю, чему верить. И я говорила, что тот больной, скорее всего, не он, потому что...

— Так, игры закончились, — в голосе Мастера опять зазвучали стальные нотки, но на этот раз ощущался ещё и некий садизм, — Ты прекрасно знаешь, что в лечебнице сидит Гратлоргарн, то есть Александр. Ты говорила о нём как об Александре, отвечала на вопросы об Александре... Да, иногда ты играла в дурочку и выкручивалась, но ты точно знаешь, о ком мы с тобой говорим.

— Но господин Мас...

— Молчать! Я узнал о тебе и от тебя всё что хотел, и ты показала себя невероятно... плохой девчонкой, как сказал бы Эрций Алурио.

И это человек в нелепой одежде вдруг показался ей очень привлекательным. Изящный, с приятными тонкими чертами лица... Лера хотела было как-то подмазаться к нему, но вдруг её рука сама потянулась к бокалу с вином.

— Да, я плохая девчонка, — произнесла она и сделала большой глоток.

— Ты посмела юлить в беседе со мной, твоим добрым Мастером, — пропел похититель, — Хитрить, выуживать ненужные тебе знания, и утаивать свои! тебя надо за это наказать!

— Да, я плохо себя вела. Как мой Мастер пожелает наказать меня?

Мир перед Лериными глазами поплыл. Всё вокруг кружилось и таяло. Утонувшая в темноте наступившей ночи комната вдруг наполнилась каким-то розовым сиянием и неуловимым ароматом. Мебель утратила свои формы и начала обволакивать девушку, становясь мягкой и нежной. И в центре всего этого стоял он, её единственный, её любимый, добрый милосердный Мастер. Он был прекрасен и всеобъемлющ. Он был повсюду вокруг, и в самой Лере, в её сердце и разуме. Лыдинка в груди растаяла, уступив место нежному тёплому дыханию.

— Я пожелаю станцевать с тобой, — зазвучал в её ушах волшебный, самый прекрасный в мире голос, — вот какое тебя ждёт наказание.

— Мой Мастер так милосерден, — Лера допила вино и поднялась со стула, — Я заслуживаю жесточайшей кары, а он дарует мне величайшую награду, какую я могу вообразить!

Она двинулась к нему, а он навстречу. Его холодные руки легли на её талию, а её руки — на его плечи. Его белёсые глаза смотрели прямо на неё, и она тонула в этом взгляде. Лера и Мастер стали покачиваться под синим ночным светом, льющим из окна, в тишине и темноте. Музыки не было, но она играла в сердце девушки.

— Так уж это и величайшая награда? — игриво полубопытствовал Мастер.

— Величайшая! — со стоном выдохнула Лера.

— А если так? — Он впился своими холодными склизкими губами в её губы. Его тонкий, длинный, холодный язык скользнул ей в рот, неся с собой вкус гнильцы. Импульс дрожи прошёл по её телу. Ноги подкосились от сказочного, ни с чем не сравнимого наслаждения. Она пошатнулась и въехала задом в стеклянный стол. Мастер налёг на неё, стол поехал, и раздался звон бьющегося стекла. Что-то потекло по полу. Девушку колотило. В этот момент для неё не было ничего, кроме холодного языка у неё во рту. Прошла будто вечность перед тем, как Мастер оторвался от неё.

— Вот твоё наказание, — зашипел он ей в ухо, пока она обмякшим языком лизала его шею, — но не спеши расслабляться. Слушай меня внимательно. Я хочу, чтобы ты всё помнила, когда тебя отпустит. Теперь ты работаешь на меня. Ты закончишь своё расследование. Ты узнаешь о Гратлоргарне всё и доложишь мне. Будешь докладывать каждый раз, когда что-то узнаешь о нём, или о его друзьях. Ты заставишь его себе доверять, а потом сделаешь с ним то, что я скажу. И не вздумай выкинуть какую-нибудь глупость. Обратишься в милицию — я тебя убью. В прессу — убью. Напишешь в этом вашем... интернете — убью. А попробуешь схитрить — я заставлю тебя сделать с собой такое, что после этого ты сама себя убьёшь. Ты всё поняла?

— Да, мой Мастер, мой любимый, дорогой, милосердный Мастер!

Он ощупал её карманы, достал смартфон и медленно, явно с непривычки набрал номер. В соседней комнате заиграла мелодия из слабого динамика.

— По этому номеру будешь связываться со мной. И не вздумай избавиться от этой твоей штуки: найду и выпотрошу, а потом убью... Эх, сделать бы из тебя куклу, да он почует. Какая жалость, что в живом виде ты эффективнее. Казанцев, вышвырни это отсюда!

Лера почувствовала, как её поднимают за руки. Было больно, но чувство, разливающееся сладким теплом внутри, вытесняло всё остальное. Её спустили по лестнице, вынесли из дома и вышвырнули на асфальт улицы вместе с её пальто, а потом захлопнули ворота. Она, качаясь, встала, сгрэбла вещи в охапку, и побрела в ночь.

Она не знала, куда идёт, но ей это было не важно. Она теперь работала на Мастера, и он поцеловал её! Он ей всё простил, и дал шанс выразить свою любовь в служении ему! И он поцеловал её! Эх, как жаль, что он остановился, и они не...

И тут её отпустило. Внезапное осознание накрыло девушку. Резко, как будто в совершенно тёмной комнате включили мощный прожектор.

Волна мыслей накатила на неё, и разум начал метаться от одного осознания к другому, сливаясь во всепоглощающее чувство отвращения. Живот скрутило. Она упала на колени, и омерзение от того человека, который назвал себя Мастером, выплеснулось наружу приступом обильной рвоты. Во рту всё ещё чувствовался вкус гнильцы, но это было не самым мерзким. Что он с ней сделал? Чем опоил? Чувство опороченности нахлынуло на Леру. Он изнасиловал её. Нет, хуже! Он надругался над самым важным в ней. Не над телом. Он изнасиловал её душу! Засунул прямо в неё свой похожий на слизня язык...

Леру опять скрутило. Рвота прекратилась, уступив место рыданию. Девушка чувствовала себя ничтожно маленькой и с ног до головы грязной. Ей казалось, будто она вся состоит из грязи, а весь мир смотрит на неё сверху, как брезгливый и чисто плотный человек смотрит на пробегающего по полу таракана. Смотрит и заносит ногу, чтобы раздавить. А потом помыть тапочки...

— С вами всё в порядке? — услышала Лера чей-то голос.

Она подняла голову. Над ней склонился пожилой мужчина, седой, в скромной чёрной

куртке.

— Девушка, что с вами случилось? Может вызвать скорую?

— Нет, нет, не надо, — выдавила из себя Лера, борясь со слезами.

— С вами явно не хорошо. Давайте я вызову скорую...

— Не надо. Пожалуйста, не трогайте меня. Со мной всё в порядке.

— Ну, явно же нет. Девушка, на вас лица нет! Как вам помочь?

— Нет, спасибо, мне не нужна... Только скажите, где тут транспорт.

— Вон там автобусная остановка, но вам точно транспорт надо? Вы, кажется, в очень плохом состоянии. Вам плохо? Или вас обидел кто?

— Пожалуйста, вы очень добры, но не надо. Простите, но мне сейчас никто не поможет... кроме меня.

Лера окончательно справилась со слезами и поднялась. Ноги подкашивались. Она посмотрела в ту сторону, куда указывал пожилой мужчина. Спросив у него, как добраться до метро, она, качаясь, двинулась по улице, чувствуя затылком беспокойный взгляд. Но ей и в правду было не хорошо. Её мутило, как от отравления. Глаза и голова болели от слёз. А до сердца уже добирались холодные щупальца страха. О да, тут было чего бояться. Угрозы человека, назвавшего себя Мастером, были точно не пустой болтовнёй, но сам он пугал ещё сильнее. На протяжении всей поездки до дома Лере казалось, будто что-то за ней следит. Ощущение не покидало её даже тогда, когда кроме неё в автобусе была только женщина с ребёнком. Но в салоне автобуса было светло, и в метро тоже. А впереди предстоял путь домой через старый заброшенный сад.

Лера проходила по этой дороге несчётное количество раз, и знала каждое из старых деревьев, росших здесь. Осенью она часто видела, как бабушки собирают фрукты, растущие на них, и даже убеждала этого не делать. В этих старых яблонях не было совершенно ничего необычного. Наверняка через несколько лет их вырежут, и построят на этом месте дом.

Ах, как бы Лере хотелось, чтобы это уже произошло. Она шла знакомой дорогой, но впервые её воображение наполнило каждую тень в этом саду чем-то неведомым и страшным. Ощущение того, будто тысячи голодных и злобных глаз следят за ней, не покидало девушку. Страшные лапы и уродливые морды чудились ей в каждом необычном изгибе ветвей. Она помнила, как эти же ветви выглядят днём, но сейчас это были не деревья, а нечто чудовищное, затаившееся перед прыжком.

Лере вспомнилась сцена из диснеевской "Белоснежки", когда напуганной принцессе тоже чудились ужасы в тёмном лесу, и от этого стало ещё страшнее: к воображаемому бестиарию добавились новые чудовища. Торчащие ветви теперь окончательно оформились в ужасные руки из мультфильма. И вдруг одна из них зацепила волосы девушки. Да, Лера постоянно цеплялась за эту ветку, возвращаясь домой. А теперь ей казалось, что это ожившее дерево пытается схватить её. Она вскрикнула и бегом бросилась к дому. Споткнулась о бордюр и чуть не растянулась на тротуаре, но, не сбавила скорости и, одолев пару метров на четвереньках, понеслась дальше. Казалось, что-то бежит прямо за её спиной и вот-вот лизнёт её длинным скользким языком, а потом сожрёт, да не просто сожрёт, а поглотит в каком-то жутком метафизическом смысле. Но подъезд уже был в одном броске. Вот-вот она окажется у себя дома... А если её и там кто-то поджидает?

И вдруг чёрная тень отделилась от скамейки и схватила её. Самая настоящая, осязаемая. Лера закричала и забилась в сильных лапах, держащих её, но внезапно поняла, что слышит знакомый голос:

— Лера, Лера, ты чего? Это ж я! Да тише ты! Что случилось? Что происходит?

Это был голос Васи. Да, это был он, высокий и сильный. После пережитого шока его появление как будто отрезало злу путь к Лере. В детстве, когда ей было страшно, она закутывалась в одеяло, и воображаемые страшилища как будто не могли преодолеть эту волшебную преграду из ткани и ваты. И вот теперь Вася был таким защитным одеялом. Девушка на секунду тупо уставилась в его лицо, а потом стиснула его в объятиях, уткнувшись носом в его плечо, и заплакала. Вася ответил на объятия и прижал её к себе. Несколько минут они так и стояли, пока Лера не успокоилась.

— Что это с тобой? — спросил парень, глядя ей в лицо полными тревоги глазами, — Ты что, реально связалась с какими-то отморозками?

— Вась, ты не представляешь, как я рада, что ты приехал! — глухим от рыданий голосом произнесла Лера, — Я по правде не знаю, во что вляпалась. Пойдём ко мне, я тебе всё расскажу... только не целуй меня, мне нужно сначала как следует прополоскать рот.

Они сидели за кухонным столом в темноте. Он слушал её историю терпеливо и вдумчиво, иногда уточняя детали. Лере было не до чтения его мимики, однако она чувствовала его беспокойство и сопереживание. После окончания истории он некоторое время сидел молча.

— Думаешь, этот урод действительно может что-то с тобой сделать? — наконец произнёс он.

— Не знаю. Но он явно богат, имеет какие-то связи и... он какой-то жуткий сам по себе. Неестественный. Я не знаю, что можно от него ждать, и что он от меня хочет.

— Ну, походу, ничего хорошего. Лера, одно дело писать курсовую про психа, а другое дело следить за ним и докладывать другому психу. Хочешь моё мнение?

— Да, конечно...

— Надо валить пока не поздно. Не важно, есть у него реально какая-то власть, или он просто отбитый богачей, в любом случае он может причинить тебе вред. Поехали со мной в Брест. Поживёшь у меня, а там видно будет...

— А с учёбой как быть?

— Тебя грозятся убить. Какая учёба? Ну, отчислишься, ну через год восстановишься. А если он сделает с тобой что-нибудь, тогда будет точно не до учёбы.

Теперь задумалась Лера. Первая её мысль действительно была об учёбе. В её понимании главным делом на этом этапе жизни было отучиться, и рисковать, отчисляясь и восстанавливаясь, было недопустимо. Впрочем, Лера легко перешагнула через этот стереотип, вспомнив вкус гнильцы на склизком языке. Она уже готова была согласиться, когда ей вспомнился Александр с его историей, его мать, жена, да и его гипотетический труп.

— Я не могу всё это так оставить, — промолвила она.

— Чего?

— Вась, тут творится что-то неправильное, и я в этом по уши. Это всё — реальная живая тайна, понимаешь? И эта тайна пропитана дикой несправедливостью. Я физически ощущаю её, и если я пройду мимо, то до конца своих дней буду чувствовать себя ничтожеством.

Вася оторопело выпучился на свою возлюбленную, а та продолжила.

— Ты знаешь, как я отношусь к справедливости и головоломкам, и как мало этого в нашей обыденной жизни. Я не замечала этого всю жизнь, но теперь понимаю. Я всегда

страдала от нехватки тайн, и считала себя человеком, который, столкнувшись с препятствием, преодолет его, а не отступится из-за малейших трудностей.

— Хороши малейшие трудности, — буркнул Вася.

— И тем не менее. Пойми, я должна распутать это дело. Тем более что значительный путь уже пройден, да ещё от меня и требуют именно этого.

— И тебе не страшно?

— До ужаса, но, кажется, я уже перебоялась за последнее время.

— Лера, ну ты же не глупая. Ну, раскроешь ты тайну — и что будешь с ней делать? А если тебя убьют или покалечат по ходу? Ты готова рискнуть здоровьем ради секретов каких-то сумасшедших?

— Считай меня хоть самую сумасшедшей, но я вижу перед собой выбор: или идти до конца, что бы меня ни ждало, или предать всё, что есть во мне, и остаться пустым местом. Как бы ты поступил в такой ситуации?

Вася покачал головой. Его руки потянулись через стол и накрыли Лерины ладони.

— Не представляю. Если бы для меня оно было так важно — не представляю. Но одно я знаю точно: я люблю тебя. Если ты решишь лезть в это и дальше, я с тобой. Будешь рисковать нами обоими?

Лера стиснула зубы. Мысль о том, что Васе могут навредить из-за неё, действительно поколебала её уверенность.

— Это жестоко, — сказала она.

— Да. Но я хочу уберечь тебя от беды. И если ты полезешь в неё, я буду оберегать тебя. Так что поступай как знаешь.

— Ты понимаешь, что такое для меня справедливость.

— И за это я тебя и люблю. В том числе. Блин, не думал, что именно эта черта втянет тебя в...

— Я не буду бежать. Тем более, если он захочет, то найдёт меня и в Бресте, и тогда нам обоим конец.

— Твоя правда. Но давай, по крайней мере, действовать осторожно и с умом.

— Так и будет. А кстати, ты же обещал приехать завтра.

— Нет, я писал, что сегодня. А ты меня и не встретила.

— Ну как же? — Лера достала смартфон, — Вот сообщение, "С каким этим маньяком..." — она покраснела.

— Всё правильно, я писал позавчера ночью.

Девушка присмотрелась к дате и криво улыбнулась. Да, ответ пришёл через час после её первого сообщения о маньяке. Глубокой ночью.

— А ещё хочешь сумасшедших драконов на чистую воду выводить, — улыбнулся Вася в ответ, — Я тебя час на вокзале ждал. Названивал, а ты трубку не брала. А потом я ещё фиг знает сколько стоял у подъезда. А ты тем временем с олигархами целовалась под винишко.

— Плохая шутка.

— Пожалуй что. Но я не хочу, чтобы ты впредь пила спиртное наедине с другими мужиками. Я не осуждаю тебя за поцелуй, раз уж химией опоили, но твоё легкомыслие это не прощает. И поскольку был прецедент...

— Да, я и сама теперь буду осторожней. Ничего мерзее в жизни не испытывала. И ты реально ревнуешь меня к этому уроду?

— Ладно, с этим разобрались. Что планируешь делать дальше?

— В смысле с тайной?

— Угу.

— Надо поговорить с Афинским. Может ещё что прояснится. Но это в понедельник. А пока, раз уж ты здесь и взялся защищать меня, то, может, завтра попробуем поговорить с этим Бердияром? Афинский сказал связаться с ним, когда начнётся... что-то. И, я так думаю, моё похищение — это именно то, что он имел в виду.

— Есть одна проблема. У меня работа. Сам я не оперирую, а больше ассистирую, но всё равно работа важная, и просто так я об отгулах не договарюсь. В понедельник придётся ехать и писать отпуск за свой счёт, а потом надеяться, что отпустят. А одной тебе оставаться дома опасно. Может, поедешь со мной?

— Скорее всего, так и поступим. Правда, пропускать учёбу лишней раз не хочется.

— Фига себе! Ей маньяки угрожают, а она об учёбе.

— Но завтра к Бердияру.

Ни о чём приятном в этот вечер речи уже не шло. Знакомые стены и присутствие Васи хоть и растворили страх, однако против омерзения от произошедшего не помогли. Чай с печеньем показался девушке безвкусным, и заказанная Васей пицца — тоже. Не помогла и одна кровать на двоих. Вася попробовал приласкаться, но Лере было совершенно не до этого. Парень это сразу почувствовал, и прекратил попытки, просто обняв Леру, и так и уснул. К девушке же сон пришёл только глубокой ночью. Богатый на эмоции день вновь и вновь вспоминался своими подробностями, в том числе и отвратительный поцелуй. Но, когда Лера проснулась, от вчерашнего мерзкого чувства остался только неприятный след.

Дом Бердияра Кима был одним из старых домов в глубине жилого квартала. Его было не просто найти среди таких же, длинных, изогнутых семиэтажек, обрамляющих тихие уютные дворики с разбитыми тротуарами и вытоптанными газонами. "Если призрак коммунизма и бродит по Европе, то его убежище, вероятно, находится в таком дворе", думалось Лере, когда они с Васей обходили старую детскую площадку с вышедшей из берегов песочницей. Найдя нужный дом, они прошли мимо огромных нестриженных кустов, скрывающих большие газоны под окнами. Подъезды дома были похожи один на другой. Дорожки из битого тротуара, ведущие к ним, обрамляли газоны, обложенные крашеными булыжниками и засаженные реденькими, но красивыми цветами. По правой стороне вдоль каждой дорожки располагалась выщербленная деревянная скамейка на бетонных опорах, и бетонная урна. На одной из таких скамеек сидели несколько краснолицых мужиков в грязноватой одежде и с бутылками дешёвого пива. Вася и Лера предпочли пройти мимо поскорее. Нужный же подъезд оказался почти на противоположном конце дома. На сравнительно новой железной двери, рядом с доской для объявлений с несколькими слоями бумажной бахромы, виднелся домофон. Лера набрала номер нужной квартиры.

— Слушаю, — прозвучал молодой голос с лёгким восточным акцентом.

Лера на миг задумалась, как бы поудобнее представиться, но поняла, что не знает, что в данном случае в принципе может подойти, и решила действовать прямо.

— Вы — Бердияр Ким? Александр Афинский сказал обратиться к вам в случае опасности.

Последовала секундная пауза, а потом механизм сообщил:

— Входите, дверь открыта.

— Третий этаж, — добавил молодой голос.

Дверь на лестничную площадку была не заперта. Также была открыта дверь одной из

квартир, рядом с которой стоял высокий и очень крепко сложенный мужчина лет двадцати пяти. Черты лица выдавали в нём кавказца. Выдающийся вперёд подбородок украшала аккуратная тонкая борода, а чёрные волосы парня были коротко острижены. Одет он был в белую майку и красные шорты.

— Прежде чем я введу вас в свой дом, я хочу знать, откуда вы знаете Сашку, и почему он отправил вас ко мне, — строгим голосом потребовал парень, Кто вы, и как с ним связаны?

— Милый молодой человек, — вполголоса заметил Вася.

— Александр находится в центре психического здоровья, — ответила Лера кавказцу, — Он рассказывает очень необычную историю, и большинство ему не верит. Я занималась его случаем...

— Что за история? — прервал её парень.

— Он рассказывает, что вы с ним спасли мир, и что он был драконом.

— И вы считаете, что он сумасшедший.

— Нет. Я допускала такой вариант, но кое-что из того, что он говорил, было вполне реально, и начали происходить некоторые вещи, которые я не могу объяснить.

— А что за опасность, в случае которой вы должны были ко мне обратиться?

— Он говорил о воссоединении миров. По его словам, он вернулся в этот мир для выяснения отношений с каким-то своим врагом, и, как я поняла, в ходе этого выяснения могут пострадать люди. Он сказал, что вы поймёте, что делать.

— А он назвал ещё какие-нибудь имена?

— Он назвал ещё Людмилу Астапову, но она... Лера осеклась, вспомнив странный разговор, но парню с бородкой, кажется, этого было достаточно.

— Наорала на вас, да? Бедная Людмила. Так и не приняла то, что с нами произошло. Кто бы мог подумать... Ладно, я вас понял. Входите.

Он первым вошёл в квартиру, Лера последовала за ним. Входная дверь вела в левый конец коридора. Прихожей как таковой не было, а вешалки и обувь располагались вдоль стены. Напротив них расположилась просторная комната с изысканной мебелью: столом, диваном, парой стульев и стенкой. С ковром на полу и ещё одним — на стене. В дальнем конце виднелась дверь на балкон. Правее по коридору были двери в кухню, ванную и туалет.

— Ноги вытирайте, пожалуйста, — более расслабленным голосом сказал хозяин, — обувь снимайте. Верхнюю одежду можно повесить там. Ну, собственно, я — действительно Бердияр.

— Меня зовут Валерия, это — Василий, ответила Лера, снимая обувь.

— Рыбонька, — крикнул Бердияр в сторону кухни, — сделай твоего чаю нам и дорогим гостям, всего четверо.

— Сейчас всё будет, — прозвучал глубокий, но быстрый женский голос в ответ.

— А вы проходите в гостиную, садитесь на диван. Раз уж вы за помощью пришли, надо будет обстоятельно поговорить.

Лера и Вася вошли в комнату и, как и сказал хозяин, разместились на диване. Бердияр вошёл следом и придвинул стол ближе к ним, после чего сам сел напротив.

— Раз Сашка сказал, что я вам помогу, значит, я так и сделаю. Вы в мои планы не входили от слова "совсем", но раз уж Сашка вернулся, хана моим планам. Простите за грубость, но вы на моём месте вели бы себя так же, и скоро поймёте, почему. Насколько я могу знать Сашку, то, что он вам говорил, правда. И если он говорит, что будет плохо,

значит, так оно и есть. Что он рассказал об этом воссоединении, и что у него за враг?

— У него не было возможности много рассказать. Всё-таки он в определённом заведении, а я просто студентка, учусь на психиатра, и Александр мне достался в качестве курсовой. Из того, что я поняла — есть наш мир, и какой-то мир с эльфами и драконами, и эти миры скоро объединятся. Кто-то из мира с эльфами решил этим воспользоваться, и перенёсся сюда. Александр решил его здесь поймать и перенёсся следом, но начал делать глупости, и в результате оказался в центре психического здоровья.

Лицо Бердияра вытянулось.

— Тот мир называется "мир Чудес", а наш — "мир Отрекшихся". Александр не говорил, с каким врагом сражается?

— Нет... а вы знаете, кто это может быть?

— Я знаю только одного Сашкиного врага, нашего общего. И если это он, то это жопа, простите мой французский.

— Всё так плохо?

— Плохо. Сашка рассказывал, что с нами там было?

— Ну, в общих чертах...

— Значит, вы имеете представление о жопе в общих чертах.

— Вы просветите нас?

— Если хотите. Но это надо под чаёк, история долгая... Згалика, рыбонька, ты скоро?

— Уже несу!

— Хорошо, и присоединяйся, тут пришло время офигительной истории.

— Згалика? — переспросила Лера? — Александр упоминал это имя.

— И что он говорил?

— Что она из того мира... Чудес, и отправилась с вами. Он гадал, перенеслась ли она, и в каком виде. И ещё он говорил, что она была... ну... гоблиншей, служанкой.

Дверь открылась, и в комнату вошла высокая, с Бердияра ростом, очаровательная девушка с пышными волнами рыжих волос. Одета она была в просторный стянутый под бюстом топ с открытыми плечами и петельками, захватывающими руки, и короткую широкую юбку со складками. И эта её одежда идеально подчёркивала совершенно нереалистичную фигуру: огромную грудь, широкие бёдра, и невероятно тонкую талию с накачанным почти до кубиков прессом. Её руки и ноги были одновременно сильными и изящными, однако движения отличались резкостью и раскованностью. Будто нарисованным было и лицо девушки: широкое, с крупноватым округлым носом, тонкими губами и большими глазами. Однако эти черты сочетались на удивление гармонично, а особую красоту девушке придавала сияющая улыбка и искрящийся живым интересом взгляд. Ноги у девушки были босы.

Она поставила на стол поднос с чайным сервизом, и, расставив маленькие чашки, наполнила их из большого, высокого, пузатого чайника.

— Угощайтесь, — пригласил Бердияр, — замечательный липовый чай.

Лера отхлебнула из чашки. Вкус был приятным, но липой даже и не пахло: мощная волна ядрёной свежести ударила девушке в нос, шокировав её. Рядом закашлялся Вася, выдавив:

— Вы что... что это такое?

Красавица рассмеялась, свалившись на пол, а Бердияр с улыбкой ответил:

— Я же говорил, что чай липовый, в смысле не настоящий. Простите нам эту шутку, на

самом деле там имбирь и мята, ничего вредного. Когда Згалика угостила меня первый раз, я тоже попался.

— Не делайте так больше, — Вася отодвинул от себя чашку, вытирая слезящиеся глаза.

— Мы не хотели вас обидеть, правда. Рыбонька, ну хватит уже. Мы не одни.

— Ну, милый, ну к нам же никто не приходит! Я так давно не веселилась...

Згалика поднялась с пола, и, как ни в чём не бывало, уселась на спинку дивана рядом с Лерой. Та покосилась на свесившуюся рядом с ней ногу. Такое поведение никак не вязалось с роскошной внешностью хозяйки. Згалика же потянулась за чаем и принялась пить его маленькими глотками, чем-то напомнив белку.

— Лера, пойдём отсюда, — предложил вполголоса Вася.

— Мы тут дело пришли делать. Они точно что-то знают, — ответила Лера, после чего обратилась к хозяину дома:

— Вы обещали рассказать историю.

— Да, — ответил тот, потягивая чай, — В общем, началось всё с автобуса.

История девяти отрекшихся, рассказанная Бердияром Кимом

— Я ехал с работы, и вроде всё было как обычно. Вдруг автобус резко развернуло. Я упал с сиденья, и вдруг увидел себя, как будто со стороны. И я удалялся, а всё вокруг стало каким-то размытым, а потом потонуло как в каком-то тумане. Вот. Лучше я это объяснить не могу. А потом всё потемнело, и я понял, что у меня закрыты глаза. Когда я их открыл, оказалось, что я лежу на опушке леса, на какой-то подстилке. Рядом лежали ещё несколько человек, стояли три повозки с возницами, и ещё была женщина. Очень красивая, черноволосая, в облегающей кирасе и юбке. Я потом узнавал. Оказалось, такие кирасы носят для усиления некоторых заклинаний, связанных с женским полом, хоть они и хуже защищают от оружия. Видимо, мы все очнулись одновременно, и эта женщина начала какое-то пафосное и витиеватое приветствие. Сообщила, что мы выбраны для свершения, как она сказала, "великой миссии, от которой будут зависеть многие жизни, а также ваше — то есть наше — возвращение в родной мир". Мы сразу загалдели, наперебой спрашивая, где оказались, как это произошло, что вообще происходит, а потом перешли на упрёки. Женщина соврала, будто спасла нас из аварии. Соврала потому, что потом выяснилось, что она аварию и подстроила. Она вообще нам тогда много наврала. Но мы ей верили, потому что не поверить такой красавице было трудно. Верили все, кроме Сашки. Я сразу заметил его. Он был такой полноватый, в чёрной майке и джинсе, смотрел так мрачно на эту женщину, которая представилась как Аэлин Кэрол, и как будто что-то понимал.

— А не помните, сколько вас всего было? — поинтересовалась Лера.

— Сашка, Людмила, Даша с Ваней, Иришка и Алишка, Игорь и Славка. Всего девять человек со мной.

— В общем, Аэлин сказала, что для того, чтобы вернуться в наш мир, мы должны исполнить пророчество и сразить злого колдуна, который пытается изуродовать её мир. Сашка сразу попросил озвучить это пророчество, но Аэлин сказала, что не помнит наизусть, и расскажет в лагере. Тоже соврала, и, как потом выяснится, Сашка это смекнул. А мы остальные отвлеклись на лагерь, и стали расспрашивать о нём. Аэлин сказала, что мы сами всё увидим. Мы погрузились на повозки и поехали. Сашка сразу подсел поближе к Аэлин и принялся расспрашивать, какие в этом мире законы, почему мы очнулись не в лагере, и ещё о многих важных вещах. Алишка с Иришкой на другой телеге занялись нитьём. Ваня принялся чего-то ругаться с возницей третьей повозки... В общем, так и ехали.

— То есть Александр сразу повёл себя странно?

— Он был любителем компьютерных игр, вдумчивого прохождения. Поэтому он воспринял происходящее спокойнее, чем остальные, и не так сильно растерялся. Жаль, что остальные геймерами не были. Ну, ещё Славка вроде играл, но в аркады.

— Расскажите, пожалуйста, подробнее о ваших товарищах. Имена — это хорошо, но как они выглядели и что из себя представляли?

— Это не суть важно, но если хотите, Ваня был двадцатичетырёхлетним светловолосым качком. Весь такой харизматичный и крутой. Даша, его девушка, тоже блондинка, скромненькая и очень умная... была.

— В смысле "была"?

— Она сильно изменилась с тех пор. Но это потом. Дальше, Иришка и Алишка. Два фитоняшки, лет по двадцать наверно. Старались во всём друг дружке подражать. Обе крашенные блондинки, в белых майках и светлых джинсах. Игорь — работяга лет пятидесяти, любил попить пивко и порассказывать офигительные истории. Хороший мужик. Ну и Славка, весёлый и любопытный пацанчик лет четырнадцати.

— А Людмила?

— Вы разве не виделись с ней?

— Она не впустила меня.

Бердияр печально покачал головой.

— Да, жалко её. Она тогда была самой спокойной и рассудительной из нас. Ей было лет сорок, она была очень опрятной и ухоженной темноволосой женщиной. Хоть убейте, не понимаю, что с ней случилось. Вот, собственно, такой компанией мы туда и попали.

— И вот, мы въехали в лагерь. Из себя он представлял несколько бревенчатых барачков, кухню и штаб, обнесённые высоким частоколом. Ещё была смотровая башня с флагом, часовня, большой плац с чучелами и конюшня. Нас сгрузили около штаба, и Аэлин сказала, что перед тем, как нам покажут, где и как мы будем жить, на нас надо кинуть несколько заклинаний, чтобы мы не померли от местных болезней и быстрее учились. Само накладывание показалось нам тогда каким-то глупым мотивационным ритуалом. Мы ожидали каких-нибудь непонятных слов на древних языках, всполохов света и прочей светомузыки, но Аэлин просто сказала пару понятных нам фраз, повертела в руках какие-то камушки и потрогала ладонью наши лбы. После чего устроила нам экскурсию. Я так понял, что это был обычный лагерь для тренировки новобранцев. В одном из барачков специально под нас отгородили шесть двухъярусных кроватей с сундуками под вещи, которых у нас, по сути, и не было. Наши телефоны не ловили интернет и операторов, а в остальном работали, но мы понимали, что их батарей надолго не хватит. Нам выдали одежду на смену, и Сашка сразу переоделся, а Людмила и Игорь сделали это на следующий день. Остальные измутозили и заносили свою одежду так, что через две недели её пришлось выбросить. Впрочем, старая одежда нам всё равно больше не понадобилась. А от новой мы все знатно пробомбились. У этих умников не было штанов. Вообще! Они носили такие шорты на завязках, а к ремням пристёгивали штанины. И вот нам выдали такие же шмотки! Покрой был удобный, но выглядело всё это просто ужасно. Радовало только то, что нам выдали длинные рубахи и ещё более длинные накидки. Было жарко, и многие в лагере носили накидки прямо на голое тело. Наши мужики поступили так же, скрыв накидками эти дурацкие шорты. Женщинам дали ещё длинные юбки и корсеты, но не тугие, как в "Пиратах Карибского моря", а мягкие и удобные. Вообще, женщинам дали много шмотья на выбор. Те же корсеты были и закрытые, и с открытым животом. В нашем мире такой одежды не было никогда. Мужикам же выдали по два комплекта обычного шмотья. Правда, оно само подстраивалось под наш размер, ложилось на тело и почти не пачкалось.

— Извините, но можно ближе к сути? — перебила Лера. Подробности одежды вымышленного мира интересовали её меньше всего.

— Да, я действительно увлёкся. Потому что бесит. Вот нельзя было у нас штаны сплагатить... В общем, после казармы нас повели на плац, а по дороге рассказали о распорядке. Каждый день мы в течение четырёх часов должны были тренироваться на плацу, осваивать оружие и броню. Потом, в полдень, нас в часовне ждал теолог, который ещё четыре часа объяснял нам тонкости местного богословия. А потом мы возвращались на плац

изучать магию.

— Магию на плацу?

— Да, там у них магия не завязана на длинных и непонятных текстах. Всё довольно просто, но требует сосредоточения и управления эмоциями. Поэтому мы и выходили на плац коцать заклинаниями манекенов. Начиналось всё это в шесть утра, и в восемь мы заканчивали. Потому что были ещё перерывы на обед и пятичасовую трапезу, у них оно так называлось. Завтрака не было, и перед фехтованием мы могли только урвать фруктов. Ну и в перерывах между взаимной рубкой мы тоже наяривали эти самые фрукты. В основном груши и персики, хотя я не понимаю, откуда у них там были персики. Может, специально для нас доставляли... А на ужин мы бухали. Вина не было, пили эль. И, хоть убейте, не пробовал слабоалкогольного вкуснее, чем он. Вообще, мы там ели как не в себя. За день каждый из нас съедал поросёнка, корзину фруктов, выпивал литров восемь, и никто не потолстел и не спился, даже толком не пьянел. Правда, у Сашки и Алишки с Иришкой возникли с едой проблемы. Сашка не пил спиртного вообще, и постоянно бегал с большой флягой, которую наполнял в колодце. Местные смотрели на него из-за этого как на бомжа, потому что у них в традиции было пить только напитки, в частности эль. Кто побогаче пили вино, а кто не любил спиртное — пили соки и чай, но в лагере ни соков, ни чаёв в нужных количествах, не было. А воду в мире Чудес пьют только путешественники, бродяги и всякие отбросы общества. Но если Сашка просто позорился, то вот с девками была беда. Они были веганки, и не ели мяса. А наш основной рацион составляла именно свинина. Сначала они отказывались от мясного, забивая животы гарниром, но уже через неделю на них было страшно смотреть. Мужики наращивали мышцы как на дрожжах, а женщины обзаводились фигурами легкоатлетов, но эти две наоборот превращались в ходячие трупы. У них начала обвисать кожа, выпадать волосы, а мышцы становились дряблыми и тонкими...

— Вегетарианская диета к такому не приводит, — возразил Вася.

— Да фиг их поймёшь, почему отсутствие мяса так на них повлияло, но скоро стало ясно, что без него они помрут. Аэлин им это доходчиво объяснила, и они согласились. И Алишка за два дня восстановила форму, а вот Иришка... Она была веганкой чуть ли не с детства, и её организм не принял мясо. На следующий день она слегла с чудовищным отравлением. Она в конец позеленела, и её без остановки тошнило и несло. Так она пролежала два дня, не в силах даже подняться с кровати, а на третий... я не буду рассказывать, как она умерла. Алишке позволили быть с ней всё время, а после Иришкиной смерти она два дня не выходила из казармы, а ночью третьего утопилась в колодце. Её Сашка нашёл, когда утром пошёл флягу наполнять. Славка после случившегося как-то отстранился и замкнулся в себе. Начал из лагеря убегать. А к началу третьей недели перед нами поставили условие. Теперь мы должны были сами забивать свиней, чтобы есть. И каждый мог забить свинью только для себя. Мы думали, что это какая-то шутка, и что с потенциальными спасателями мира не могут так жестоко обходиться. Дураки наивные. В первый день после этого Сашка, Игорь и Людмила забили свиней. Сашка вроде глазом не моргнул. Людмиле было тяжело, но она справилась, и Игоря уговорила. Остальные не согласились, и на обед их ждала только репа. Те, кто получил мясо, поделились с остальными, за что на следующий день мяса не получил никто. Это нас шокировало, и мы пошли обсудить вопрос с Аэлин, но она сказала, что если мы не научимся убивать, то все точно погибнем, поэтому нам нужна регулярная практика. Она тогда не уточнила, что убивать придётся не только животных. Так или иначе, на третий день мы все с горем

пополам закололи по свинье. Все, кроме Славки и Даши. И к вечеру на тех уже начали проявляться признаки истощения, как у девушек. Повторять судьбу Иришки не хотелось, и на четвёртый день Даша и Славка пересилили себя. Но мальчишку это доконало. Той же ночью он убежал в лес, и вернулся утром с огромным ожогом на всё плечо. Оказалось, что в этом лесу водились мерзкие трёхметровые черви, которых называли млатоглавами. Эта плоская и широкая тварь заползала под листья на поляне или тропе, и ждала, пока на неё кто-нибудь не наступит, после чего изгибалась, нанося удар своей молотообразной головой, усеянной такими микроскопическими шипами...

— Стрекательными клетками что ли? — поинтересовался Вася.

— Может и так.

— Эти клетки есть у кишечнополостных, а то, что вы описываете, больше похоже на планарию, хотя они мельче и так не охотятся. Большинство из них не превышают в длину нескольких миллиметров.

— Я не биолог, уж извините. Но я видел этих тварей вживую. Они убили мою лошадь... но это потом. Я о том, что не знаю, как их классифицировать, но одна из этих тварей убила Славку. Как он рассказывал, червь ударил его, но две недели выучки оказались действительно полезными. Пацан увернулся, и голова червя только вскользь задела его плечо, оставив ожог. Сказалась манера носить накидку на голое тело. Мальчишка добежал до лагеря, и его попытались спасти, но яд уже попал в кровь, и вскоре повредил внутренние органы. Аэлин пыталась спасти его магией, но парень страдал от дикой боли, да к тому же навидался за последние дни такого, что его разум просто отторг исцеление. Да, для того, чтобы получать пользу даже от чужой магии нужно желание. После этого случая Аэлин дала нам подписать бумагу, что мы не будем без разрешения покидать лагерь. Мы подписали, не придав этому особого значения. Так нас осталось шестеро. Но на этом наши беды не закончились. Нам дали отойти от потерь. Мы просто утром забивали свиней, потом шли тренироваться, учиться богословию и магии, вечером вливали в себя пива, сколько влезало, и хмельные, но почему-то не пьяные, шли спать. Кроме тренировок от нас ничего пока не требовали.

— А каким богам вас учили молиться? — спросила Лера.

— Ну, нас не то что бы учили, но от нас действительно хотели, чтобы мы выбрали себе божество по вкусу. А выбирать было из чего. Богослов нам объяснил, что на самом деле никто толком не знает, какие боги у них реальны, но чудеса своим последователям посылают чуть ли не все известные боги из нашего мира, плюс свой культ был у фей, гномов и гоблинов.

— А у орков? — спросил Вася.

— Орков в том мире вовсе нет. Их пытались создать, понабравшись идей из нашей культуры, но всё накрылось медным тазом. В общем, их учёные думают, что значительная часть, если не все боги, создана магией. Так, тут надо прояснить. Магией в мире Чудес называют воздействие направленной воли или эмоции разумного существа на окружающий мир. Чистой волей повлиять невероятно сложно, и для этого существует заклинание. Из себя оно представляет требование в устной форме, но этого тоже обычно не достаточно. Часто ещё требуется движение, связанное как бы с направлением заклинания или выражением эмоции колдуна, а иногда материальный компонент — вещь, которая разрушится во время заклинания. Ну и чаще всего для того, чтобы заклинание сработало, нужно упомянуть имя того, кто впервые использовал это заклинание, или использовал его без упоминания имени.

Например "Вскипи чай именем Марко Фридриха". Был такой волшебник, увлекавшийся кулинарией.

— Эй, это моё любимое заклинание! — в шутку возмутилась Згалика.

— Если магия таки начнёт работать в этом мире, обещаю, что в нашем доме только моя рыбонька будет заклинанием кипятить чай. Но мы отвлеклись. В общем, когда кто-то молится богу, которого нет, эта молитва срабатывает как заклинание. Само оно проваливается, без имени и направленного волевого усилия, но если пара тысяч будут читать молитвы, упоминая одну и ту же сущность, их совокупной воли хватит, чтобы эта сущность воплотилась. Теологи полагают, что есть и настоящие боги или Бог, но маги уверены, что все боги были созданы молитвами верующих, а те напридумывали себе их, пытаясь объяснить природные явления. Так или иначе, и те и другие объединяют искусственных богов в так называемый Пантеон. А теологи веками спорят о том, какой Бог может не быть частью этого Пантеона. Ну и есть ещё демоны. Эти точно существуют, и точно не искусственные. Они иногда позволяли себя изучать, известно за какую цену. И ещё, они имеют доступ к миру Отрекшихся, но что-то не даёт им распоясаться. В общем, нам сказали, что каждому из нас следует выбрать кого-нибудь, кому мы будем молиться в случае чего. Запретили только демонопоклонничество. Сашка был православным, и довольно верующим. Его примеру последовал и Игорь. Даша и Ваня выбрали олимпийских богов, а я, по правде, никого не выбрал. Кого выбрала Людмила — не знаю. Но, на самом деле, трудно выбрать себе высшую силу, когда над тобой измываются, а те, с кем ты оказался повязан, мрут. У меня там была только одна радость... Радость, а к чаю ты ничего не принесла.

— Я бы сбегала, но ты так увлекательно рассказываешь, — кокетливо улыбаясь, отозвалась Згалика.

— Рыбонька работала на кухне служанкой. В первый же вечер она угостила нас "липовым" чаем. Нас всех пробрало имбирём, а она как увидела наши рожи, так и покатила со смеху. И знаете, я так посмотрел на неё — и меня тоже разобрал смех. Я заржал, а она вдруг прекратила смеяться и так посмотрела на меня...

— Мало кто смеялся над моими шутками, — покачала головой Згалика, — Гоблинский юмор у людей не в ходу, особенно когда они сами становятся целью этого юмора. А тут приходит горец из другого мира, пьёт мой чай, и смеётся! Наверно, если бы ты тогда не был человеком, я бы на месте и влюбилась.

— В общем, мы сразу сдружились. На тот момент о каких-то отношениях речи не шло, потому что человеку с гоблином трудно найти какой-то плотский контакт. Но мы как-то сразу поняли, что у нас родственные души. Вечерами она без всякой задней мысли забиралась ко мне на колени, и я рассказывал ей о нашем мире, а она мне — о своём. Особенно нас интересовал юмор. Гоблины очень любят приколы, правда, пошлых шуток не понимают.

— Всё мы понимаем! — опять в шутку возмутилась Згалика.

— Зато они вообще не обижаются, когда подкалывают их самих. Так вот и коротали мы вечера, и даже забавно, что в целом лагере людей самой близкой мне душой оказалась маленькая женщина с бурой кожей, принадлежащая к другому виду. В общем, прошло время, и мы шестеро чутка пообвыклись. Латы больше не казались нам тяжёлыми, а мечи отлично слушались. Мы мужики осваивали бой с мечом и щитом, Даша училась работать алебардой, и только Людмила никак не могла найти оружие по руке. Сашка наоборот тренировался и с коротким мечом, и с длинным, и с бастардом, и с двуручником. Аэлин ругала его за технику,

но он как-то умудрялся наподдавать всем инструкторам, кроме неё. Однажды вообще интересный случай произошёл. Один инструктор сделал грязный намёк Даше. Ваня тогда пропускал через себя пятый литр пива, и у него была своя тема. А под руку попался Сашка со своей флягой воды. Он потребовал от инструктора извинений, а заодно и саботоны. Саботоны у инструктора были хорошие, кованые, гномьей работы, с голенищами и пластиной в подошве, в общем завидная шмотка. Многие в лагере на них слюни пускали. Такая наглость задела уже инструктора, и он, после долгой словесной перепалки, потребовал сатисфакции на боевом оружии, и обривания Сашки в случае поражения. Высыпали, значит, всей толпой на плац. Вынесли оружие, надели кольчужные рубахи. И понеслась. Бой был до первой крови, но она так и не пролилась. Сначала Сашка дрался, как учили, стоял в стойке, чередовал блоки с ударами, и инструктор его теснил. А потом вдруг на него чего-то нашло, и он так бешено завращал мечом, начал скакать по площадке, пинаться, реветь, выбил оружие у инструктора и погнал его кругами. Тот забился за сломанные чучела, скинул свои саботоны, а когда это не помогло, начал звать на помощь. На крики вышла Аэлин, долго отчитывала обоих, а потом велела всыпать Сашке розги. Тот не отнекивался, он вообще как-то влился в новую обстановку и принял правила. Потом они с инструктором помирились и даже вроде сдружились. Но саботоны у Сашки так и остались.

— А обиды не было? — полюбопытствовал Василий.

— У тамошних людей особая фишка по этому поводу. Они не обижают друг друга и не обижаются сами. Понимаете, с такой формой магии любая обида может закончиться проклятием на несколько поколений. А на случай сильных эмоций есть дуэли, которые идут до первой крови, а если в латах — то и до упаду. Убийства на дуэлях очень редки, но конфликт заканчивается всегда. Всё, что соперники хотят друг другу сказать, за них говорит оружие, а продолжать обиды после боя — строжайшее табу.

— А как же женщины? — спросила Лера.

— Ну, женщины вроде тоже иногда дерутся на дуэлях, и даже чаще убивают, но вообще они сдержаннее в конфликтах, и редко доводят себя до таких сильных эмоций. Дело в том, что женщинам куда легче выпустить неконтролируемый поток воплощённого в магию гнева и натворить диких бед, потому что они чувственнее. Поэтому женщин с детства учат сдержанности и этикету значительно старательней, чем мужчин.

— Сексизмом пахнет, — Лера поймала себя на том, что допивает свою чашку "липового" чая.

— А у них там его много. Только он у них какой-то... равноправный. Там все знают своё место — и мужчины, и женщины. При этом каждый занимается тем, чем хочет. Взять ту же Аэлин. Сильная, независимая, богатая, рубится любым оружием и владеет мощной магией, но при этом чётко осознаёт, что лучше всего справляется с ролью наставника и манипулятора, и этим в основном и занимается. Будь на её месте любой мужик, мы бы ему все кости пересчитали после того, что с нами было. А она выйдет лебедем, пропоёт какую-нибудь сладкую речь — и вот ты уже прощаешь ей все издевательства, которым она тебя подвергла и ещё подвергнет. И на женщин она так же действовала, и без всякой магии, мы проверяли. Настоящее, раскрученное до предела женское обаяние. В нашем мире таких женщин не осталось... кроме моей рыбоньки, но она бережёт свои чары только для меня.

Это явно было лестью, но Згалика расплылась в довольной улыбке.

— В общем, мы так жили и тренировались. Когда Аэлин увидела, что большинство из нас как-то определилось с верой, нам урезали теологию до двух часов, и времени стало

больше. Мы спросили о стрельбе из лука, на что нам сказали, что это неэффективное занятие, потому что любая стрельба легко блокируется магией, что нас научили делать в первую очередь. Ещё нас научили зачаровывать доспехи, и мы сделали это каждый для себя. Мы начали забывать снимать броню, уходя на еду, и Аэлин была этим очень довольна. Теперь каждый из нас тренировался против нескольких инструкторов, и ожидаемо отхватывал, кроме Игоря, который стал вообще как терминатор. А ещё нас выпускали друг против друга, и мы становились могущественнее с каждым днём. Сашка всё время пытался выяснить, чем это нас так обработали, и в конце концов ему рассказали, что на нас действует довольно эффективное, но неприятное заклинание "час до посвящения", которое позволяет почти мгновенно развивать тело, нарабатывать рефлексы и запоминать новые знания, но требует больших затрат белка, и плохо сказывается на нервной системе. Действие на нервы аннулировалось алкоголем из эля, который тоже поглощался заклинанием, поэтому мы не пьянели.

— Алкоголь так не работает, — возразил Вася.

— Как химическое вещество — да, не работает. Но к химическому веществу у нас под действием заклинания выработался иммунитет. Я до сих пор от водки опьянеть не могу, сколько бы ни выпил. Такое себе, на самом деле. А в качестве материального компонента заклинания алкоголь подходил отлично. Так вот. Ещё на нас было наложено заклинание "языки", которое позволяло нам понимать любой язык и по желанию переключаться между ними. Местное население говорило на каком-то диалекте французского, и если бы не заклинание, мы бы ничего не понимали.

— А как тогда Згалика понимает нас? — спросила Лера.

— Мой родной язык — гоблинский, — ответила хозяйка, — но я купила заклинание, чтобы пойти работать в гарнизон. На людей выгодно работать: они платят достойно, особенно если разбираешься не только в готовке, но и в травах, и платят серебром, которым легче расплатиться, чем гоблинскими колечками.

— И можете сказать что-нибудь на другом языке?

— На каком? — с готовностью уточнил Бердияр.

— Ну, например на иврите.

- צריך לסמוך על אנשים, - ответил хозяин.

- הם לא מבינים, - возразила ему Згалика.

Лицо Васи вытянулось от удивления. Лера тоже не ожидала такого, но всё равно заметила одну деталь.

— А почему это заклинание работает в нашем мире? Тут же магии нет.

— Оно срабатывает мгновенно, внося изменения в мозг. То есть эффект получается немагический. Да и любое заклинание, наложенное в мире чудес, продолжит работать в этом мире. Не знаю, почему так. В общем, так мы и жили, пока не настал следующий этап нашего обучения. В лагерь въехали две телеги с закованными в кандалы людьми. Аэлин сказала, что это разбойники, и мы должны их казнить. Мы отказались, на что нам пригрозили оставить без мяса. Мы сказали, что тогда откажемся тренироваться, на что Аэлин выдала нам деревянные мечи и отправила двадцать человек с такими же, чтоб те намяли нам бока.

— Зверство, — вырвалось у Леры.

— Сейчас-то я её понимаю, но тогда нам это тоже показалось зверством. Нас гоняли весь день. Мы отбивались, но те ребята были в доспехах, да ещё и менялись периодически. В

общем, к концу дня мы вымотались так, как не выматывались с первой недели тренировок. И той же ночью решили бежать. Обменялись своими адресами и телефонами на всякий случай. Обучающее заклинание помогло запомнить. Взяли оружие и доспехи, усыпили магией караульных и выбрались из лагеря. Но стоило нам покинуть круг света факелов, как мы все очутились в штабе, где спала Аэлин. Налетели друг на друга в темноте, рухнули на пол, и, разумеется, разбудили её. Она всё поняла, но ругать нас не стала. Вместо этого она объяснила, что мы будем колебаться в бою и погибнем, если каждый из нас не убьёт человека и не подавит в себе чувства по этому поводу.

— Да это ж просто ужасно! — воскликнула Лера.

— Да. И мы тоже тогда были в шоке. Но, как потом оказалось, и в этом решении Аэлин было рациональное зерно. А тогда перед нами встал вопрос о том, что делать дальше. Сашка первым сказал, что мы должны казнить разбойников, если это действительно разбойники. Даша заявила, что не будет этого делать, что бы там кто ни решил. А Людмила поддержала Сашку. Тогда мы её не поняли, но видимо она осознала, в какой мы ситуации, и что это — единственно правильное решение.

— Казнить неизвестных людей?

— Ну, мы выяснили, что это шайка головорезов, совершавшая набеги на деревни и резавшая людей, и что их приговорили к смерти вполне справедливо, и, в конце концов, согласились с тем, что нам придётся это сделать. Утром разбойников вывели на плац, а мы взяли мечи и порубили их. Даша, правда, своего заколола, но тогда никто не придавал этому значения. Трупы увезли на повозке, и всё вроде вернулось на круги своя. Теперь Аэлин постоянно выходила на тренировку против нас, и все мы, кроме, похоже, Сашки и Людмилы, старались, как могли, достать её, но она всё равно навешивала нам всем, и была этим очень недовольна. Но буквально через два дня весь лагерь переполошился. Оказывается, телега не доехала до монастыря, где бандитов должны были упокоить. Отправленный отряд нашёл её на полдороги, и вместо одного из разбойников обнаружился труп возницы. Аэлин было не до разборок о том, кто не добил своего бандита. Она объяснила, что теперь наш лагерь рассекречен, и нас всех попытаются убить. Поэтому мы должны были уйти небольшим отрядом так, чтобы нас не заметили, Аэлин же планировала сделать вид, что всё идёт как раньше, чтобы принять атаку и дать нам время уйти подальше прежде, чем за нами отправят погоню. В тот день тренировок не было. Ближе к полудню к нам через установленные в штабе волшебные ворота телепортировался сэр Глен Колинирский, рыцарь паладин, весь такой холёный, упитанный, в нелепом, как мне тогда показалось, доспехе, и нам велели ночью идти с ним и десятком наших бойцов через лес. Сэр Глен настоял на том, чтобы нам дали коней, хотя все, включая нас, считали это глупостью.

— А куда вы должны были бежать? — спросила Лера.

— Это знал только сэр Глен. Они там все буквально на ушах стояли и штаны красили. С нас сняли чары обучения. Встал вопрос о снабжении, и выяснилось, что, хоть луки для охоты у нас и были, никто из отряда не умеет готовить дичь. Я тогда настоял, чтобы с нами отправили Згалику, потому что она была не только прекрасной поварихой, но и травницей. Потом очень пожалел, что подверг её опасности, но тогда мне казалось, что лагерь будут штурмовать...

— Но вас выследили, — догадался Вася.

— Да, именно из-за коней. Из-за них мы не могли двигаться в чаще, нам приходилось выезжать на дорогу, и двигались мы при этом не быстрее пеших. Мы постоянно

поддерживали на отряде "массовый поглотитель стрел", это чары от стрельбы. Нам рассказали, от каких типов снарядов должно защищать заклинание, чтобы мы концентрировались на них, но и тут нам мешали лошади, которые отвлекали и растягивали отряд в длину и вверх. Мы все злились, и проклинали недобитого разбойника. Тогда Даша и проговорила, что вместо того, чтобы убить бандита, наложила на меч "бесплотность", "паралич" и "ложную смерть", которой нас научили, чтобы мы могли замаскироваться под труп, если случится резня. Во время казни она просто активировала все эти чары в момент укола, и этот подонок выжил, очнулся на полдороги до монастыря, задушил возницу, и побежал продавать информацию о нас. Вот такой вот милый мирок, вот так в нём бывает.

— А неопытный человек может такое наколдовать? — усомнилась Лера.

— Не многие. Но Даша колдовала виртуозно, и Людмила тоже. У мужиков с этим было потруднее. Сашке не хватало воли, а мне и Игорю — воображения. Ваня вообще был дуб дубом, ему Даша помогала, как могла. В общем, мы кое-как научились справляться с несложными заклинаниями, вроде того же "массового поглотителя стрел"...

— Это несложное?

— Да, не надо представлять себе эффект, ломать волю, и даже концентрация большого труда не требует. Вот с зачарованием доспехов Сашка навозился: там надо было сломать волю этих доспехов. Мы их до этого носили, поэтому у них начал образовываться дух, а для зачарования его надо было подчинить. В общем, женщины колдовали куда лучше нас. Сэр Глен кое-что мог, но тоже им уступал. И мы были всё больше им недовольны, и не понимали, зачем Аэлин отправила нас с ним. В дороге мы расспрашивали его о пророчестве. Он возмутился, что нам до сих пор ничего толком не рассказали, и объяснил, что у них в стране объявился лич-некромант по имени Поль Мелизье, который сделал такую штуку под названием "Коготь повелителя боли". Эта штука накапливает страдания пытаемых ею разумных существ, а после наполнения способна создать врата в ад. Некромант рассчитывал призвать себе с помощью этой штуки армию демонов и начать захватнический поход по миру. Правда, шансов на успех у него не было никаких, потому что демоны никому не подчиняются, и открытый портал впустил бы в мир орды этих мерзких духов, которые бы просто уничтожили всё, до чего добрались. А добрались бы они до всего, потому что не было на земле такой силы, которая бы могла их остановить. А чтобы его сразу не взяли за жабры, некромант подогрел в одном городе мятеж, а когда горожане свергли и убили лорда, устроил эпидемию, выкосившую самих горожан за неделю. Лорда надо было свергнуть, потому что тот бы сумел вовремя вызвать волшебников, которые могли бы остановить болезнь. А так никто из горожан не смог воспользоваться вратами, и когда из столицы пришли войска для выяснения обстоятельств мятежа, потенциального его подавления, и назначения лорда, который бы смог урегулировать ситуацию, в городе остались только мертвецы. Разумеется, поднятые в качестве нежити. Высланных войск для борьбы с нежитью было не достаточно, а отправка больших сил делала другие земли уязвимыми для набегов чудовищ. Мобилизация новых войск требовала времени, но и сам некромант поднимал нежить из убитых. Таким образом, складывалась патовая ситуация, выгодная для некроманта, потому что пока город был в осаде, нежить доставляла пленников, а некромант их пытал, наполняя свой артефакт. Одно радовало: эта фигня оказалась жутко прожорливой, и наполнялась месяцами. Король обращался к монстрам-покровителям, хозяевам земель, но на призыв откликнулся только дракон Хильдиарезан, покровительствовавший землям, на которых стоял омертвевший город. Остальные дружелюбные чудовища отказались покидать свои земли. И тогда,

осознавая масштабы угрозы, король обратился к прорицателям. А те ответили загадкой, которую расшифровали примерно так: "Призовите из мира отрекшихся монстра страшного и слугу божьего, и вернутся призванные домой, когда ворота боли будут закрыты навек". Вот нас и призвали, а пока некромант занимался своим делом, нас готовили к бою, и заодно думали, кто из нас монстр страшный и что им вообще с этим делать. А некромант как-то прознал об этом, и приказал своим амбулякрам — это такая нежить, маскируется под живых, их ещё куклами называют — искать нас.

"Эх, сделать бы из тебя куклу, да он почует" — вспомнились Лере слова Мастера.

— И вот, одна из этих кукол пустила слух, что платит золотом за любые сведения о чужаках, прибывших из неведомых земель. Слух дошёл до той банды головорезов. Но они не придали ему значения, пока не попали в лагерь, из которого не должны были выбраться живыми. Там они подслушали о нашем побеге, а нас много кто называл чужаками, пока Аэлин не слышала, а дальше я уже рассказывал. В общем, за такими вот разговорами мы двигались по лесу. На третий день мы проехали поляну, на которой прятались млатоглавы. Мой конь наступил на этого грёбаного червя, и погиб от удара. Я зарубил эту заразу, но остался без коня. Был небольшой бой с червями, который мы закончили без потерь. Сэр Глен очень ворчал по поводу моей лошади, из-за чего мы все ещё сильнее злились на него. А на четвёртый день мы попали в засаду. Это были бандиты, человек шестьдесят. В основном люди, но были и несколько гоблинов. Сначала они пустили в нас стрелы, в надежде, что мы забыли поставить защиту. Стрелы пропали в воздухе над нами, а Людмила, поддерживавшая защиту, использовала полученную из них энергию, чтобы сбить одного из разбойников с дерева, где тот прятался. Тогда сэр Глен вышел вперёд, и мы надеялись, что он обрушит на них какой-нибудь магический триндец, а он вместо этого начал кричать какую-то пафосную речь. Ну, что сказать. К этому времени он так меня выбесил, что я сорвался, и закричал: "Бойтесь его, у него на башке ведро!" Бандиты залились смехом, а сэр Глен обернулся на меня. Уж не знаю, какое выражение лица у него было под шлемом, но в этот момент разбойники кинулись на нас. Завязался бой, сначала стенка на стенку, но наших солдат вскоре убили, да и мы проредили бандитов, и бой разбился на отдельные очаги. Сэр Глен дрался неплохо, но Игорь и Сашка — лучше. Они оба держали по семь разбойников каждый. Людмила отстреливалась огненными шарами, остальные дрались, как могли. Игорь свалил шестерых, но седьмой в отчаянной атаке кинулся на него, сбил с ног и выхватил кинжал. Наш мужик держался, как мог, но уже был сильно ранен. И в этот момент Людмила подожгла бандита, который дрался с Дашей. А Даша как раз была рядом с заваленным Игорем. Она подскочила и занесла свою алебарду для удара. И вот тогда я понял, зачем нас так настойчиво учили убивать. Она заколебалась, не в силах совершить смертельный удар. А тем временем разбойник вдавил в горло Игоря свой кинжал. После чего обернулся и увидел над собой Дашу в полупозиции. Он кинулся на неё, и так бы и заколол, если бы его позвоночник не перерубил своим двуручником сэр Глен. В конце концов, из отряда осталось только пятеро нас, Згалика и рыцарь. И после боя он накинулся на меня.

"Ты, отрэкшееся отродье, вздумал оскорблять паладина перед боем?" — кричал он. Я ответил:

"Если бы сэр рыцарь не оказался напыщенным дураком, да ещё и слабаком, я бы взял свои слова назад. Хочешь драться со мной — дерись".

"Нет, драться с тобой я не хочу, — ответил он, чуть успокоившись, — Может быть ты и прав, и я напыщенный дурак. Может быть, если бы я упёрся и отказался вести вас в убежище,

было бы лучше. Но именно меня попросили вас сопроводить, и я единственный, кто знает путь. И если ты прав, то мы все умрём через пару дней, и лучше вам всем прямо сейчас вспороть себе животы. А шанс выжить у вас есть, только если ты ошибаешься, и меня выбрали не зря".

— Я запомнил эти слова. В общем, мы всемером пошли дальше. Теперь у нас были лишние кони. Сэр Глен предложил провести ритуал упокоения, но мы все от этого отказались и просто пошли дальше. А следующая засада ждала нас уже на следующий день. И на сей раз это были не бандиты. Лесную тропу преграждал отряд мёртвых людей. Кто-то из них был совсем костяным, а кто-то совсем свежим. Они стояли, покачиваясь, кто с разбитым черепом, кто с выпущенными кишками. И они начали смыкать кольцо. Мы обернулись, чтобы убежать, но сзади к нам уже неслись те разбойники, которых мы убили вчера, тоже мёртвые и тоже ходячие. Сразу аукнулось, что мы не упокоили их. И сэр Глен опять вышел вперёд, и опять начал орать свою пафосную речь — мертвецам! И я опять собрался крикнуть ему что-нибудь как вчера, но вдруг мне в забрало влетел щит. Это был Сашка. Я офигел, заорал на него, но вдруг нелепые доспехи сэра Глена засияли. Мертвецы кинулись на него, не обращая внимания на нас, но половина их вовсе не добежала, почему-то рассыпаясь в прах, а остальные обрушивали на рыцаря свои удары, но ему как будто было плевать. Он вращал своим сияющим двуручником, от которого мертвецы как будто лопались. Некоторые особо живучие выдерживали несколько ударов, но всё равно рассыпались, когда меч достигал их голов.

— Так заслать его в мёртвый город — и всего делов? — заметил Вася.

— Мы тоже его потом об этом спросили. Он сказал, что отряд амбулякров так легко бы не положил. А после боя у него сочилась кровь из-под доспехов, так что удары мертвецов ему тоже дались не так легко. Мы отправились дальше. Сашка попросил прощения за удар щитом, но мне, на самом деле, было не за что его прощать. Теперь не только Даша винила себя за смерть Игоря. У меня в голове всё вертелось, какой же я самоуверенный засранец, и что из-за меня погибли наши солдаты и наш товарищ.

— Ну, перестань, ты ж не мог тогда знать, и Игорь в итоге жив — Згалика слезла со спинки дивана и принялась массировать плечи Бердияра. Тот действительно приуныл от собственного рассказа.

— А те воины, рыбонька? У некоторых из них были дети.

— Ты же ничего плохого не хотел. К тому же, и меня тогда бесил сэр рыцарь, и я понимаю, почему ты сорвался.

— В общем, мы пошли дальше. Следующие два дня прошли без приключений. Сэр Глен быстро пришёл в порядок, видимо залечил себя. Даша страдала, а Ваня пытался её успокоить, но как-то уж очень неумело. У него была плохая речь, и даже заклинание не помогало. Вообще, он вёл себя как-то эгоистично. Мне даже показалось, что он флиртовал с Иришкой, пока она была жива. Над нами он посмеивался, особенно надо мной. Называл нерусским. А вот пиво в лагере пил с удовольствием. Короче, на третий день лес стал редеть, и к вечеру мы окончательно из него выехали. Впереди были луга, а за ними высилась гора. Вот к этой горе мы и погнали коней. Теперь мы поняли, зачем они были нужны. Сэр Глен понимал, что на открытом лугу мы куда уязвимее, чем в лесу, и по этому лугу нам придётся ехать дальше. А сказать про луг он не мог, иначе бы стало ясно, куда мы направляемся, и эта информация могла просочиться. Отправлять человека с конями к опушке было так же рискованно, потому что были все шансы наткнуться на мёртвых коней и засаду. Впрочем, и

на то, и на другое мы наткнулись на пятый день после выезда из леса. Нам навстречу скакала цепочка всадников. Паладин сказал нам построиться в свинью и прочитать заклинание, которое создало в наших руках прозрачные, лёгкие, но твёрдые и острые пики. А приблизившись, мы увидели, что и всадники, и кони мёртвые. Сашка спросил, не подействует ли паладинская сила, которой сэр Глен раскидал нежить в лесу, но тот ответил, что против нас мёртвые рыцари, и их так быстро не положить. Сквозь них надо было пробиваться. И вот, мы сошлись. Паладин крикнул короткую молитву, и мертвецы перед нами будто ослабли, так что мы без труда снесли им черепа. Пики после этого исчезли, но они нам больше были не нужны. Мы проскакали сквозь цепочку мертвецов, и, пока те разворачивались, сумели немного оторваться. Мёртвые рыцари погнались за нами. Мы неслись во весь опор, и сначала даже наращивали дистанцию, но наши кони начали уставать. И тогда молитвы закричала уже Даша. Она начала призывать Пана, чтобы тот ускорил наших коней, и Аида, чтобы остановил мертвецов. И это сработало. Мёртвые кони вдруг начали спотыкаться один за другим, порой падая и кроша кости своих всадников, а наши с диким ржанием припустили вперёд, отказываясь слушаться нас. Сэр Глен кричал, что так они скоро упадут, но они не упали. Очень скоро погоня мертвецов исчезла из виду, а кони несли и несли нас. Успокоились они только к вечеру следующего дня, при этом не только не устав, но даже как-то посвежев. Тогда мы стали лагерем, чтобы отдохнуть, потому что нам самим эта гонка далась очень нелегко. Паладин сказал, что удивлён путешествию в компании такой сильной жрицы греческого Пантеона. Даша возразила, что сама не ожидала такого результата, а сэр Глен ответил, что при достаточной искренности просьбы искусственные боги реагируют на молитвы очевиднее и прямолинейнее Истинного, но не всегда на пользу просящего. Он был католиком, и верил, что его Бог не часть Пантеона.

— А что вы думаете по этому поводу? — поинтересовалась Лера.

— Не знаю. Я видел, как действуют те боги, которых даже собственные жрецы признают искусственными. Я знаю, что Пантеон есть. Но у меня нет свидетельств того, что есть Бог, не входящий в Пантеон. В общем, одного из коней закололи в жертву, для греческого Пантеона это было важным условием. Сэр Глен был не доволен этому, но сам же и предупредил, что так надо сделать.

— Не похоже на средневекового рыцаря. Они были те ещё фанатики и не терпели иноверцев.

— А там у них нифига и не средневековье. Да, есть рыцари и нет техники, зато магия всё компенсирует. Броня богатого рыцаря имеет функционала больше, чем скафандр космодесантника из вархамера. Крестьяне трудятся в поясах силы, рубахах свежести и с бесконечными флягами, а их инструменты и орудия работают чуть ли не вместо них. Эльфы не занимаются ни сельским хозяйством, ни охотой, создавая себе еду с помощью магии. У гномов развито мастерство големостроения. На малые расстояния ездят на лошадях, но на большие прыгают телепортом.

— А почему вы сами не использовали телепорт до нужного вам места?

— Потому что в логово монстра-покровителя нельзя телепортироваться, как и в дикую природу. Нужны принимающие врата, а Хильдиарезан слишком печётся о своих сокровищах, чтобы дать кому-то шанс добраться до них телепортом. Да, мы шли именно к дракону в логово. И сказать, что мы офигели, когда сэр Глен привёл нас в какую-то пещеру с огромной кучей золота и живой рептилией размером с зубра — ничего не сказать. Это, конечно, был не бешеный мумак из "Властелина колец", и не чудо корейского гейм-дизайна, но поверьте,

когда эта штука поднялась и расправила крылья, показалось, что она весь мир пожрёт.

"Чую твой запах, друг-паладин, — сказало оно, — Ты пришёл без приглашения, и ты знаешь, как я этого не люблю".

"Я не стал бы тревожить великого Хильдиарезана без крайней нужды, — ответил сэр Глен, — Я пришёл просить у тебя убежища для моих друзей".

"А этого ты зачем привёл" — с раздражением спросил дракон, указывая рылом на Сашку.

"Он тоже мой друг. А чем он тебе не угоден?"

"Силой монстра-покровителя я чувствую угрозу, исходящую от него. Он не боится меня и мнит себя равным мне".

"Вовсе нет, о великий, — ответил Сашка, вставая на колени, — Я лишь скромный смертный, и смиренно прошу у тебя покровительства".

"Встань и не кувыркайся больше, маленький хищник, — ответил дракон, — Я вижу тебя насквозь, и пока ты так жалок, я потерплю твоё присутствие в моём жилище. Но если ты возьмёшь своё, то больше не посмеешь входить в него, так же, как я в твоё".

— После этого дракон и рыцарь долго о чём-то разговаривали в глубине пещеры, мы же расположились у её выхода. Теперь мы с опаской косились на Сашку. Он вообще был странным, на своей волне. Цитировал какие-то песни, "Матрицу", супергеройские фильмы, рубился по звериному, не пил пиво, и кажется, получал удовольствие от происходящего с нами, кроме смертей. А теперь его ещё и дракон назвал чуть ли не равным. Стали решать, что делать дальше. И тут Ваня предложил бежать. Мол, кто мы такие, чтобы спасти мир, когда тут водятся паладины-нагибаторы и крылатые хищные ящерицы. Мол, дороги назад не предвидится, нас водят за нос, да мы ещё и мрем как мухи. Даша его поддержала. Згалика хотела нас отговорить, но я сказал ей, что если мы продолжим, то все умрём, включая её. Я тоже был на нервах и злился на всех и вся за то, что меня украли, мной вертят, и я для них расходный материал, а из-за меня умерли люди. Но Сашка заявил, что если бы вопрос не касался демонов, то он бы может и соскочил, чтобы спокойно жить в этом мире, а вот против них будет бороться. Мы, было, решили разделиться, как вдруг тихая до этого Людмила выдала нам целую пламенную речь о том, что если мы не пойдём до конца, то обречём себя на жизнь в аду, которым станет этот мир, а если сумеем победить, то вернёмся в наш мир, и весь этот ужас закончится навсегда. Что если мы убежим, за нами начнут охоту вообще все, и мы точно умрём. И если кто-то из нас соскочит, оказавшись при этом тем самым слугой божьим или монстром страшным, то мы тоже все умрём, поэтому нам надо держаться вместе. И знаете? Она нас убедила.

— Ну, это действительно разумные доводы, — согласилась Лера.

— В том-то и дело. Мы все были на эмоциях, в том числе и Сашка, который кайфовал от тамошних условий, но не она. Она сказала: "Мы должны взять дело в свои руки и найти способ выяснить, кто из нас избранный и что нам нужно делать дальше". С этим мы и обратились к дракону. Решено было отправить Сашку. Он вскоре вернулся и сказал, что дракон знает место, которое раскрывает истинную силу тех, кто туда приходит. Оно называлось "Алтарь фейских слёз" и возникло, когда пало первое Царство фей... это долгая история. В общем, переть туда было далеко, зато там неподалёку сохранились врата, заклинание для которых дракон Сашке дал. Теперь надо было найти врата поблизости и добраться до них. С этим планом не согласился сэр Глен, и заявил, что будет ночь молиться, чтобы получить откровение о том, что делать дальше. Той ночью он так и простоял на

коленях на скале, а мы пролежали у выхода из пещеры, слушая, как сопит дракон, а потом и храп Сашки. Только он сумел заснуть. Нас же мучил какой-то дурацкий страх. Не опасение, что дракон проснётся и решит поужинать, а что-то дикое, и совершенно глупое.

Лере вспомнились её ощущения от взгляда Александра.

— А наутро к нам вернулся сэр Глен, и радостно сообщил, что ему было явлено идти в трактир "Спящая роза" и тащить нас туда, потому что там есть врата. Сашка спросил, почему Аэлин отправила нас сюда, и рыцарь ответил, что для завершения тренировки, так как Аэлин считала, что мы не готовы, но это не важно. Сашка спросил, не будут ли в трактире шпионы врага, на что получил ответ "Будут, но с нами ничего не случится". Сашка спросил, на сколько это далеко, и оказалось, что это в двух неделях езды. Сашка спросил, нет ли врат ближе, и сэр Глен ответил, что есть. Сашка спросил, что будет в случае засады, на что ему ответил дракон. Тот пообещал, что невидимым будет сопровождать нас, и, если что, порвёт наших врагов. Сашка попросил научить его невидимости, и дракон согласился. Мы все послушали этот план, подумали, не послать ли нам сэра Глена на три весёлых буквы, но потом вспомнили, что с нами было в пути, и решили послушаться его.

— Дайте угадаю, опять были засады?

— Нет, ни одной. Мертвецы сначала припёрлись к логову дракона, но наложенные на него заклятья заставили их порубить друг друга. Ещё одна группа мертвецов обошла гору и устроила засаду на той дороге, куда мы не поехали. Они думали взять нас на пути к ближайшим вратам. Третья группа с куклой во главе поймала крестьянина, который спутал с нами группу паладинов, высланную Аэлин патрулировать местность. Кукла кинулся за ними в погоню, а когда нагнал, те развернулись и порубили нежить в капусту. В общем, мы поехали таким неочевидным путём, что преследователи упустили наш след. Зато по ночам на привале мы с удовольствием слушали истории Хильдиарезана про события, произошедшие в этом мире. Дракон оказался хоть и до одури высокомерным, но довольно приятным собеседником и отличным рассказчиком. Оказалось, там у них идёт шестая тысяча лет от рождества Христова. У них там были падение двух фейских империй, технокризис, война неверящих, бойня Роз и Нарциссов, магократия и восстание против неё... Эх, рассказать бы вам всё это, да деталей не помню, а без них не получится. В общем, до трактира добрались без происшествий. Как внутрь зашли — я сразу заметил странного человека с бледной кожей и остекленевшими как у дохлой рыбы глазами. Сказал об этом сэру Глену, а тот запел какую-то молитву, и этот бледный кинулся наружу. Там его ждал дракон. Это, оказывается, была та самая кукла, которых послали нас выслеживать. Трактирщик, как увидел Глена, сразу так разлюбезничался, и, когда узнал, что нам нужны его врата — без вопросов позволил воспользоваться. Во многих богатых трактирах ставят врата, потому что те, кто через них проходит, часто оставляют деньги за выпивку и еду, а иногда и пожить остаются, если, например, для охоты летели. В общем, мы отправились к алтарю фейских слёз. Правда, сэр Глен остался в трактире. Мол, мы выгнали и уничтожили амбулякра, а значит скоро сюда припрутся его друзья. И трактир надо было защитить до прибытия отряда паладинов, которые бы устроили здесь засаду. Чем больше нежити уничтожат, тем слабее будет некромант.

— А разумно ли было оставлять в трактире того, кто знает, куда вы отправились? — заметил Вася.

— Не разумно, но такие уж у этих паладинов принципы. За разрушенную куклу трактирщика самого бы в куклу могли превратить, поэтому его надо было защищать какое-то

время.

— А дракон?

— Улетел. Не драконье, мол, это дело — трактиры охранять. Драконы вообще редко оставляют свои пещеры с сокровищами на долго. В общем, отправились мы в фейские руины. Да, нужные врата были древними вратами фей, и нам предстояло пройти через руины их города. Мы ждали, что на нас нападут какие-нибудь чудища, обосновавшиеся там, однако город был действительно пуст. Думаю, его зачистили поколения мародёров, хотя, может там осталась и ещё какая-то фейская магия, отпугивающая опасных существ. Дракон примерно объяснил нам, как пройти к руинам главного храма, где и был алтарь, но продвигаться было трудно: эльфы строили под свой рост, только некоторые административные и торговые здания делали так, чтоб человек мог войти.

— Подождите, — уточнила Лера, — это был фейский город? Тогда почему его строили эльфы?

— А это один народ. Эльфы — мужчины, феи — женщины. Чуть выше колена человеку, с крыльями как у стрекоз. Предпочитают летать с голым торсом. И у них есть грёбаные штаны, что у мужчин, что у женщин! Нет, феи, конечно, носят ещё платья с открытыми спинами, и могут увеличивать себя магией для дел с людьми... но я отвлекся. Так вот, наша компания могла продвигаться по узеньким улочкам только по двое. Эльфы строили вверх, а не вширь, и этим существам, видимо, хватало узеньких проходов для манёвра. Зато вверх башни тянулись на многие десятки метров, и были такими красивыми и изящными, как если бы состояли из тонких нитей. Их затянули лозы, но сами строения были такими крепкими, что даже ювелирные рельефы на стенах и маленькие статуи потускнели, но не разрушились. А на пятом-шестом этаже сплошные стены начинали разделяться на отдельные башенки, утончающиеся и делящиеся, и уходящие далеко вверх, сливаясь с фоном неба. Их шпиль освещались солнцем, мы же шли в мягкой тени. Улиц и улочек было очень много, и при всей их узости мы не чувствовали себя стеснёнными. Но идти пришлось долго, притом, что площадь с вратами была далеко не на окраине. В этом городе наверно жили десятки миллионов фей и эльфов, а их империя наверно была действительно великой.

— А что с ними стало? — поинтересовалась Лера.

— Феи-владычицы слишком полагались на свою магию, и решили покончить во всём мире с агрессией. Они запретили любое насилие, а эльфов, от природы менее способных к магии, зато отличных стрелков и, насколько позволял их размер, рыцарей, сделали низшим сословием. Значительную часть эльфов и недовольных такими порядками фей изгнали в леса и не позволяли строить собственные города, а остальным эльфам была уготована судьба слуг, строителей и рабочих. Феи следили за порядком во всём освоенном мире, не допуская любые проявления агрессии. И какое-то время в их империи действительно был мир. Чудовища попрятались в тёмные леса и глубокие горные пещеры, а остальные народы, подкупленные достатком и благополучием, отказались от войн и вообще от оружия. Но что-то пошло не так. Любую обиду, раздражение, любую претензию приходилось проглатывать. Не имея права даже выпустить пар или разрешить конфликт, люди, феи, гномы и гоблины были вынуждены накапливать негатив в себе. А более богатые и успешные безнаказанно издевались над слабыми и неудачниками. Участились преступления на почве срыва. А больше всего агрессии вызывали сами феи-владычицы, карающие за любую вспышку негативных эмоций. В конце концов, совокупный гнев воплотился в осязаемые магические явления. Магия фей начала давать сбои. Создавать с её помощью материальные блага стало

труднее, и появился дефицит. Это вызвало ещё больший прилив ненависти, и тогда гномы смекнули, что феи слабеют, и объединились с гоблинами, чтобы восстать. Феи пытались сопротивляться, но восставшие, концентрируясь на своём гневе, легко отражали заклинания, и отвечали своими проклятиями, а оружия у фей не было. Зато оно было у одичавших лесных эльфов, вынужденных защищаться от чудовищ, оставшихся без других целей для набегов. Феи обратились к ним за помощью, но те отказали. Им незачем было вступаться за тех, кто отказался от них. Тогда феи заперлись в своих городах, неприступных для восставших, но волны ненависти, исходившие от осадивших их повстанцев, мешали создавать даже суточные нормы еды. Феи ограничили в еде своих, городских эльфов, и тех становилось всё меньше и меньше, пока не погиб последний, так как тела фей и эльфов не способны накапливать жир, из-за чего они не переносят голод. А тем временем восставшие соорудили поверх волшебных барьеров, защищавших города, вполне обычные железные купола. Феи живут сотни лет, но даже они не все бессмертны, тем более лишённые солнца и стеснённые в еде. Поэтому, когда через четыреста лет повоевавшие, помирившиеся, окрепшие и создавшие свои королевства народы решили вскрыть фейские купола, они нашли пустые города с единицами выживших фей, которые рассказали о тщетных попытках спастись, старении и раскаянии. Они даже пытались ответить на ненависть восставших собственной ненавистью, но эту магию ослабляло то, что феи сами были виноваты, и гневаться им следовало на себя. Оказалось, что искоренять насилие насилием по законам магии не правильно. Но надо отдать феям должное, ни в одном городе не произошло призыва демонов. Феи-владычицы предпочли вымереть, но не впустить в мир зло. По крайней мере, именно такую историю рассказал нам в пути Хильдиарезан.

— А магия может быть вызвана эмоциями? — спросил Вася.

— Да, если дать им волю. Так рыбонька получила своё нынешнее тело: его создал в момент перехода импульс нашей любви. Чем сильнее эмоция, тем меньше воли нужно для срабатывания заклинания. Создатели заклинаний обычно делают это в порыве великой нужды, переполняемые чувствами, и жаждущие чуда. Но, в порыве обиды, гнева или чего-то подобного, стоит просто согласиться со своими чувствами и вякнуть ерунду, чтобы обрушить на обидчика какой-нибудь дурацкий негативный эффект, способный испортить жизнь ему и не только, даже если на самом деле он ни в чём не виноват. Отсюда и такие обычаи с обидами и вообще с взаимоотношениями. Так вот, мы шли по покинутой столице первой империи фей. И вышли к просторной, даже по человеческим меркам, площади. А посреди неё стоял огромный дворец с воротами, в которые легко мог пройти человек. Створок не было, и мы вошли внутрь. Всё пространство дворца составлял один огромный зал, стены которого представляли собой многие этажи террас, площадок и балкончиков. Колонны и арки поддерживали конструкцию, защищая её от обрушения. А в самом центре зала, где-то на уровне человеческого пояса, на пьедестале стоял маленький, сантиметров двадцать в длину, алтарь. Система линз и зеркал, установленных в куполе, направляла солнечный свет так, чтобы он лучом падал на алтарь сверху. Зрелище было великолепное. А войдя в зал, мы услышали громогласный женский голос из-под купола:

"Пятеро пришли, полагая, что лишь с помощью алтаря обретут силу, дабы сделать то, что должно. Они ошибаются, но это их воля. Пусть желающий обрести свою силу подойдёт".

— И мне тогда стало как-то страшновато. Не хотелось делать это первым. И остальные, кажется, чувствовали то же самое, кроме Сашки. Он как-то спокойно смотрел на нас, а потом взял и пошёл к алтарю. Положил на него руку, как нам объяснил дракон. И голос из-

под купола сказал:

"Ты прикоснулся к алтарю первым. Почему?"

"Потому что я хочу получить силу, которая поможет нам победить зло", — ответил Сашка.

"Дурак! — ответил голос, — Ты уже обладаешь всем необходимым, и только малодушие не даёт тебе взять это! Убирайся, и подумай над тем, что я у тебя спросила". Следующей к алтарю вышла Людмила.

"А ты на что надеешься, прикасаясь к алтарю?", — спросил голос.

"Нам нужно вернуться домой, — ответила она, — и я прошу помочь нам раскрыть наши силы".

"Я удовлетворю твою просьбу, — ответил голос, — но ты и сама понимаешь, что не подходишь для этого. Даровать тебе то, что ты до смерти ненавидишь — пустое занятие. Тем не менее, если бы ты оказалась в нужном месте в нужное время, то сейчас была бы великой чародейкой, и я дарую тебе память о заклинаниях и именах их создателей, знания о магическом мире, а также то, что поможет тебе творить магию. Но волю, нужную для волшебства, ты должна будешь обрести сама, или умрёшь худшей из смертей".

— Людмилу окутал серебристый туман, а когда он рассеялся, её одежда сменилась на красивое голубое платье, а в руках у неё оказался серебряный посох. Тогда к алтарю вышел я...

Бердияр замялся.

— Ну, ты опять... как у вас говорят... загоняешься, — ласково промурлыкала Згалика.

— Да, там я почище ведра ляпнул, — ответил хозяин, — Но раз уж взялся, придётся рассказать. Голос спросил меня:

"Ты знаешь, что нужно вам для возвращения. Что ты надеешься получить?"

"Печенек, — ответил я, — и валентинку от тебя на Хэллоуин". Я брякнул это, и подумал, что раз уж Сашку послали, то меня точно пошлют. Но голос сказал:

"Ты можешь сколько угодно прятать сердце за фальшивым смехом, но для тебя это ловушка. Я научу тебя обращаться с ловушками, и, может, хоть так ты из неё выберешься. И да, валентинку на Хэллоуин ты тоже получишь".

— Меня окутал серебристый туман, и вдруг стало больно во всём теле. Не сильно больно, но всё-таки. А когда туман рассеялся, алтарь оказался прямо у меня перед носом. В общем, я превратился в гоблина-трапера. У меня оказалась сумка с деталями для силков, ёжиками и прочем, и я осознал, что понимаю, как обращаться с любыми ловушками, в том числе и с защитными устройствами из нашего мира. Тогда я запаниковал, закричал, чтобы всё вернулось обратно, возил огромной ладонью по алтарю, но голос молчал. И вдруг я почувствовал, что кто-то сзади обнимает меня за руки. Я обернулся — и увидел самое прекрасное существо в обоих мирах. Мою рыбоньку. Она обняла меня, и зашептала на ушко, что всё в порядке, и она меня не бросит, и мы как-нибудь всё переживём, а я стоял, и осознавал, что лучшего подарка этот голос с алтарём дать мне не мог. Я любил Згалику как друга, чувствовал с ней душевное родство, но человеческое тело не позволяло мне разглядеть её как женщину. А ты, рыбонька моя вуалехвост, самая прекрасная женщина, какая только может существовать, и не важно, в виде гоблина или в виде человека.

Хозяйка довольно заулыбалась и зарделась.

— И теперь у нас традиция дарить друг другу валентинки на хэллоуин. Но вот дальше было плохо. Остались Ваня и Даша. И Ваня не спешил идти к алтарю. Даша явно боялась, не

её парень и не думал ни идти первым, как это полагается, ни даже приободрить свою девушку. Мне было не до того, я любовался моей рыбонькой. Сашка что-то обдумывал, опершись спиной о заросшую стену. Наконец Даша решилась.

"А чего хочешь ты, дитя?", — спросил голос.

"Я не могу больше быть здесь, — ответила она, — Тут всё время кто-то умирает, и от меня хотят, чтоб я тоже убивала. Но я не могу".

"У тебя доброе сердце, — сказал голос, — Не даром выбранные тобой искусственные боги слышат тебя. Я сделаю так, чтобы они слышали тебя всюду, где у них есть власть, и они исполнят любую твою просьбу, какая будет в их силах. И не волнуйся, ты скоро покинешь этот мир".

— Серебристый туман окутал Дашу, и она появилась из него в длинном белом платье, сияющей лёгкой кирасе и с алебардой, на конце которой вместо шипа был уплощённый с боков сияющий камень вроде бриллианта, но с кулак величиной. Она только успела отойти от алтаря, как к нему уверенно направился Ваня. Уж и не знаю, что было у него в голове. Сашка крикнул ему "Стой", но тот только презрительно на него посмотрел и положил руку на камень.

"Ты понимаешь, что должен получить от меня?" — спросил его голос.

"Да сто пудов я в теме! Все, кто был норм, получили крутые штуки, а я вроде тоже норм", — ответил он.

"Может, с твоей точки зрения ты и герой, но есть и другие точки зрения. И ты поймёшь это, когда прочувствуешь, каково это — иметь только одну точку зрения".

— Серебристый туман окутал Ваню, но не рассеялся сразу. Вместо этого облако начало расти, а из него послышался крик. Когда же туман, наконец, исчез, мы сначала подумали, что Ваня окаменел. Перед нами стояла огромная грубая статуя, совершенно голая, со здоровенным железным молотом в руке и одним глазом на середине маленького лба. И этот глаз открылся. Сашка тогда развёл руками. А Даша в сияющем платье подошла к новой версии Вани. Она его любила, очень сильно. Она окликнула его по имени, и он ответил ей. Он взял её на руку, поднёс к страшной голове, и поцеловал куда-то в кирасу. "Я люблю тебя, — сказал он, — Ты теперь будешь часть меня". И, прежде, чем она успела отреагировать, откусил ей голову. Одним укусом. Она даже не вскрикнула. Только тело в покрытом красными пятнами платье обмякло в огромной каменной руке. А циклоп, которым теперь был Ваня, уронил его, сглотнул, посмотрел на нас, и сказал: "Я всех вас люблю!" А потом двинулся в нашу сторону. Мы кинулись врассыпную, а он, что-то хрюкая себе под нос, с весёлой улыбкой стал колотить по нам молотом. Тут пригодилось то, чему нас учили. Циклоп был медленным, но для отскока из-под громадного молотка Сашке и Людмиле пришлось стараться. А я вдруг увидел всё как будто в слоумо. Крикнул рыбоньке, чтоб она убегала, и она успела выскочить прежде, чем от удара молота обвалилась часть стены над входом. Циклоп лупил своим оружием по чём попало, сносил колонны, крушил стены, а чтобы выбраться, надо было теперь перелезть через завал. А эта зараза ещё и следила, чтоб мы не убежали. Кажется, он и вход завалил, целясь по Згалике. И тогда Людмила крикнула: "У нас нет выбора, он должен умереть". Сашка крикнул, что его меч не берёт каменную шкуру. Людмила ответила, что знает заклинание, но не может выцелить подходящее для удара место. И тогда я крикнул, чтобы они отвлекли циклопа, пока я сделаю ловушку. Они заманили его в один конец зала, а я отбежал в другой, выхватил из сумки верёвку, натянул между колонн и кинул на неё заклинание обращения в сталь. Потом разбил

по одну сторону бутылъ с маслом, а по другую вылил алхимический клей. И побежал заманивать циклопа. Он послушно кинулся на меня, и я завёл его в свою ловушку. Он грохнулся именно так, как я планировал, грудью и мордой в клей. И забился, пытаясь отлипнуть от пола. В это время Людмила кинула на его шею "камень в плоть", а Сашка вогнал в это место меч. Вот так нас осталось трое. Мы раскидали часть завала и с трудом выбрались наружу. А там нас уже ждали Згалика и Аэлин. Она спросила, где остальные. Мы рассказали ей, что произошло. Она побледнела, осела у стены и зарыдала. Мы впервые увидели её, потерявшую контроль. Она причитала сквозь слёзы, что это её вина, что из-за неё, и что если бы не она, и всё в таком духе. Сашка тоже расклеился, крикнул, что монстром должен был стать он.

— Да на тебе тоже лица не было, — заметила Згалика, — всем нам тогда казалось, что надежды нет.

— Всем, кроме Людмилы, — возразил Бердияр, — Ей тоже было тяжело, но она сказала, что для исполнения пророчества нужны двое, а нас ещё трое. Что если Сашка так хочет стать чудовищем, то способ найдётся, и мы вернёмся домой. И мы пошли обратно к воротам. Что делать дальше мы не знали. Вернулись в трактир, и расположились в нём на ночь, оставив решения на завтра. Но даже тут всё пошло не по плану. Мне приснился сон, будто ко мне в спальню пришла незнакомая девушка и велела следовать за ней. Я послушался, и, выйдя из комнаты, обнаружил Людмилу, которая стояла с закрытыми глазами. Девушка зашла за Сашкой, и повела нас из трактира. Снаружи она превратилась в огромную птицу, и сказала залезть к ней на спину. Мы это сделали, она взлетела, и тут я проснулся. Мы втроём действительно летели, но было уже утро, а под нами была не птица, а какая-то чёрная маслянистая субстанция, в которой плавали кости и череп с налитыми кровью глазами в глазницах. Людмила барахталась в этой жиже, а Сашка ещё спал. Я его растолкал. Он офигел и спросил, что это такое. Людмила ответила, что это интерфикасмис, дух боли. Разумная нежить-призрак, созданная из убитого длительными пытками. Что для неё есть только один смысл существования — передать другим свой опыт страданий. И ещё у этого призрака есть доступ прямо в ад, где он и предпочитает пытать своих жертв, притом живьём. Правда, за один раз он может пытать только одну жертву, и ищет следующую, только когда предыдущая умрёт. Тогда Сашка спросил у призрака, куда он нас несёт. Призрак ответил, что его создал тот самый Поль Мелизье, и пообещал отдать свежую жертву, если тот принесёт ему нас. Мы попытались его ранить, но наше оружие не причиняло ему вреда, как и магия Людмилы. И тогда Сашка сказал:

"А какой тебе, призраку, смысл ждать подачи от некроманта, если ты можешь прямо сейчас взять меня?"

— Он стал соблазнять эту гадость, чтобы она забрала его прямо сейчас. Мы сначала не поняли, зачем он это делает, а потом сообразили, что если призрак заберёт Сашку, то мы останемся на свободе. И Сашке удалось. Призрак вдруг исчез вместе с ним, а мы упали с высоты в лес. Я вывернулся, а вот Людмила сломала ногу. Я пытался её тащить, но получалось не очень хорошо, даже под заклинанием. Людмила не могла наложить чары достаточной мощности из-за боли. Но нас нашла Згалика, которая кинулась на наши поиски сразу, как обнаружили пропажу. И предложила нам спрятаться в её родном таборе.

Теперь сожаление отразилось на лице Згалики.

— Мы пришли к моему отцу, — продолжила она, — и около недели прожили среди моего народа. Я думала, что неприметную кучку гоблинов на бескрайних лугах не найдут, и

надеялась, что Бердияра и Людмилу посчитают погибшими. Но Мелизье не оставил нас в покое, и на табор напали мёртвые рыцари во главе с куклой. Убили много гоблинов. И Бердияр сдался, чтобы убийство моих сородичей прекратилось. А вместе с ним сдалась и я, хотя он был против. И нас втроём повезли к некроманту. Я не знаю, что было дальше с моим табором, и помогло ли им наше решение сдаться.

Дальше рассказ продолжил Бердияр.

— Мы ехали без остановки, перекинутые через крупы коней, два дня до трактира с воротами, и нам давали только пить. К нашему появлению трактир был уже пуст: завидев крупный отряд мертвецов, хозяин с постояльцами пустились наутёк, взяв только самое необходимое. Кукла открыл ворота, и нас протащили сквозь них. По ту сторону оказался небольшой зал, из которого нас потащили вниз по лестнице в подвал. Там нас подвесили цепями на стены, растянув конечности так, чтобы мы не могли попытаться открыть свои кандалы. Надетые вещи не забрали, и набор трапера остался при мне, но толку от него не было. Нежить тупа, за исключением самой могущественной — те сумасшедшие. Как раз такой экземпляр и спустился к нам. Высокий, худощавый, с длинными тёмно-серыми волосами, весь такой утончённый, в серебристо-серой мантии и широкополой остроконечной шляпе. Вёл он себя как карикатурный придурок из блокбастера, корчил гостеприимного хозяина, как будто мы — его гости.

Лерин похититель идеально подходил под это описание, кроме одежды. Девушка не знала, что и думать, а Бердияр продолжал.

— Представился он Подем Мелизье и стал выпрашивать, кто мы, что о нём знаем, и что делали бы дальше, если бы он нас не схватил. При этом урод вертел в руках что-то вроде вертела с шипами, и мы не хотели думать, зачем шипы на вертеле. Мы пытались врать, но он, как будто, знал всё за нас, и пресекал наши попытки. В конце концов, узнав, что мы благополучно завалили пророчество собственными силами, он сказал, что хочет, чтобы мы присутствовали на "самом чудном празднике", как он его назвал, и были его послами в мире Отрекшихся, а потом ушёл. Мы провисели в кандалах ещё несколько дней. Приходил захвативший нас кукла в испачканной свежей кровью одежде, приносил нам воду и муку, разводил при нас комковатое тесто и этим кормил. Хотя вонь от самого амбулякра не исходила, запах тухлятины ощущался от теста. Видимо, этот мертвец был поднят достаточно давно, чтобы трупный запах улетучился. Их для этого обрабатывают специальными веществами, вроде как бальзамируют, чтобы плоть давала возможность маскироваться, но пару раз в подвал спускались свежеподнятые амбулякры, и от них несло так, что хотелось разучиться дышать. А ещё с верхних этажей доносились крики, без остановки, днём и ночью. В конце концов наш амбулякр припёрся без теста, снял нас с цепей и потащил из подвала. В зале с воротами толпилась вооружённая чем попало нежить, но они расступились, пропуская нас наружу. Мы вышли из большого каменного здания на площадь. Рядом виднелись развалины какого-то красивого строения, видимо храма. И валялись сброшенные кучами обнажённые изуродованные трупы. Были кучи мёртвых людей, кучи гоблинов, небольшие кучки фей и эльфов, и кучи маленьких коренастых мёртвых гномов. Следы крови тянулись от куч к тому зданию, из которого выводили нас. А в центре площади виднелись огромные, построенные на скорую руку ворота, вокруг которых что-то размеренно, по машинному, делали куклы. Здесь же был и Мелизье, всё в той же мантии и шляпе, вертел в руках какую-то красную фиговину и командовал амбулякрами, хотя, как о них рассказывала Людмила, эти мертвецы чувствуют волю своего хозяина, и тот сам принимает за них сложные решения,

на которые не способен остаток памяти самих мертвецов. Устные команды при этом не нужны. Завидев нас, Мелизье оторвался от своего занятия, и зачитал целую лекцию о том, как долго он накапливал боль для своей красной фиговины, как он, урод, не покладая рук, без сна и отдыха, запытывал до смерти, и как ему не хватало могущества поднимать нежить из трупов — так много он замучил. И что теперь его фиговина заряжена, и оставшиеся трупы станут какой-то офигеть не встать могущественной нечистью, когда он, Мелизье, откроет врата в ад. Потом он приставил к нам троим по кукле, а сам подошёл к воротам, прикрепил над ними фиговину и принялся творить какие-то заклинания. Это не было похоже на магию, которой учили нас. Были те самые длинные речи на древнем языке, который не брало даже переводящее заклинание. Зато напоминало истории о магии, которые рассказывают в нашем мире. Стоял ясный день, но по мере того, как Мелизье колдовал, свет как будто иссякал. Так бывает при затмении, когда света становится всё меньше и меньше, а сам он делается рассеянным и тусклым. За стенами города послышались крики и лязг оружия: видимо, осаждавшие тоже увидели сгущение темноты и пошли на штурм.

— А какой смысл в осаде, если из города можно телепортироваться? — спросил Вася.

— Я тоже задавался этим вопросом. Вообще, у врат, тем более одних, ограниченная пропускная способность, и они не годятся для быстрой переброски большой армии, но опять же, если открыть врата в какую-нибудь забытую всеми точку, то за несколько часов армию вывести можно будет, но опять же, я не знаю всех тонкостей. Может окрестности защищали, или ещё что-то такое. Накопление боли отняло у Мелизье значительный период времени. Может, без блокады было бы быстрее. Но, в любом случае, город штурмовали. Послышался рёв Хильдиарезана, появились вспышки молний над стенами. Через стену полетели какие-то шутки, от которых всё загоралось, но над площадью был поглотитель стрел, и снаряды исчезали в нём. Впрочем, огонь проходил сквозь него, и порой нас обдавало жаром. Мертвецы вне барьера загорались и рушились, но Мелизье было плевать и на них, и на пожар, который охватывал всё больше зданий. И вдруг врата заполнились чем-то серым, а все звуки вокруг заглушились, как будто пространство за воротами засасывало их. На нас, живых, накатил волна такой депрессии, что захотелось убить себя прямо на месте, и мы бы это сделали, если бы наши руки не были скованы за спиной. Я тогда заметил выражение лица Мелизье, и на него депрессия тоже подействовала. А из врат вдруг вывалилось что-то огромное и крылатое. "Демон!" воскликнул я, но Людмила крикнула, что демоны бесформенные, так что это не один из них. Правда, я с трудом расслышал её сквозь адскую тишину. А крылатое тем временем с рёвом кинулось на Мелизье, разорвало его по поясу, после чего обрушилось на врата с красной фиговинкой. Но те не дрогнули под крупной, однако не очень массивной тушей, как существо, в котором мы узнали зелёного дракона, ни старалось. Тогда дракон заревел на верхнюю половину Мелизье, которая не торопилась терять сознание и вообще не показывала признаков боли:

"Закрой это немедленно, пока они не прорвались!", на что тот, безумно хохоча, ответил что-то, что мы не расслышали, а его мертвецы кинулись на дракона, но тот успел взлететь, и, уже в воздухе, заревел. И этот рёв не приглушился адской тишиной, а заклинание позволило нам понять его. Это была какая-то длинная молитва, больше похожая на набор словосочетаний. Она показалась нам такой громкой, что заболели уши, зато депрессия вдруг прошла. Нежить под драконом, начавшая было выстраиваться в пирамиду чтобы достать свою цель, стала быстро разрушаться, как в присутствии паладина. Куклы за нашими спинами начали читать заклинания, но не закончили, впад в ступор. А красная фиговина

вдруг взяла и взорвалась, выпустив из себя чёрное облако, немедленно всосавшееся в серое пространство во вратах. На стенах всё ещё звенел бой, но на площади из мертвецов остался только извивающийся как от дикой боли Мелизье. А во вратах что-то вспыхнуло, и мы увидели очертания нашего мира. Но между выходом и нами висело в воздухе летающее чудовище, а мы были измождены. Дракон же закончил молитву, обернулся на верхнюю половинку Мелизье, и, проревев что-то про друзей, изверг на него струю жёлто-зелёной жидкости, после чего от тушки некроманта не осталось ничего, кроме шипящей лужи и облака газа. Затем дракон зашёл на нас, и мы решили, что тоже станем его жертвами, но чудовище схватило кукол за нашими спинами и разорвало их в воздухе. А потом крылатый ящер сел рядом с вратами, лишая нас надежды проскочить мимо. Надо было что-то делать. Я встал и обратился к нему: "Кто ты, о великий...", на что он ответил "Чёрный плащ, блин. Только свисни — он появится". И, окутавшись зелёным туманом, принял человеческий облик. Это был Сашка. Он любил цитатки в таком духе. Вы не представляете, как мы обрадовались. А шум боя стих, и на площадь ворвались рыцари в сияющих магией латах и солдаты в латах поскромнее. А впереди всех были Аэлин, сэр Глен и ещё какой-то рыцарь. Я сказал, что надо поспешить во врата, но Людмила успокоила, что они не закроются, пока те, кто должен, не пройдут через него, и у нас есть время проститься и восстановить картину происшедшего. Как выяснилось, после нашего исчезновения Аэлин организовала поиски с магией, но не нашла нас, и вернулась к мужу, командовавшему блокадой мёртвого города. Это и был тот незнакомый рыцарь.

— И не мудрено, что не нашла — вставила Згалика, — я бы тоже вас в том лесу не нашла, если бы не любовь. Там были болота, через которые и гоблину не просто пройти, и чащи, и ещё всякое. Я шла на зов своего сердца, туда, куда солдаты побоялись.

— Люди Аэлин в конце концов нашли бы нас, если бы нежить не успела раньше. А интерфикасмис затащил Сашку реально в ад, где истязал его тело и упивался депрессией, которую тот постоянно чувствовал. Оказалось, что Мелизье сделал его из выжившего разбойника. Такое вот помилование Даша ему устроила. А ещё дух показывал Сашке наши бедствия, чтобы заставить его считать свою жертву бессмысленной. Но на этом он и прокололся. Он притащил Сашку туда, где должны были открыться врата, чтобы показать, как демоны будут разрывать нас и захватывать наши тела, демонстрируя своей магией картинку с той стороны. И вот, когда врата открылись, а вдалеке показались тучи демонов, Сашка так захотел спасти нас, что в нём что-то перещёлкнуло, и из него вырвалась та сила, о которой говорил голос алтаря фейских слёз. Он превратился в дракона, уничтожил воплощение интерфикасмиса своей кислотой, освободив его душу, и ринулся в портал первым. Он закрыл портал прежде, чем демоны прорвались. Рассказав друг другу свои истории, мы собрались возвращаться домой, но Сашка отказался. Он сказал, что в нашем мире он отбывал условный срок, и его, скорее всего, объявили в розыск. Что теперь его ждёт тюрьма, и по нашу сторону врат у него нет будущего. Мы не ожидали от него такого. Простившись с Аэлин и сэром Гленом, мы хотели уже пройти в портал, но Згалика взмолилась, чтобы я остался. А я не хотел оставаться. Хоть в таборе мне и дали штаны, но тот мир был слишком жесток и мрачен для меня, и я испытал в нём слишком много боли. И тогда Згалика сказала, что пойдёт со мной. Её предупредили, что неизвестно, каким будет для неё перенос, и она может погибнуть, но моя рыбонька твёрдо стояла на своём. И вот мы перенеслись через врата. И оказались в наших телах, в тот же момент, из которого нас выдернули. Прошло не больше пары минут. Я увидел всех, живых и немного ушибленных,

Иришку с Алишкой, Игоря... И Сашку. Я сначала удивился, почему все лежат, а он стоит, и только потом увидел железные штыри, торчащие из него, и лужу крови. Он повис на арматуре, умер, но не пал. А на меня кинулась с объятиями девушка такой красоты, о которой я только мечтал.

— И ты меня не узнал! — улыбнулась хозяйка.

— Угу, сказал, что жду свою девушку, которая должна вот-вот появиться.

— В разбитом автобусе, ага. А я налетела на тебя, что ты не рассказывал про девушку в своём мире.

— Так мы друг друга и узнали. И знаете, ради рыбоньки я бы ещё раз прошёл через весь трэш, который я там перенёс. Мы все собрались в кучку, сняли Сашку, и начали обсуждать случившееся. Иришке и Алишке было вообще пофиг, они только посмеялись и порадовались, что всё закончилось. Людмила сказала, что рада за нас всех, но не хочет возвращаться к воспоминаниям, и предложила просто общаться. Славка убежал прежде, чем мы его окликнули. А Даша стала сторониться Вани и даже шарахаться от него. Потом мы продолжили общаться друг с другом, все, кроме Людмилы. Она отстранилась, и обратилась к психиатру, чтобы тот помог ей всё забыть. Я устроил Игоря охранником в свой клуб... Да, я работаю администратором ночного клуба. И он оказался отличным работником! Ответственным, не пьющим — теперь, после заклинания — и отличным бойцом, ведь наша физическая подготовка почему-то осталась с нами в этом мире. К нам частенько заходят Иришка, Алишка и Даша, которая сдружилась с ними. За Дашу обидно: после откусывания головы у неё появился панический страх Вани, и она, как ни пыталась восстановить с ним отношения, не смогла переступить через себя. Для самого Вани урок тоже даром не прошёл: он занялся изучением философии, религий, естественных наук и йогой, то есть решил расширить свой взгляд на мир и стать умнее. Мне кажется, он старается ради Даши. А вот она пошла по наклонной. Ходит по тусовкам с девчонками, липнет к парням. Думаю, если бы она не получила иммунитет к алкоголю, она бы спилась. Те девки пьют, не употребляя при этом мяса. И в моём ресторанчике частенько выпивают. Про Славку мы так больше и не слышали. Вот, собственно, и вся история.

Глава пятая, о гибели и планах на будущее

— Да, увлекательно, — заметила Лера, допивая очередную чашку "липового" чая, — Должно быть, Александр будет очень рад, если вы его навестите. Будет, что вспомнить.

— Обязательно навещу. Оставьте информацию о том, как его найти?

— Да, конечно. И знаете, мне понравился чай.

— Правда? — Обрадовалась Згалика, — С удовольствием буду угощать вас каждый раз, как придёте в гости!

Вася недовольно покосился на свою почти нетронутую чашку.

— А теперь у меня к вам вопрос, — сказал Бердияр, — Было ли что-то в моей истории, что показалось вам знакомым?

— Да, — ответила Лера, — ваш враг. Я видела человека, очень похожего на него.

Бердияр и Згалика как по команде принялись и тревожно переглянулись. Впрочем, то опасение, что заставило их это сделать, судя по всему, не оправдалось.

— Он не причинил вам вреда? — спросил кавказец.

— Нет, он поиздевался надо мной и прогнал. Я не мёртвая, если вы об этом.

— Я хочу от вас правды. Я впустил вас в свой дом и рассказал секрет. Скажите, чего он от вас хотел.

— Расспрашивал про Александра, — сдалась Лера, — Он хочет знать о нём всё.

— Не мудрено, — заметил Бердияр, — эта зараза наверняка мечтает Сашке отомстить. Но мы засиделись. У меня скоро смена, надо собираться на работу...

— Да, нам тоже пора, — ответил Вася, поднимаясь из-за стола.

Одевшись и попрощавшись с хозяевами, Лера и Вася вышли на улицу.

— Да уж, время офигительных историй, — произнёс Василий, — Что думаешь по этому поводу?

А Лера по прежнему не знала, что думать. Рассказ Бердияра очень логично вписывался бы в ситуацию, если бы мог быть правдой. Но девушка не была сумасшедшей, чтобы в такое поверить.

— Рассказ этого Бердияра во многом совпадает с тем, что говорил Александр, — ответила она, — Думаю, они в сговоре. Скорее всего, этот Бердияр и укрывал Александра в течение двух лет. Но в чём был их мотив — не очень понимаю. Так Александр ещё сильнее ограничил свою свободу, и потерял больше, чем приобрёл. И тогда вопрос — кого похоронили...

— Да блин, как-то уж слишком складно Бердияр всё рассказывал. И эмоции... Ты же в физиогномике смыслишь. Не заметила в его мимике ничего особенного?

Лера напрягла память. Эмоции Бердияра вполне искренне отражались на его лице, и взгляд указывал на воспоминание, а не на фантазию.

— Я не детектор лжи, — ответила она, — Я могла не заметить чего-то. Но ты ведь не думаешь, что вся эта история — правда?

— Она совершенно фантастическая, но кроме этого у меня нет оснований ей не верить.

— Он рассказывал про колдующих рыцарей и гоблинов-тапков, Вася!

— Гоблинов-трапперов. Да, блин, это смущает. Но ещё больше меня смущает то, что он описывал своего некроманта и кукол точно так же, как ты — мастера и его людей.

— Я тоже обратила на это внимание. Так может они тоже заодно? Этакая мафия, с "некромантом" во главе.

— Может, но это ещё одно допущение, подтверждений которого у нас с большего нет.

— И что, ты предлагаешь мне поверить в то, что гоблины только что поили нас чаем?

— Я предлагаю тебе умыться руки пока не поздно, но ты меня всё равно не слушаешь. Какая бы версия ни была истинной, твоя или Бердияра, происходящее несёт в себе реальную и довольно нехилую опасность. Речь идёт как минимум об одном умершем не своей смертью человеке, а Бердияр говорил об убийствах так, будто это — что-то необходимое, что надо уметь делать.

— Он вообще очень странно говорил, — попыталась Лера сменить тему, — то чистым литературным языком, то вставлял чуть ли не мат.

— Да, и это для меня ещё один аргумент в пользу его истории. Он говорил неестественно. Мне по работе приходится сталкиваться с травмированными кавказцами, грузинами и прочими. У них особая манера речи, а у этого даже акцент пропадал, когда он описывал фейские руины, и не только тогда. Лично я такого в жизни не видел, и, кроме как переводящим заклинанием, объяснить это не могу. И ещё вопрос: если Александр — преступник, зачем Бердияру было рассказывать нам эту историю?

Лера призадумалась. Мотива не было. Если бы Александр хотел выдать себя за сумасшедшего, Бердияру было бы выгоднее поддержать версию его сумасшествия, а не выдуманный бред. Повторяя историю, кавказец сам делал себя сумасшедшим, а заодно и свою девушку.

— Да, если это вымысел, мотива нет. А если это правда, какой мотив?

— Например, подготовиться к опасности. Для этого же Александр дал тебе его адрес?

— Ладно, допустим. Но сейчас мы можем только гадать. Мне надо с ним поговорить. И чем скорее, тем лучше.

— И что ты хочешь узнать из разговора?

— Задать пару вопросов, учитывая услышанную историю. Найти нестыковки. Или он скажет что-то, чего не мог бы знать, или он забудет что-нибудь и так проколется.

— Ты всё-таки отмечаешь вариант, что Бердияр говорил правду.

— Уж прости, но я не могу вот так взять и поверить в историю, ломающую все мои представления о мире.

— Ладно, я тебя понял. Но пожалуйста, подожди до вторника, чтобы я мог помочь тебе. Мне нужен хотя бы день чтобы уладить всё на работе и взять отпуск.

— Хорошо, Вася, — промурлыкала Лера, — ты самый лучший!

— Только пожалуйста, не делай глупостей пока меня не будет. Потерпи хотя бы день. Ладно?

— Ладно. А ты не знаешь, что такое космодесантник и вархаммер?

Тем же вечером Вася уехал. Лера проводила его, и отправилась домой. Мысли о необычной истории, рассказанной кавказцем, не покидали девушку. Сначала она прокручивала её в голове, ища нестыковки, но потом её воображение навязчиво стало рисовать ей сцены покинутого фейского города, бескрайних лугов, и драконов, одного спящего на горе золота, и другого, закрывающего своим рёвом тёмный портал. Как и вчера, её путь домой лежал через старый сад, и, остановившись под одним из деревьев, Лера позволила себе пофантазировать. День подходил к своему завершению, радуя романтиков малиновым беларуским закатом, привычным и незаметным, но, если обратить на него

внимание, очень красивым. Горизонта видно не было: дома из жёлтого кирпича закрывали его. Но над ними небо покрывали рваные полосы слоисто-кучевых облаков, жёлто-малиновых снизу и глубокого лилово-синего цвета сверху. Воображение девушки складывало из их нежных очертаний пейзажи далёкого вымышленного мира, придуманного странными людьми из её курсовой. Нет, Лера не была готова поверить в этот мир, тем более что за ним скрывались моря крови и жестокости. Но сейчас, любуясь облаками, хотелось думать о другой стороне такого мира — блистательных рыцарях, благородных драконах и волшебных чудесах. Лера опёрлась спиной о дерево. Сучковатое, ветвистое, с зияющими дуплами, это оно вчера добавило страху перепуганной девушке, зацепив её волосы. Но сейчас, в этот спокойный и томный вечер, оно казалось каким-то волшебным, загадочным. Могло ли оно быть частью сказочного мира? Однозначно, да. Именно так должно было выглядеть дерево из мрачной, но романтической сказки. Да и этот закат напомнил слова Александра о том, как он, любуясь подобным, осознавал важные для него вещи. Впрочем, мечты мечтами, а завтра утром надо было идти в институт, а значит, пора было направляться домой и готовиться к занятиям.

Следующий день Лера планировала провести как можно дальше от приключений. Ей надо было отдохнуть и заняться чем-то привычным, и успешное выступление на семинарском занятии подходило для этого отлично. Но, направляясь во время перерыва в столовую, она увидела идущего навстречу ей по коридору Владимира Захаровича. Тот тоже обратил на неё внимание, и на его лице отразилось недовольство.

— Валерия, хорошо, что я вас встретил. Вы, кажется, как бы так сказать, совсем забыли, где находитесь?

— Что вы имеете в виду, Владимир Захарович? — опешила Лера.

— Напомните, кто дал вам право тревожить моих пациентов?

— Простите, не понимаю, о чём вы...

— О женщине, к которой вы пришли без спроса, грубо нарушили процесс терапии, вызвали нервный срыв, и растоптали почти два года моей работы, не говоря о моей репутации. Кто дал вам её адрес?

— Александр Афинский...

— Вы так шутите что ли? — взорвался профессор, — Откуда ему это знать? Всё, что их объединяет — шизофрения, с которой Люд... пациентка успешно боролась до вашего появления. А, не важно. Вы разочаровали меня. Выберете новую тему для курсовой. Я предупрежу, чтобы вас не подпускали к пациенту. И скажите "спасибо", что я не стану подавать на вас бумагу в деканат и ректору. За такие вольности можно понести серьёзное наказание.

— Простите, Владимир Захарович. Я пыталась сделать курсовую как можно лучше...

— От вас требовалось просто провести несколько тестов и сделать их анализ, не больше! Или вы возомнили себя доктором наук и решили написать диссертацию? Вы — обычная студентка, и от вас требуется знание программы, ни больше, ни меньше, а научную деятельность оставьте для... Словом, выберите другую тему для курсовой. Вы поняли меня?

— Да, Владимир Захарович.

Всё сильнее раздражаясь, преподаватель двинулся быстрым шагом дальше по коридору.

— Вот тебе и "почувствовать себя настоящими исследователями", — буркнула Лера себе под нос.

Теперь она была свободна. Не было необходимости лезть глубже в эту мутную историю.

Более того, продолжать работу было запрещено. И не придётся больше общаться со страшными сумасшедшими, шизофрения там или психопатия. Лера одёрнула себя. Она учится на психиатра, и бояться больных людей для неё профнепригодность. Однако выдохнуть всё равно можно было, но успокоения эта мысль не принесла. Наоборот, девушка почувствовала себя так, как будто у неё изо рта выбили надкушенное яблоко. Значит, всё, что произошло с ней за последнюю неделю, было напрасным? И что, она всё так бросит? Лера вспомнила, чем занималась до встречи с Александром, и всё это показалось ей не просто скучным, но бесполезным и бессмысленным. Однако ей было запрещено продолжать заниматься этим делом. За такую выходку её могут и выгнать из института. Лера заметила, что она допустила саму мысль о некой выходке, и ещё она обратила внимание, что ищет в воображении поводы, чтобы её совершить. Да, она хотела продолжить. Не так, как маленькая девочка хочет новую куклу, а девушка постарше — принца на Феррари. Лера увидела для себя в загадке Александра то, чего хочет почти любой человек, но не может найти для этого подходящего слова. А самым подходящим словом было бы "смысл". Страх и прочие неприятные чувства выветрились из памяти, зато осталось ощущение значимости того, что с ней происходило. И, разумеется, веский повод нашёлся: Мастер пригрозил, что расправится с ней, если она не продолжит изучать Александра. И то, на сколько эта угроза была реальна, сейчас было не важно. Лера нашла своей выходке рациональное оправдание, и она понимала это, но не собиралась себя останавливать. Решение было принято. Теперь нужен был план.

Владимир Захарович сказал "Я предупрежу, чтобы вас не подпускали к пациенту", а значит, он ещё этого не сделал. Звонить он при ней тоже не стал, значит, время, возможно, ещё было. Может, Лере удастся увидеться с Александром так, чтобы её не заметила блондинка. Хуже будет, если в это время в больницу приедет сам профессор. Тогда придётся играть в дурочку и оправдываться, что хотела передать результаты тестов в законченном виде, но последствия в этом случае всё равно будут. Чтобы этого избежать, следовало посмотреть расписание преподавателя и вовремя убраться из больницы. А что делать дальше? Сказать Александру, что его дело кому-то передадут, и попросить передать сообщение Бердияру. А тот уже не выдаст её Владимиру Захаровичу, и расследование можно будет продолжать.

Судя по преподавательскому расписанию, в ближайшие три-четыре часа Владимир Захарович должен был проводить семинары с пятым курсом. У Леры тоже были пары, но другого случая могло не представиться. Поэтому, не теряя времени на обед, девушка немедленно направилась в центр психического здоровья. Ей было не до пейзажей за окном автобуса, и не до замечательной для осени погоды. Она впервые так рисковала учёбой, и никогда до этого не прогуливала занятий ради собственных желаний. В этот момент она чувствовала себя чуть ли не преступницей. "А ведь Александр, наверно, тоже жил с таким чувством, — подумалось ей, — только ему действительно было за что". Это был тот случай, когда мерилком чувств выступает не реальный уровень внешнего воздействия, а жизненный опыт.

Знакомая дежурная кивнула Лере, не пытаясь её задержать. Об отстранении студентки, похоже, ещё не знали, и это было хорошо. Вспомнив последнее посещение, девушка отправилась в сторону палаты, куда Александр ходил за тестом. Афинский стоял у окна, распрямившийся и, как будто, ставший физически крепче. Лера вошла в палату и окликнула его. Александр обернулся.

— Валерия, здравствуйте. Рад вас видеть, но вы не вовремя.

— Что вы имеете в виду?

— Сегодня утром я почувствовал, что моя сущность вот-вот готова вырваться наружу. Я уже могу колдовать, но не делал этого, потому что мне не нужно было лишнее внимание. Меня тут больше ничего не держит, и я покину это здание уже через считанные минуты.

Он говорил совершенно не так, как раньше. В его голосе была какая-то жёсткость, нажим. Лишние гласные появлялись почти во всех словах, а интонация резко менялась в течение фраз, делая речь твёрдой, холодной и агрессивной. Оставшийся воздух с тихим шипением вырывался из горла пациента, а вдохи его были резкими и громкими. Леру это удивило, но она решила оставаться твёрдой в своём решении.

— Планируете побег?

— Только если превращусь в дракона. Можете предупредить санитаров, если хотите, но это уже ничего не изменит. И я рад, что вы больше не боитесь меня.

Это было правдой: страха не было. И это при том, что потенциально опасный больной предупредил Леру о намерении бежать.

— Вы знаете, что я чувствую? — спросила девушка.

— Не всё, но уж воздействие драконьего ужаса или ауры искренности я бы заметил. Вы узнали обо мне что-то новое, или пережили нечто реально страшное?

— В каком-то смысле и то, и другое, но это не важно.

— А что вы полагаете важным? Новый тест?

— Александр, я сделала, как вы сказали. Попыталась найти ваших друзей, и Бердияр рассказал вашу общую историю в подробностях. А Людмила пожаловалась на меня, и теперь вами будет заниматься кто-то другой.

— Но вы этого не хотите.

— Не хочу.

— Глупое дитя. Впрочем, на сколько ваш выбор опасен для вас, на столько же он приятен мне.

— Я могу передать что-нибудь Бердияру. Он говорит, что поддерживает связь с другими... участниками вашей истории.

— Всё ещё не верите мне. Досадно, но тоже не ва...

Александр вдруг принялся и по-змеиному попробовал языком воздух. Твёрдое уверенное настроение резко сменилось напряжённым.

— Вы видели кого-нибудь по дороге? — резко спросил он.

— О ком вы?

— Кто-нибудь, кто привлёк бы ваше внимание. Бледный, малоподвижный, или следил бы за вами в упор.

— Вроде нет, а что?

— Они здесь. Я их чувствую. Им около недели, гниение в самом разгаре. Ваше ничтожное обоняние ещё не способно уловить их запах, но они близко. Поднимаются на этаж. Так, сейчас начнётся заварушка. Если хотите жить — прячьтесь в палате. Кто-то точно умрёт в ближайшие десять минут... уже умер.

Последние слова Александра сопровождал крик ужасной боли, донёсшийся из коридора. Лера выглянула наружу. У выхода на лестницу стоял Мастер в сопровождении громилы, а между ним и Лерой на полу дёргалась переломанная пополам старушка-дежурная. Прежде, чем девушка поняла, что происходит с несчастной женщиной, Александр резко оттолкнул её

внутри палаты и сам вышел наружу. Лера почувствовала знакомый запах спирта и тухлятины.

— Покровитель Гратлоргарн! — послышался голос Мастера, — Ох, как же низко ты пал. В кого ты превратился? Хочешь — не верь, но мне досадно созерцать тебя в облике сумасшедшего человечки.

— Какого хрена ты припёрся? — рявкнул в ответ Александр, — Как ты вообще узнал, что я здесь?

— Ты же помнишь, дорогой мой, что у меня повсюду глаза и уши. А сегодня мир Чудес и мир Отрекшихся окончательно сольются воедино, и мы сможем снова померяться силами в доблестном бою. Ты ведь любишь это, правда?

— Знаю я твои понятия о доблести. Если бы ты знал раньше, где я, то припёрся бы и убил меня беспомощного.

— Ох, как оскорбительно! Как монстр-покровитель позволяет себе быть столь невоспитанным! Я требую сатисфакции.

— Я расхреначу тебя на месте. Проваливай отсюда, и мы устроим бой снаружи, если хочешь, а не хочешь — я изничтожу тебя нахрен.

Из коридора слышались крики и треск ломающихся костей. Лера осмелилась выглянуть, и увидела, как громила за спиной Мастера дерётся с несколькими санитарями и переламывает их пополам одного за другим. Александр вышел вперёд, на площадку с диваном, и свет из окна падал на него. Мастер так и остался у входа. Он бросил взгляд на Леру и явно её заметил, но никак не отреагировал, продолжая говорить с пациентом.

— И что ты мне сделаешь, если я зайду например вон в ту палату, где наверняка лечатся милые и совершенно невинные люди? Сделаешь из нас всех кислотные щи?

— Ты ублюдок, Мелизье!

— Ну зачем так? Мы ведь почти одинаковые, не даром же не можем друг без друга и без наших эпических битв!

— То есть ты ждал, пока миры сольются, чтобы прийти и сразиться со мной? Что-то обычно я сам приходил к тебе, а ты прятался и убегал, как самый доблестный из зайцев.

— А ты всё время разрушал моё тело. Это, знаешь ли, неприятно. И раз теперь я пришёл к тебе, может что-то изменится?

— А тебе не говорили, что ты очень много болтаешь? Только что я почувствовал свою силу, и ты, труп безмозглый, упустил шанс меня прикончить. Пришёл ко мне — так поймай!

С этими словами Александр повернулся к окну, и из его рта появилось облако зелёного дымка. А затем пациент сумасшедшего дома выдохнул струю огня, которая сразу прожгла стекло и оплавил решётки, а потом выскочил наружу. Пламя сразу охватило занавески. Зазвучала пожарная тревога.

Мастер выпрыгнул в расплавленное окно, и решётки вдруг начали восстанавливаться. Громила тем временем двинулся в одну из палат, после чего оттуда слышались вопли боли и смерти. Возможно, выйти в окно с третьего этажа было бы безопаснее, чем оставаться здесь, но этой возможности больше не было.

Лера в оцепенении смотрела на всё это, высунув голову из дверного проёма. Рядом с ней картину наблюдали обитатели палаты, которые, услышав крики и увидев, что громила вроде как отвлёкся, кинулись к выходу, однако дверь, похоже, была заперта. Больные принялись колотиться в неё. Видимо, услышав шум, громила вышел к ним и принялся переламывать, как санитаров, одного за другим. В нескольких других палатах наблюдавшие произошедшее больные принялись баррикадировать двери кроватями и тумбочками, но

казалось, что для громилы это не станет препятствием.

И тут кто-то дёрнул Леру за рукав. Обернувшись, она увидела Наталью Сергеевну, которая, сделав девушке знак следовать за ней, двинулась вдоль стены в противоположную сторону коридора. Надеясь, что громила достаточно отвлечён на пытавшихся спастись из его лап и отчаянно отбивающихся больных, Лера последовала за ней. Завернув за угол, блондинка подбежала к двери со значком пожарного выхода и достала из кармана ключ. Увидев это, несколько больных из соседних палат подбежали к девушкам, и, как только щёлкнул замок, первыми кинулись наружу.

— Давайте со мной, я на машине, предложила блондинка, выбегая следом.

Это был лучший выбор в данной ситуации. Сбежав по лестнице, девушки выскочили за больными во двор. Лера услышала над собой странный шум и очень громкий звук, похожий на рычание. Рёв складывался в слова: "Где ты?", "Покажись, ничтожество" и "Я изничтожу тебя". Ужас охватил девушку: и ей показалось, что слова обращены к ней. Но блондинка потащила её куда-то, в противоположную сторону от убегающих больных. На небольшой стоянке среди прочих был припаркован старенький автомобиль, к которому и подбежали девушки. Лера заскочила на заднее сидение, а Блондинка села спереди и завела двигатель. В комплексе, кажется, подняли тревогу, но ещё не разобрались, что происходит, и как на это реагировать, так что лишь машина Натальи Сергеевны покинула стоянку и остановилась перед шлагбаумом у выезда с территории. Выглянув в окно, Лера увидела, как бежавших с ней больных расшвыривает и избивает ещё один громила в костюме. Этого девушка прежде не видела. Блондинка тем временем выскочила из машины, и, забежав в пустую будку охранника, подняла шлагбаум. Вернувшись в салон, она выкатила автомобиль с территории комплекса и пустила го по трассе в город.

— Что всё это... что это такое? — пробормотала Лера.

— Чтоб я знала, — ответила блондинка, — но, кажется, Саша не врал.

— Вы о чём?

— Я расспрашивала его про его мир, и эти истории как-то не были похожи на шизофрению. С Сашей всё время было что-то не так, и я это чувствовала. Его присутствие действовало... на всех, и я решила поработать с ним, чтобы понять, в чём дело. В том числе и о его враге расспрашивала. Короче, когда я увидела этих вонючих, я сразу поняла, что это они. Вам повезло, что я как раз вернулась с больными с процедур...

— Что всё это было?

— Бред сумасшедшего вживую. Нет, ну каково, а? — Наталья глянула на Леру в зеркало заднего вида, — Да на вас лица нет! Бросьте, паника от стресса не поможет. Меня тоже колотит, но не так же сильно! Чего испугалась?

— Что там рычало сверху? Оно хочет нас убить?

— Ну, я могу ошибаться, но походу оно обращалось не к нам. К тому же, оно позади осталось, и вроде нас не преследует.

Эта мысль, а ещё уверенный тон блондинки немного успокоили Леру. Она посмотрела в заднее стекло, и увидела обширный пожар там, где раньше был сумасшедший дом. Над заревом, в дыму, металась какая-то большая тень, но за пределы больницы не вылетала. Автомобиль быстро ехал по дороге, и пожар становился всё дальше.

— Он предупреждал, — сказала Наталья, — Я ему, конечно, не верила, но вот как оно в жизни бывает. Хорошо, что я его хотя бы слушала, и поэтому смогла быстро сориентироваться. Кажется, я ему понравилась, и поэтому он нарассказывал мне, что в какой

ситуации делать. Знаете такое, когда ты слышишь что-то непонятно что, не веришь, но всё равно понимаешь, что творится что-то такое же важное, как непонятное... Да чтоб меня, в последние дни от его присутствия колбасило по полной всех, и меня тоже, но как-то не так... Я чепуху несую, да?

— Ну, есть немного, — Лера попыталась выдавить из себя улыбку.

— Простите, сама не могу успокоиться. Ладно, надо отвлечься. Вам удалось поговорить с его матерью?

— Да, но я не уверена, что он действительно её сын.

— Её-её. При всём уважении к Владимиру Захаровичу, его теория шита белыми нитками. Не может человек знать то, о чём не мог узнать.

— Как тогда всё это объяснить?

— А как объяснить, что он расплавил решётку и выпрыгнул из окна, а потом она сама зарихтовалась? И как эти Шреки валили санитаров, и не превращались в растения от галоперидола? В том, из отделения, точно шприц сидел. А может и два. А санитары у нас — ребята крепкие... были. Жаль бедолаг. Вот за что им это? Пришли на работу как обычно. А у Петра Григорьича две дочки в школу ходят. И всё, нет Петра Григорьича. Потому что пришёл амбал и переломал его пополам. Я сама видела. Как так-то? Где справедливость?

По щеке блондинки покатила слеза.

Это действительно было не справедливо. И не правильно. Всё это было неправильно. Жизнь текла своим чередом, люди работали, учились, растили детей. И вдруг беда, которой они никак не ждали, не звали и не заслуживали, свалилась на них. И теперь эти люди горели там, в пылающей вдалеке больнице, и над ними носилась страшная, не понятно откуда взявшаяся тень.

— Я говорила с матерью, — Лера попыталась увести разговор от темы погибших санитаров, — У них там история неудачных семейных отношений с циклом в поколение. Женщины конфликтные, а мужчины кто может — бегут. Воспитали семейного агрессора, он поколачивал, гиря до полу дошла — вот и вся история.

— Саша — добрый человек, — возразила Наталья, — странный, но добрый. Я проводила тесты, и выявила некоторые личностные расстройства, но ничего клинического.

— У меня те же результаты. Но знаете, созависимые отношения могут далеко зайти.

— С ним рядом было как-то хорошо. Сначала было немного страшновато, а потом он начал как-то расслаблять. И на всех это действовало по-разному. И истории он рассказывал очень интересно, недаром мультипликатор. Вот фигня, чем дольше живу, тем меньше понимаю эту хреновую жизнь, простите за выражение. Я ведь не на много вас старше, а уже повидала туеву хучу вещей, которые ставят меня в тупик. Знаете, я ведь хотела понять этого Сашу. За тем и вам помогла, хотя и сомневалась.

— Вы про какой случай, нынешний или с матерью?

— Да наверно про оба. Верите, нет, но мне до сих пор не даёт покоя этот Саша.

— Та же история. Но, кажется, я тоже в тупике. Меня за упорство Владимир Захарович отстранил. — Лера нервно усмехнулась.

— Чего это?

— Да Александр дал мне адрес, я поехала, а там оказалась пациентка Владимира Захаровича.

— Да быть не может! И что, та самая, у которой те же истории?

— Угу.

— И у кого-то ещё могут быть сомнения в его правдивости? — воскликнула Наталья.

— Что? Нет, ну он же нёс полнейшую чепуху!

— А как вы объясните тогда окно?

— Он планировал побег. Видимо, что-то сумел добыть и смешать. Какую-нибудь кислоту... Ну не магией же он это сделал! Всему есть научное объяснение!

Навстречу, завывая сиренами, пронеслись мимо несколько пожарных машин. Автомобиль Натальи въехал в город, и, вскоре, остановился рядом с хрущёвкой в унылом грязном районе. Это была самая окраина, в отдалении от транспортных узлов и оживлённых дорог. Забытая и заброшенная, с полуразобранными скамейками и ржавыми качельками среди старых иссохшихся деревьев.

— Куда это вы меня привезли? — спросила Лера.

— К себе домой. Мне сейчас нужна компания. Зайдёте в гости?

Студентка не была готова спорить, тем более что сама не хотела оставаться одна. Она впервые видела, как убивают человека. Вместе с Натальей она поднялась на четвёртый этаж, и оказалась перед обитой обветшалым линолеумом дверью. Блондинка отперла её, и пригласила Леру в маленькую однокомнатную квартиру.

— Не хоромы, конечно, — произнесла хозяйка, — Да о чём я, совсем не хоромы. Снять получше денег жалко было. Зато не комната.

Лера перешагнула порог, и очутилась в небольшой прихожей, обставленной старой, но прочной на вид, мебелью советских времён. Правую стену закрывали платяные шкафы, остальные были обклеены выцветшими обоями. Слева, за дверью, была видна небольшая комната, а за другой дверью, впереди, виднелся край кухонного стола.

— У меня есть шампанское, — предложила Наталья, сняв обувь и повесив на вешалку медицинский халат, в котором она приехала.

— Я не пью... но да, мне сейчас не повредит. А почему шампанское?

— Мой день рождения через два дня. Вот, думала побаловать себя.

— Так может...

— Не, оно всё равно не доживёт. Оно и до темна не доживёт. И я, если честно, не знаю, как мне после увиденного не забухать.

— Вы держались молодцом, — Лера сняла обувь и вслед за Натальей двинулась в кухню.

От кухонной мебели тоже веяло советским прошлым. Шкафчики из выдохшегося ДСП, покрытые белой масляной краской, висели над такими же столиками и облупившейся газовой плитой. Рядом размещался пожелтевший холодильник с наклеенным плакатом группы "Кино". А у стола стояли три белые табуретки. Из окна с побелёнными деревянными рамами виднелся угол соседнего дома, такого же старого и обшарпанного.

— Сама удивляюсь. Нет, я иногда в детстве ввязывалась в приключения, но никогда раньше не видела смерть. Я так думаю, по всем законам психологии я сейчас должна была, сжавшись в комочек, догорать в какой-нибудь подсобке больницы.

— Я недавно поймала себя на похожей мысли, — Лере вспомнилась её реакция во время первой встречи с Мастером и его людьми, — Что-то изменило меня за последнюю неделю. Сделало вроде как мужественней.

— Может, работа с Сашей? — Наталья достала из холодильника зелёную бутылку, а из шкафчиков — две кружки.

— Не думаю. Я не так много времени провела в его компании... и почему "Саша"?

— Мы перешли с ним на "Сашу" на втором сеансе психотерапии, и так и повелось. Да, знаю, фамильярность с пациентами надо оставлять в кабинете, — Наталья наполнила кружки и полезла в морозилку за льдом, — Но со мной что-то начало происходить. Он заставлял верить в его слова, думать о нём всё время. Мне хотелось не работать, а дружить с ним. А ещё больше — побывать в его мире. О, я бы там жить осталась, и не важно, съели бы меня или не съели бы.

— Да вы влюбились!

— Что? Ой, надеюсь, что нет! Нет, он же как мужчина ужасен. Меня не привлекают люди его комплекции.

— Мне показалось, что она как-то изменилась, и в лучшую сторону, — Усевшись на табуретку, Лера попробовала шампанское. Судя по приятному вкусу, это был хороший напиток. Наталья, сев напротив, тоже сделала несколько глотков.

— Мне нравятся изящные парни, — возразила она, — Гибкие, крепкие и ухоженные. Длинные волосы — это хорошо, но в остальном — нет. Но как к другу меня тянет к нему. Надеюсь, он сегодня выжил.

Лера обратила внимание на комплекцию Натальи. Раньше медицинский халат не позволял толком рассмотреть её фигуру — худощавую, долговязую. Голубая блузка с коротким рукавом демонстрировала тонкие, но жилистые руки, а её принт лежал на плоской, едва выдающейся груди. Если бы не здоровая кожа и грубое, но правильное лицо, сохранившее свежесть даже после произошедшего, можно было бы предположить раннюю стадию анорексии.

— Даже если он выжил, мы, скорее всего, его больше не увидим, — сказала студентка, — Он планировал сбежать, и уж точно больше не попадёт в поле зрения тех, кто об этом знает.

— Оно и к лучшему. Может, теперь он всё-таки найдёт свой мир, и превратится там в дракона? — Наталья наполнила свою кружку второй раз.

— А если он окажется маньяком и начнёт убивать? — возразила Лера.

— Я не хочу в это верить. Правда, чем думать, что он маньяк, я лучше поверю в то, что где-то есть волшебная страна, — блондинка в пару глотков осушила свою кружку, — И тогда, может быть, я смогу как-нибудь тоже туда попасть. Даже если для этого придётся сойти с ума.

Блондинка пьянела очень быстро. Она явно не была привычна к спиртному, и даже малой дозы ей было достаточно. Посмотрев сначала на кружку, а потом на бутылку, она сделала глоток из горлышка.

— Вы так хотели бы попасть в его мир? — поинтересовалась Лера, отодвинув от себя опустевшую кружку.

— Да я с детства мечтала побывать в волшебном мире! Я всегда верила и буду верить в сказки, потому что в них есть что-то такое, чего нет в нашем дурацком мире, и без чего он ещё более дурацкий. Зачем в нём таком жить?

— Ну, реальность есть реальность. Нельзя терять с ней связь. Мы ведь живём в ней...

— Валерия, посмотрите вокруг. Как думаете, меня что-нибудь держит здесь? У меня есть работа? Да, есть. И всю зарплату я трачу на кино и бензин. И день рождения вот толком не отмечаю.

— Пригласили бы родителей, уже был бы праздник.

— Ага, им бы мало было бутылки шампанского.

— Пьют, да?

— Папа запил после того, как лишился бизнеса. У него там вскрыли какие-то махинации с трудом несовершеннолетних, и всё, что у нас было, ушло на штраф. Он занялся отделочными работами, но получалось чуть лучше, чем никак. А мама была при нём домохозяйкой, толком ничего не умела, и ей пришлось идти уборщицей, потому что денег не хватало. Нам всем было тяжело. Мне было лет шестнадцать, когда это случилось, и я видела, как родители всё чаще глушат свою боль водкой. Чтобы им помочь, я и пошла на психиатра. Повезло, прошла на бесплатное. Но, к тому времени, как я чему-то научилась, было уже поздно. Они окончательно спились, и я отселилась от них, сняла квартиру, и теперь пытаюсь жить самостоятельно. Они дали мне замечательное детство, я ни в чём не нуждалась. В том числе и в друзьях. Мама всегда была рядом, ходила со мной всюду, ревновала к другим детям. Так и получилось.

— Так что, у вас мало друзей?

— Как по вашему, почему я решила выпить эту бутылку сегодня? Потому что мне не с кем будет её выпить потом. Нет у меня друзей. Весь мой праздник должен был свестись к тому, что я взяла бы выходной, просидела бы целый день в кино, а потом выпила бы дома бутылку шампанского под "Осколок льда" и легла бы пьяная спать в надежде, что мне приснится какой-нибудь сон в стиле экшн-хоррор. У меня не сформировалось умение налаживать контакты, и я привыкла к одиночеству.

— Тогда понимаю, чем вас так заинтересовал Александр.

— Саша... да, он был прям окном в ту жизнь, из которой меня в шестнадцать выдернула эта грёбаная реальность. У них там даже единороги есть! Ой, как я в детстве мечтала, чтоб у меня был свой собственный единорожек! А вот оно как всё получилось.

— Я слышала и другую историю о том мире. Про множество смертей, казней и войну. Про циклопов, которые откусывают головы...

— Круть!

Лера почесала затылок. Наталью быстро развозило, но, кажется, её восхищение откусыванием голов было вполне искренним, несмотря на то, что в бутылке осталось совсем немного напитка.

— В мире Александра умирают, Наталья.

— Ой, зови меня Наташей, и давай на "ты". Умирают? Так и у нас умирают, — тонкие пальцы Натальи опустились в кружку и достали из неё кусочек льда, — Вот, льдинка. Она растает, и её не будет. Интересно, а она может быть живой? А я могу стать льдинкой? Я бы жила себе, жила, а потом солнышко так раз — и я бы как начала таять! И осталась бы от меня только маленькая лужица, — Наталья лизнула лёд и бросила его обратно в чашку, — Потому что никто льдинку от солнца не прикроет. А если бы пришёл кто-нибудь, и спрятал бы льдинку в кулаке. И она бы тоже таяла-таяла. Но ей бы было хорошо, потому что она была бы не одна... Валерия, а знаешь, ты красивая. Очень красивая. Можно я тебя обниму?

Этот явно лесбийский жест вызвал у Леры неприятное чувство. Она поднялась из-за стола и двинулась к двери. Наталья, улёгшись лицом на стол, продолжала что-то бормотать про лёд, одиночество и единорогов. Ей уже было не до гостей.

Глава шестая, о правде и трудных решениях

Выйдя из подъезда, девушка, опасливо озираясь, достала смартфон, чтобы проложить маршрут до метро. В вайбере было несколько сообщений:

"Решается вопрос с отпуском. Надеюсь, вечером буду. Как у тебя дела?"

"Почему ты не отвечаешь? Мне дали отпуск. Приеду поздно вечером".

"Ты опять во что-то ввязалась? Если да, будет серьёзный разговор. Ответь, пожалуйста".

"Я видел в новостях пожар в психушке. Тебя там не было? Ответь, я волнуюсь!"

Обещание было нарушено. Да, у Леры были веские причины на это пойти, но поймёт ли это Вася?

"Возникли непредвиденные обстоятельства. Со мной всё в порядке. Я очень виновата. Жду тебя, любимый", — отправила девушка ответ, после чего набрала в браузере свой адрес и проложила маршрут.

Дорогой её тревожили мысли о Наталье и её истории. Лерины родители жили в Гродно, оплачивали её учёбу и высылали деньги. Отец её был заместителем директора в транспортном предприятии, а мать работала заведующей в библиотеке, и они тоже хорошо воспитывали дочь. А если бы Отец нарушил закон, что бы ждало Леру? Она училась на платном, и без папиной помощи её учёбе пришёл бы конец, а дальнейшей судьбы при подобном раскладе Лера не представляла. Как же хрупка жизнь и эфемерно благополучие, если даже чужая ошибка может её поломать? И как осторожно надо жить, чтобы не испортить судьбу близким и себе?

Лера не хотела думать о том, что произошло в больнице: она не могла найти объяснения тому, что видела, и, как могла, оттягивала эту проверку её мировоззрения на прочность. И всё-таки она должна была признать, что шок от увиденного был значительно слабее, чем должен. Без особых усилий Лера удерживала воображение на Натальиных проблемах, идя по старому саду к дому. Она уже подошла к самому подъезду, как вдруг её внимание привлекла крупная ворона, сидящая на скамейке рядом с входной дверью. Сначала девушка не поняла, что с этой птицей не так. Однако, присмотревшись, Лера едва не вскрикнула.

Перья птицы скомканными пучками торчали в разные стороны. Клюв был открыт, и из него на бок свисал почерневший язык. Живот был вспорот, и из него торчали кости. По капле на спинку скамейки стекала мутная коричневая жидкость из раны мёртвой птицы. Одно из крыльев свисало вниз, время от времени подёргиваясь, а бледный остекленевший глаз смотрел прямо на Леру.

Девушка в испуге остановилась, а мёртвая птица, заметив это, как труп свалилась за скамью, но зашуршала, и высунула голову, снова выпучив на Леру остекленевший глаз.

Эта штука следила за Лериным домом! Её дом под наблюдением! Осознав это, девушка отпрянула назад. Выходит, в её доме небезопасно, и Васи рядом нет. А пару часов назад вонючий громила убил санитаров и пациентов. Хоть Лера не давала себе поверить в некромантию, у неё не возникло сомнений, кому принадлежит мёртвая птица. Девушка развернулась, и быстрым шагом двинулась к метро. Она достала смартфон и включила камеру, направив её так, чтобы видеть птицу, не оборачиваясь. Та, цепляясь клювом за доски, залезла обратно на спинку скамьи, и повернула глаз на уходящую девушку. Сомнений не было: эта штука целенаправленно следила за ней. Озираясь по сторонам, Лера двинулась

через парк. Взгляд её искал других мёртвых животных, но на глаза ничего похожего не попадалось. И теперь надо было решать, куда идти дальше. У Леры были знакомые, но ни к кому из них она не могла так просто завалиться, да и не хотелось подвергать их опасности. Можно было подождать Васю на вокзале, но там могут быть птицы, в том числе и мёртвые, а если там появятся громилы с целью убить, то укромный уголок для этого найдётся. Лере нужен был защитник, желательна большой и сильный, умеющий драться, и знающий об угрозе. И она знала такого человека.

Всю дорогу до дома Бердияра Кима Лера ждала нападения. Среди людей она пыталась заметить малоподвижных с остекленевшими глазами, а животных сторонилась, благо, в метро их не было. Подойдя к двери подъезда, она поспешно набрала нужный номер.

— Кто это — прозвучал знакомый женский голос.

— Згалика, это Валерия, от Александра. Впустите меня, пожалуйста.

С характерным звуковым сигналом магнитный замок на двери отключился. Лера поспешно вошла внутрь и закрыла дверь за собой.

Згалика не сразу впустила девушку, видимо заглянув сначала в глазок. Лера услышала звук текущей воды: кто-то принимал душ.

— Входите, входите, поманила хозяйка, приоткрыв дверь, — мы знаем, что произошло. За вами не следили?

— Я видела мёртвую птицу у моего дома, — ответила Лера, переступая порог, — ну, не совсем мёртвую. Она таращилась на меня.

Звук воды прекратился.

— Она не полетела за вами?

— Нет, она вроде и не могла летать. И ничего подобного ей я по дороге не видела.

— Вам повезло, что вы выбрались из больницы живой, — сказала Згалика, — Там многих убили, в том числе всех из того отделения.

— Откуда вы знаете? — удивилась Лера, но в этот момент дверь ванной открылась, и из неё показался одетый в халат Александр.

— Згалика, кто... О, Валерия! — воскликнул он.

— Лера отпрянула к двери.

— Не бойтесь, он на нашей стороне, — попыталась успокоить её хозяйка.

— Как вы здесь оказались? — воскликнула студентка, не зная, что делать.

— Пришёл незадолго до... Да, надо договориться кое о чём. Обращаться с такими как я на "вы" не принято. Только одно существо называет меня на "ты" — я сам, и только если сильно собой разочарован. Так что я предлагаю перейти на "ты". Так вот, я покинул больницу тем способом, каким и предполагал. Нападение Мелизье было неожиданным и неприятным, хоть и дало целый ряд преимуществ. Я уничтожил амбулякра, который устроил бойню снаружи, но, к сожалению, слишком поздно, и пациенты были убиты. Мелизье навязал мне бой во дворе, и я не последовал за вами с Натальей. Впрочем, я и не намеревался. К сожалению, я не смог уничтожить некроманта, и тому удалось скрыться вместе со вторым амбулякром.

Сильный и вкрадчивый голос Александра, несмотря на странную манеру говорить, почему-то успокаивал. Лера не чувствовала от него угрозы. Даже наоборот. Казалось, что этот человек сможет защитить от мёртвой птицы и других, более опасных существ.

— Сделаю-ка я вам "липового" чаю, — предложила хозяйка и юркнула на кухню.

— Кто устроил пожар? — спросила Лера, испытываясь глядя на Александра.

— Мы оба, — ответил тот, — Мелизье перенаправил моё пламя на деревья, а потом в окна здания. Часть вины за гибель больных и работников — на мне, но не вся вина.

— Откуда у вас был огонь?

— Вы так и не верите, что я дракон, хотя наверняка слышали меня, когда я летал над вами. Я владею кислотным дыханием как зелёный дракон, и во мне пылает внутреннее пламя короля, которое я тоже могу изрыгать.

— Ну, хоть теперь, когда вы на свободе, а я, по сути, в вашей власти, можете сказать правду? — воскликнула Лера, — Я знаю, что вы как-то сделали горючую смесь. Подобным фокусам всегда можно найти научное объяснение.

— Всему можно найти научное объяснение, особенно тому, что по природе ненаучно. Каждый видит то, что хочет, и мне жаль, что ты рассуждаешь таким образом, но, думаю, я могу это исправить.

При этих словах Александра из-под его ног поднялось облако зелёного тумана, полностью окутав мужчину. А когда оно рассеялось, на его месте было жуткое человекоподобное существо. Вместо человеческой головы у чудовища была рептилоидная морда, покрытая зелёной чешуёй, из-за спины виднелись красные крылья, а пониже извивался длинный хвост.

— Ну что, "come with me if you want to live"? — прорычало существо, — Механической руки, уж извиняй, нету.

Лера издала визг ужаса и вжалась в дверь. Страх парализовал её, и она не нашла в себе воли даже попытаться открыть замок чтобы убежать.

— Что у вас там такое? — выглянула из кухни Згалика, — Александр, хватит пугать девушку.

Вид жуткой твари не только не испугал, но даже не удивил хозяйку. Она смотрела на существо и обращалась к нему, как к человеку.

— Я просил называть меня Гратлоргарном, — ответило существо, и у него из-под ног вновь поднялось облако зелёного тумана, который, рассеявшись, явил Лере прежнего Александра в халате.

— Что это было? — вымолвила девушка, по-прежнему вжимаясь в дверь.

— Полуформа. Ей меня научили оборотни ордена Всеслава Чародея. Я не мог показать тебе мой истинный облик: здесь слишком мало места. Моё тело заполнило бы коридор, раздавив тебя или поломав крылья.

В этот момент раздался звонок домофона. Лера дёрнулась от него, и шарахнулась в сторону, когда Александр подошёл, чтобы ответить. Услышав чей-то голос из трубки, он нажал на кнопку отпирания, а потом обратился к девушке.

— Ох, ну что ж с тобой будешь делать? Да рассеется страх именем Хикамуры!

Лера почувствовала, как ужас, наполнивший её при виде чудовища, быстро исчезает, оставляя после себя только чувства опасения и любопытства.

— А это что за трюк? — спросила она уже спокойно.

— Я успокоил тебя заклинанием. Блин, надоело объяснять. Я дракон, способный превращаться в человека и обратно по своему желанию. Ещё я владею полуформой, то есть могу быть получеловеком-полудраконом. Надеюсь, теперь ты мне поверишь? Или "ложки нет" даже когда ею по лбу бьют?

Лера беспомощно сползла по стене. У неё не было никакого объяснения тому, что она увидела, и тем более тому, что произошло с её страхом. Она подумала о голограммах и

иллюзиях, но тут же себя одёрнула: это было бредом. И даже если допустить самую дикую теорию о голограммах, что случилось со страхом? Мир Леры раскололся как стекло под прессом: оставался только один возможный вариант.

— Так это всё правда? — посмотрела она на склонившуюся над ней фигуру в халате.

— Да, Валерия, это правда, и я уже давно пытаюсь тебе это втолковать. Задзябло, по правде говоря.

— В такое невозможно поверить на слово. Понимаешь, мой мир только что перевернулся с твоей подачи.

— Смотри не сойди с ума: мне не хватит воли вылечить тебя заклинанием от этого.

Рассевшись на полу, Лера уставилась в одну точку на стене. Её разум силился принять новую информацию, и понемногу справлялся. "Только бы не пришлось проходить все стадии принятия" подумалось ей. Девушка почувствовала опустошение и бессилие. Все проблемы, бывшие до этого важными, теперь потеряли остроту до их переоценки. Встать с места не хотелось.

Мимо прошла Згалика с подносом. Раздался звонок, и Александр открыл дверь.

— Сашка! — послышался голос с той стороны.

— Да тише ты, не пали. Блин, как я рад тебя видеть, Бердияр!

Послышался шорох одежды и хлопки по спине: друзья обнимались после долгого расставания. Потом оба вошли в квартиру, и хозяин, закрыв дверь, увидел Леру.

— А это чё? Валерия? Вы как здесь оказались?

— Прибежала из дому, — ответил Александр, — Как я понял, она обнаружила мёртвого наблюдателя в виде птицы, и решила спрятаться у тебя. Я показал ей полуформу. У неё шок.

— Полу что?

— Ну, превратился при ней, но только частично.

— В дракона?

— Угу.

— Так. Рыбонька, тут нужна ромашка, а лучше валериана, — крикнул Бердияр.

— Я уже "липовый" заварила, — раздался голос Згалики.

— Я в порядке, — произнесла Лера, — не беспокойтесь. Со мной в последнее время хуже было.

Новая картина происходящего потихоньку вырисовывалась в голове девушки. Теперь всё сходилось, и получившийся расклад был в принципе не худшим. По крайней мере, сейчас она находится среди тех, кто знает, что происходит, и может дать защиту. На фоне услышанного от Александра и Бердияра многие проблемы теряли смысл, и Лера почувствовала то, чего не ощущала никогда — свободу. Нормы, задававшие поведение девушки, теперь становились неоднозначными, и поэтому можно было принимать не единственно верные решения, а те, которые были ближе Лериному сердцу, и это было прекрасно. Это оправдывало даже те поступки Леры, которые она совершила в последние несколько дней, и бывшие откровенной глупостью до принятия новой правды. Девушка поднялась с пола.

— Мне бы чайку. Можно и "липового".

— Тогда проходите в гостиную, — пригласил хозяин, — Слушай, Сашка, у меня с полудня странное чувство внутри. Как будто моё тело стало пластичным.

— Ага, и у меня так же, — заметила Згалика, закончившая дела в гостиной и вышедшая в прихожую.

— Это нормально. Сегодня миры окончательно слились, и в этом мире заработали законы магии. Поскольку у вас было по две естественных формы, вам открылся полиморф. Просто сконцентрируйтесь на вашем чувстве и представьте свои гоблинские формы.

Не успел Александр договорить, как обоих хозяев окутали облака серебряного тумана, и на их месте оказались два маленьких, по пояс Лере, человечка с короткими телами, крупными головами, большими ступнями и ладонями. Один из них, появившийся на месте Бердияра, был мускулистым и крепким, с резкими чертами лица, одет в бурые кожаные штаны, и нёс за плечами сумку, а на ремне огромный клинок с тупым концом. Второй походил на женщину с округлым лицом и мягкими чертами, длинными рыжими волосами, и был одет в нечто среднее между бюстгальтером и корсетом, и длинную кожаную юбку.

— Мой набор ловушек! — Воскликнул человек-мужчина, — И тесак на месте! Сашка, колись, как это возможно?

— Я Гратлоргарн, — ответил Александр, — Это имя я получил как дракон, и это важно для меня. А при превращении то, что ты ощущаешь частью себя, обычно сливается с твоей новой формой. Например, ты воин, и на тебе надеты латы, а на ремне у тебя твой меч. И ты хочешь превратиться, скажем, в птицу. Тогда твой доспех и меч станут частью тебя в форме птицы. Но вот друг дал тебе поносить его меч, и ты пристегнул его к ремню. Тогда твой меч станет частью птицы, а меч твоего друга останется на полу рядом с тобой. То же произойдёт, если на тебе будет что-то, что ты обычно не носишь при себе, например, если ты закинешь за спину коробку с телевизором. А вот если ты повесишь на плечо ноутбук, которым привык пользоваться, то эффект будет зависеть уже от тебя, твоей воли и твоего воображения. А если ты превращаешься обратно, но тебя, например, окольцевали, то кольцо сольётся с твоей человеческой формой и снова появится тогда, когда ты примешь форму существа, для которого наличие такого кольца может быть естественным, например форму другой птицы.

— Бердиярчик, как я рада видеть тебя гоблином! — воскликнула маленькая женщина.

— Я тоже соскучился по тебе такой, — ответил маленький мужчина, — хотя знаешь, мне пофиг: ты прекрасна в любой своей форме!

Он обнял её, и они поцеловались, вызвав в Лере неоднозначное ощущение.

— Вы бы поосторожнее в таком виде, — заметил Александр, — сильно бросается в глаза, по крайней мере, пока. При всей осторожности Валерии Мелизье мог выследить её до подъезда и отправить мёртвых птиц заглядывать в окна.

— Верно, — кивнул гоблин-мужчина, окутываясь серебристым туманом и принимая форму человека, — Кстати, я тебе одежду принёс, как ты и просил.

— Валерия, пойдёмте пить чай, — пригласила Згалика, приняв человеческую форму, — а то мы тут превращениями увлеклись, о гостеприимстве забыв совсем.

— Раз вы тут все на "ты", то и со мной так можно, ответила студентка, — И зовите меня Лера.

Стол уже был сервирован, и студентка с удовольствием сделала маленький глоток из своей чашки.

— Тяжело тебе пришлось, — заметила хозяйка, снова усевшись на спинку дивана, — Это напомнило мне, как я нанималась к Аэлин. Я тогда тоже не могла поверить, что существует какой-то мир Отрекшихся, и мне предстоит работать с выходцами из него. И в то, что Бердияр с друзьями — пришельцы, я полностью поверила, только попав сюда и увидев этот мир.

— И как тебе здесь?

— Трудно сказать. У вас всё неоднозначно. Вы достигли невероятных высот в управлении материей, но используете её для совершенно дурацких целей. Превратили войну в мясорубку без чести и шанса на победу, но восхищаетесь ею в произведениях искусства. Боретесь за права женщин, и при этом ненавидите всё женское, заставляя женщин копировать мужчин, причём и в достоинствах, и в недостатках. В вашем мире так много боли, а вы даже не пытаетесь с этим что-то сделать.

— А разве в вашем мире боли меньше?

— Куда меньше, потому что она слишком опасна. Бердияр попал к нам во время беды и из него готовили воина, так что он не распробовал нашу мирную жизнь. Мы стараемся быть добрыми друг к другу, бережно относимся к чувствам, и стремимся к познанию. Даже люди крестьяне, или мы, гоблины скотоводы, стремимся достичь высот в своих занятиях, и для этого не нужны ваши... как их, такие большущие дома с кучей техники и учёных.

— Лаборатории?

— Да. Так вот, они не нужны. Важнее личность мастера, его воля и знания. Если крестьянин сумеет вдохнуть в свою землю достаточно любви для её пробуждения, а потом найти понимание с её духом, земля даст ему урожай, куда больший чем получают у вас, но дух поля просуществует ровно столько, сколько проживут те, кто любит и понимает его.

— Похоже на анимизм.

— А ты думаешь откуда у вас подобные верования? Говорят, до Раскола, пока миры были одним целым, материя и идея были связаны, и некоторая духовность была во всём, и живом, и не живом. Хоть люди не умели влиять на мир своим разумом, у них это иногда получалось, и то, что без их влияния было просто материей, обретало чуточку жизни. Правда, люди, вместо того, чтобы познавать, понимать и изучать, обычно шли по более простому пути. Они обращались за силой к демонам.

— Как они выглядят, кстати?

— Обычно их описывают как бесформенные сгустки тьмы, отвратительную вонь или тикающий шум. Алек... Гратлоргарн видел их, но тоже толком ничего описать не смог. Про них говорят, что они — единственное, в чём нет воли и невозможно её пробудить. У них нет чувств и разума, только их имитация. Когда-то всё это было, но теперь нет.

— А как они тогда используют магию?

— Это — большая загадка, но, судя по всему, чтобы что-то сделать, им нужен чей-нибудь разум. Они знают всё о своей жертве, и убеждают её заключить с ними союз. Им невозможно возразить с помощью логики, переспорить или убедить в чём-то, потому что они хитрее, расчётливее и мастерски лгут. Спротивляться им можно только верой в собственные убеждения, подкреплённой волевым усилием. Но если это не удаётся, демон предлагает сначала призвать его в мир, после чего стремится занять чьё-нибудь тело. Если тело было живым, то получается одержимый, которых вы обычно изображаете как демонов. Если жертва сможет изменить свой выбор и использовать волю, её ещё можно будет спасти, а демона изгнать. Если тело было мёртвым — получается неразумная нежить. Но самое страшное — если жертва погибла в момент призыва. Тогда душа остаётся привязанной к телу, а демон присасывается к ней. Так появляется разумная нежить — вампиры, личи, и другие страшные существа. Телом управляет душа, но злой дух крутит её, как хочет, заливая ложь прямо в разум. Но попасть в такую беду можно только по собственной воле.

— А куклы?

— Точно не знаю, но слышала, что в них нет душ, а личность они имитируют, используя

память и знания, оставшиеся в мозгу.

— Откуда ты всё это знаешь?

— Призыв демонов — самая страшная из возможных угроз, наверняка уничтожающая того, кто приведёт её в мир. Всем нам с детства объясняют, что это, на сколько это опасно, и как сопротивляться. Отсутствие знаний в таких вещах так же опасно, как и их прославление. Иначе будет то, что у вас происходит с фашизмом: вы запрещаете свастики, учите, что это плохо, но не объясняете, почему это плохо, и в результате в вашем обществе появляются неофашисты.

— Вот и опять скатились на ужасы. Если у вас там такие угрозы, как при этом может быть хорошо?

— Ну, таких угроз обычно нет. Самое опасное в нашей повседневности — набег чудовищ, но и они происходят довольно редко, потому что каждый народ придумал защиту от них. Мы, гоблины, пользуемся ловушками, да и сами отличные воины. Наши таборы быстро движутся от одного пастбища к другому, и стоят на месте, пока животные не объедят его. На стоянке мы обставляем себя ловушками, которые может заметить только острый глаз гоблина или феи. А если на землях ещё и хороший покровитель, то нам вообще ничего не угрожает.

— Покровитель — вроде Гратлоргарна?

— А он выбил себе земли?

— Говорил, что да.

— Не знаю, я при нём не жила, и не возьмусь судить. Но Хильдиарезан — покровитель что надо. На его землях не то, что грифонов нет, даже огры пуганые. А эти уроды из всего мяса предпочитают человечье и гоблинское. Зато на его землях живут великаны, с которыми мы иногда торговали. Для таких громил не составляет труда сделать повозку, а скотоводы они не очень. При плохом покровителе великаны иногда промышляют бандитизмом, но только не при нашем драконе.

В этот момент в гостиную вошёл Бердияр, и поставил на стол ноутбук. За ним следовал Александр в чёрной майке и джинсах, мрачный и серьёзный.

— Дамы, у нас проблема, сказал хозяин, — Лера, это особенно касается тебя. Ты же в меде учишься?

— Да, а что?

— А вот смотри.

Бердияр поднял монитор с развёрнутым в полноэкранный режим видео на паузе. На изображении был Лерин институт, над которым висело крупное, метров десять в длину, крылатое существо. Складки серо-зелёной чешуйчатой кожи свисали с худощавой шей и боков, заканчиваясь толстыми выщербленными по краям костяными пластинами наподобие змеиных. Бурые перепончатые крылья замерли в замахе, а длинный и тонкий хвост заканчивался костяной пластиной. Изогнувшись буквой "С", существо поливало здание из пасти, напоминающей таковую хищного динозавра, струёй жёлто-чёрной жидкости. Попадая на стены, жидкость порождала клубы грязно-жёлтого газа. Бердияр запустил видео, и Лера увидела, как существо летает мимо окон, стараясь попасть струёй внутрь. У него это получалось, и газ начинал валить изнутри здания. Спасаясь от него, люди выпрыгивали из окон наружу, и некоторые разбивались о землю, ломая конечности. Несколько милиционеров, прячась за автомобилями и углами зданий, стреляли в чудовище из пистолетов, но то не замечало их, даже когда пули прошивали крылья, оставляя едва

заметные на видео дырочки.

— Если что, это не я, — поймал Александр взгляд девушки, — Только враждебного дракона нам тут не хватало.

— Это же не кадры из фильма? — в надежде произнесла Лера.

— Нет, блин, это видео с ютуба! А вы ничего не замечаете, случайно?

— Он мёртвый! — воскликнула Згалика.

— Поздравляю, вы выиграли миллион.

Лера присмотрелась к картинке. Она бы не догадалась, что летающее чудище не живое. Было видно, что у него топорщится чешуя, особенно большие костяные пластины на брюхе. Кое-где в крыльях виднелись дыры. Но, в остальном, оно выглядело как вполне обычный дракон из фильмов. У него было четыре ноги — крупные задние и маленькие передние — и два крыла, а на голове виднелось что-то вроде рогов.

— И что это такое тогда? — спросил Бердияр.

— Понятия не имею. Это не костяной дракон и не драколич, иначе не было бы кожи.

— А куклу из дракона поднять можно?

— На сколько мне известно, все подобные попытки проваливались. Хотя, догадка хороша. Эта зараза действительно выглядит как амбулякр из застарелого трупа. Так или иначе, у Мелизье теперь есть сила, с которой мне придётся считаться. Но, внимание, вопрос. Заметьте, видео выложили примерно в то же время, когда грёбаный некромант припёрся ко мне в больницу и мы устроили там танцы со звёздами. Почему эта уродина выжигает ничем не примечательный институт вместо того, чтобы валить меня вместе со своим хозяином?

— Так может, Ма...Мелизье ему не хозяин? — предположила Лера.

— Замечательная догадка, но тоже очень сомнительная. Третью силу в конфликте предположить можно, но чтобы она тоже была нежитью? Оно же как? мертвяк мертвяка чует издалека, и они стараются быть заодно. И я блин не рассчитывал, что вторженцы из моего мира так дичайше попрутся, как только слияние произойдёт. Я рассчитывал, что желающие пошалить будут как минимум недельку раздупляться и ещё недельку готовиться. Так или иначе, времени на подготовку у нас нет. Надо связаться с остальными и призвать их на помощь.

— Займусь обзвоном, предложил Бердияр.

— Да, мне тоже нужно позвонить Васе, — сказала Лера, и, достав смартфон, вышла из гостиной. В вайбере были сообщения:

"Тебе нельзя было в это лезть. Где ты? Если не дома — возвращайся немедленно. Скоро буду".

"Видел видос про дракона. Что там у вас творится? Будь дома и запишись, я скоро".

Девушка набрала Васин номер.

— Лера, что у вас творится? — послышался голос парня.

— Вася, ты где?

— Я в поезде, буду у тебя через минут сорок.

— Нет! Не едь ко мне ни в коем случае!

— Что? В каком смысле?

— То есть не едь ко мне домой. Там слезка!

— Какая слезка? Ты сама где? Они тебя не тронули?

— Нет, я в порядке. Я не дома.

— А где ты?

— У Бердияра, едь сразу сюда. К моему дому не подходи, они тебя увидят.

— А что ты там делаешь?!

— Вася, всё очень серьёзно. Эти люди — те немногие, кто реально может помочь. И... всё это правда.

— Ты же не о той...

— Именно о ней. Здесь Александр, и он доказал свои слова.

— Лера, мать твою, у меня нет слов! Я же просил тебя не лезть ни во что всего один день!

— Если бы я осталась в институте, я бы скорее всего была уже мертва. Прости меня, зайчонок, но так надо было.

— А-а, твою мать! Ладно, Жди меня там. Я скоро.

Лера окончила вызов. Таким Вася ещё не был никогда. Никогда он ещё не материл её. Даже старался не выражаться сверх меры в её присутствии. И как ей относиться к нему после этого? Неужели он не понимает, почему она находится здесь? Неужели осудит? А если он бросит её после этого?

— Лера, ты нужна, — послышался голос Александра из гостиной. Пришелец из другого мира сидел, вглядываясь в видео, и потягивал "липовый" чай.

— Откуда Мелизье знает, где ты живёшь? — спросил он вошедшую девушку.

Лера похолодела. Да, этот человек, или кто он там, может защитить её. Но если он обвинит её в предательстве, что сможет её спасти?

— Не бойся, — поднял Александр глаза, — Ты слишком слаба и плохо осведомлена, чтобы быть в чём-то виноватой. Я даю слово, что не причиню тебе вред, что бы тебя ни связывало с ним.

Эти чёткие, неторопливые, мрачные слова утешали слабо.

— Он поймал меня, когда я выходила от твоей матери, — Лера решила быть честной, — Его громилы запихнули меня к нему в машину, и он привёз меня к себе в особняк. Там он расспрашивал меня о тебе, а потом... чуть не изнасиловал.

— Ты говорила с... Мамой?

— Да.

— Когда это было?

— Позавчера вечером.

— Вот я идиот! — ударил Александр кулаком по столу, — У меня магия появилась только сегодня, а этот ублюдок пользовался демонической! Он обскакал меня на много ходов вперёд. Что ты ему сказала... впрочем, ты мне не верила и ничего толком не знала. По крайней мере, из того, что могло быть интересно ему. Зато теперь ясно, как он меня нашёл... Позавчера, говоришь? А почему он тогда вчера ко мне не припёрся?..

— Не зна...

— Да я не тебе! — Александр посмотрел Лере в лицо, и его голос смягчился, — Вот блин ты несчастная девка. Угодила, как кур в ошип, в эту историю. Слушай, я не знаю, что ты обо мне думаешь, но, правда, сочувствую тебе. Не надо себя винить. Не надо бояться моего гнева за какие-то твои действия. И не думай, что ты чего-то натворила, за что кто-то тебя осудит. Я уже переосуждался, мне хватило. Просто будь на моей стороне. Я не даю в обиду тех, кого взялся защищать. Таковы принципы монстра-покровителя. Ты испугалась его птиц и прибежала к Бердияру, для меня это добрый знак. Мелизье дал тебе способ связаться с ним?

— Я... да, у меня в смартфоне его номер.

— Ты использовала его хоть раз? Только не пытайся соврать.

— Он сам кинул глухарь. Я не пользовалась.

— Хорошо, — Александр улыбнулся, — Лера, я рад, что ты выбрала нас. И знаешь, нам очень повезло с тобой. Правильно ли я понял, что ты была в его логове?

— Да...

— Ты запомнила адрес? Сможешь на карте показать?

— Нет, но я... — У Леры внутри всё опустилось.

— Помнишь, как пройти, — закончил Александр. Он тоже немного помрачнел и призадумался.

— Ты хочешь, чтобы я показала дорогу?

— Да блин в том-то и дело, что не хочу. Я не уверен в твоих способностях и знаниях, но если ты и можешь быть где-нибудь полезна, то в тылу. У меня нет никакого желания рисковать тобой: ты не воин, и не похоже, чтоб ты хотела отдать ради чего-нибудь жизнь. Таких в бой не ведут. Но узнать, где вражеское логово, было бы, конечно, хорошо. Можно было бы устроить засаду... Так, ладно. Покажешь примерное место на карте, когда все придут. Кстати, где там гоблины? Бердияр!

Из кухни показались Бердияр и Згалика. Вид у них был встревоженный.

— Как успехи? — поинтересовался Александр.

— Даша и Игорь уже едут, — ответил хозяин, — а вот до Людмилы и Вани я не дозвонился. Остальным и не пытался.

— Правильно сделал: очень сомневаюсь, что они научились чему-то нужному, что там, что тут. А вот что до Вани не дозвонился — хреново.

— Думаешь...

— Видео про то, как каменный циклоп разрушает город и жрёт жителей, я увидеть не хочу. В Людмиле-то я уверен.

Из прихожей раздался звонок домофона. Згалика сняла трубку.

— Лера, твой Вася приехал, — крикнула она, открывая замок.

— Что за Вася? — Насторожился Александр.

— Мой парень.

— Ох ты ж блин, вашу тётю за ногу! Ты парня своего в это втянула?

— Он сам решил помогать мне.

— А почему ты тогда не послала в бездну нас и всё это дело? Я понимаю готовность рискнуть собой, но ты втянула в беду человека, которого любишь!

Лера опустила глаза.

— Ладно, не кори себя. Может и это к лучшему. Надеюсь, он военный или хотя бы тренер по карате?

— Он ассистент хирурга. Это ведь тоже полезно?

— Следующие пару месяцев у него не будет передышки от раненых, а потом он потеряет работу. Магия позволяет практически отказаться от хирургии. Так что, может, ему и повезло: подготовишь его к предстоящим проблемам.

Згалика открыла дверь, и в прихожую вошёл потный, растрёпанный, мрачный, как туча, Василий. Лера вышла ему навстречу и обняла, но почувствовала только его напряжение и лёгкую дрожь.

— Я прилетел быстро, как мог, на такси, — проворчал он, — Ты, похоже, решила

поиздеваться надо мной.

— Не вините её, — подал голос Александр, — Есть ситуации, в которых правильное решение невозможно, и эта может быть именно такой.

— А вы ещё кто?

— Моё имя Гратлоргарн, но вы, должно быть, слышали обо мне как об Александре...

— Да, слышал, но я вас не знаю. Лера, я здесь чтобы забрать тебя. Поехали в Брест прямо сейчас.

— Вася, я не уверена, что мы можем так поступить.

— Почему это?

— Потому что наши общие враги найдут и убьют вас обоих, — снова встрял Александр.

— Я вас не спрашивал! — отрезал Вася, — Лера, ну? Давай! Институт разворотили, и он будет закрыт какое-то время... как минимум. Все проблемы останутся тут. И пусть эти драконы с уродами хоть сожрут друг друга, пусть весь Минск перевернётся, а мы будем с тобой далеко, жить у меня тихой спокойной жизнью. Найдём тебе в Бресте работу, ну?

По щеке Леры скатилась слеза. Если она поедет с ним, не будет у них никакой жизни. Будут два гроба, и похороны, если из их тел не сделают что-нибудь страшное. Она почувствовала, как сильно любит его, и при мысли, что из-за неё его могут убить, ей стало дурно. Ей вспомнилось, как мёртвый амбал ломал руки и черепа санитарам, и как такой же убивал больных, пытавшихся сбежать. Вспомнилась бабуля-дежурная, переломанная пополам, и рассказ о двух школьницах, папа которых сегодня не вернётся домой.

— Нет, Вася, я не поеду с тобой.

— Чего?!

— Бежать теперь не вариант. Он смог узнать, где я живу. И, боюсь, он не отстанет. И только эти люди смогут защитить меня от него!

— С чего ты взяла?

— Потому что они знают, кто это такой, и что он умеет. Они уже справлялись с ним...

— Это по их словам. Лера, ты ничего не знаешь об этих людях, и хочешь им довериться? Ты же не верила в их историю! С чего вдруг такая перемена?

— Он показал мне... — Лера обернулась на Александра, но тот просто стоял и наблюдал за разговором. Превращаться он не собирался.

— Так, Лера, мы уходим прямо сейчас, вдвоём! — заявил Вася, и попытался схватить девушку за руку, но та отпрянула.

— Нет! Я должна остаться. Я нужна им, а без них этот...

— Мелизье, — подсказал Александр.

— Мелизье доберётся до нас. Он убивает людей и делает из них ходячих мертвецов. Я не хочу стать такой, и чтобы ты из-за меня стал таким.

— Я с этим сумасшедшим связываться не собираюсь! Мы уходим отсюда прямо сейчас, и на этом всё закончится.

Нет, закончилось бы не на этом. Если Вася заберёт её отсюда, он погибнет из-за неё. Но пластика его тела явно указывала на то, что его не переубедить. Голос Леры задрожал.

— Если хочешь уйти, уходи один.

— Чего? — опешил Вася.

— Уходи, пожалуйста.

— Лера, не шути так! Ты же любишь меня, я знаю, так не делай глупостей, пошли в пень всё это и поехали...

Сердце Леры сжалось от того, что она должна была сказать.

— А я тебя разлюбила, Вася! Всё! Между нами больше ничего нет!

— Так, Лера, не ломай комедию...

— Я тебя не люблю! — воскликнула Лера, едва сдерживаясь, чтобы не зарыдать, — Я люблю его! — она показала пальцем на Александра. В этот момент ей захотелось умереть.

— Ты же специально это говоришь, да? Это хрень какая то! Лера, давай забудем всё это как страшный сон. А знаешь, что, выходи за...

— Уходи! — заверещала Лера прямо ему в лицо и зарыдала.

Глаза Васи округлились, а на коже выступили красные пятна. Тяжело задышав, он кинулся на Александра, занеся кулак, но тот, шутя, перехватил его руку, заломил за спину и придавил парня к двери.

— Она делает это для тебя, — мрачно сказал Гратлоргарн, — Прости нас всех и уходи. Надеюсь, потом ты поймёшь, что только что произошло.

Он ослабил хватку, и Василий высвободился. Кинув полный боли взгляд на Леру, он вышел из квартиры Бердияра.

Все чувства, накопившиеся в сердце Леры, вырвались наружу воплем боли и рыданиями. Она упала на колени, и, скрючившись, залилась слезами. Она почувствовала, как мягкая женская рука приобнимает её — Згалика опустилась рядом.

— За ту часть вины, что лежит на мне в том, что я втянул тебя в это, прости меня, — послышался мрачный, мерный, неторопливый голос Александра.

— Да пошёл ты, тупая долбаная ящерица! — проскулила девушка сквозь всхлипы.

— Справедливо. Згалика, будь добра, отведи её на кухню и отпой. Ей нужна помощь. Она только что совершила подвиг, который может оставить на ней шрам. Не допусти это.

— Пойдём, Лера, — произнесла Згалика над ухом девушки и повела её из прихожей.

В кухне было темно. Глубокая синева от почти стемневшего неба окрашивала очертания мебели в ярко голубой цвет. Мужские голоса едва доносились из-за закрытой двери гостиной, и Лера, нащупав кухонную скамью, свалилась на неё, скрючившись над столом. Она плакала. Плакала от осознания, что сама переломила свою жизнь. Теперь у неё нет учёбы, потому что её институт был уничтожен чудовищем. И нет любимого человека, потому что она сама только что прогнала его, чтобы защитить. И к родителям ей нельзя, потому что она нажила себе врага, который может причинить вред любым близким ей людям. Она была среди чужих людей, которые вроде бы добры к ней, но у которых нет ни единого мотива ей помогать. Вокруг порхала по кухне прекрасная фигура Згалики, звеня посудой, шурша травами и бормоча что-то неразборчивое. Каждый день приносил Лере всё больше стресса, и когда она думала, что предел достигнут, открывался новый горизонт боли и ужаса. Когда она встала на этот путь? В тот момент, когда взяла тему курсовой? Или когда решила поехать к матери Александра? Или в какой-то другой момент? А важно ли это? Да, теперь она свободна, как никогда, но потому, что ей нечего больше терять. А если сейчас окажется, что есть? И она вдруг возьмёт, и потеряет это по очередной глупости?

— Вышей, — Згалика поставила перед лицом Леры кружку.

— Что это? — пробормотала девушка.

— Ты такого не пробовала. Сочетание целебных трав и целебной магии.

— Хватит с меня магии.

В прихожей открывалась и закрывалась дверь. Видимо, пришли те, кому звонил Бердияр.

— Слушай, я всё понимаю. И я бы так не смогла. Я понимаю, как тебе сейчас хочется, чтобы всего этого не было. Я это проходила — в лесу, на лугах, в логове дракона, и особенно когда мёртвые рыцари резали мой табор. Мне в те моменты точно так же хотелось, чтобы я никогда не нанималась к людям. Но знаешь, что я тогда понимала? Что назад уже не отыграть. И что если лучше и будет, то только впереди, и до этого надо дожить. Я видела глаза твоего Васи, и думаю, что вы будете вместе, когда всё закончится.

— И когда оно закончится? — Лера отпила из кружки. Вкус был фруктовым. Приятным и немного дурманящим. Лерино тело стало быстро расслабляться, а внутренняя боль становилась тупее.

— Когда мы победим Мелизье.

— Или Мелизье победит.

— На нашей стороне дракон, и это много значит.

— На его — тоже. А если он убьёт всех вас?

— Гратлоргарн уже однажды победил его, на моих глазах. Думаю, мы справимся с ним.

— А если он убьёт Васю?

— Всё равно что-нибудь придумаем. Я слышала о случаях, когда погибших оживляли, и даже массово. Правда, до этого лучше не доводить, потому что тут нужны могучие жрецы, которые иногда после этого не выживают... Да и не убьёт он Васю твоего! Видишь, мёртвых птиц за окном нету, а мы как вдарим по этому мешку с костями, так ничего от него и не останется...

— Мы. Значит, говоришь, чем скорее мы завалим Мелизье, тем скорее всё наладится?

— Ну, план такой.

— Тогда я сделаю так, чтобы он сдох.

Глава седьмая, о самоуверенности и цене ошибок

Лера решительно поднялась со скамьи. Душевная боль не прошла: напиток был не в силах от этого помочь. Но теперь эмоции не мешали думать, и у Леры была идея того, что делать дальше. Она двинулась в гостиную, и Згалика последовала за ней. Там, помимо Александра и Бердияра, За столом сидели невысокий коренастый крепко сложенный мужчину лет пятидесяти, одетый по-деловому, и молодая красивая светловолосая девушка в розовой блузке и джинсах.

— Лера, Згалика, заходите, — пригласил Александр, — это Дарья и Игорь. Думаю, вы слышали друг о друге.

— Ко мне можно на "ты", — кивнула Лера, — Алек... Гратлоргарн, я хочу помочь вам разобраться с Мелизье, чтобы вернуться к нормальной жизни.

— И как ты, Лера, можешь помочь? — поинтересовался Игорь.

— Я знаю, где живёт Мелизье, и могу показать это место.

— И мы сможем найти его филактерий, а потом уничтожить его! — воскликнула Даша.

— Как вариант, — кивнула Лера.

— Этот вариант не пройдёт, — возразил Гратлоргарн, — на филактерий всегда наложены симпатические чары, которые защищают его от обнаружения и разрушения, и я не знаю, какие именно чары наложил Мелизье. А он сразу узнает, что мы в его доме, и примет меры по нашему устранению.

— И что он сделает? — спросила Даша.

— Не знаю. Но он точно найдёт способ напасть на нас.

— У него нет здесь врат, значит, он не сможет телепортироваться, — стояла на своём Даша, — а нам хватит сил уничтожить какую-нибудь мелкую нежить в его отсутствие. А что предлагаешь ты?

— Организовать засаду, дать ему бой и уничтожить его тело и кукол. Потом ворваться к нему в дом, попытаться найти филактерий, а если не получится — сравнять весь дом с землёй, уничтожив филактерий вместе с ним.

— Ты слышишь себя? — криво улыбнулась Даша, — Ты предлагаешь устроить бойню посреди города, с результатом, который мы не сможем гарантировать! Прости, Сашка, но ты слишком долго жил в своём мире, и, похоже, много чего позабыл.

— Гратлоргарн, — скривился Александр.

— Даша права, — заметил Игорь, — у нас нет оружия и брони. Да, наша сила и выучка с нами, а магия вернулась к нам, но против Мелизье и двух амбулякров этого будет мало.

— У вас есть я, — возразил Гратлоргарн, — В облике дракона я опрокину и размажу любые силы, какие сможет выставить некромант.

— Кстати о драконах, что мы будем делать с тем, чтодохлый? — поинтересовался Бердияр.

— Избегать боя с ним, — ответила Даша, — Мы ничего не знаем об этом мёртвом драконе, и из какой табакерки Мелизье выпустит его, если мы нападём.

— Ну, допустим, мы решим его ограбить, — развёл руками Гратлоргарн, — Как мы узнаем, что его нет дома? Будем следить?

— А его и сейчас нет дома, — улыбнулась Даша, — Он гуляет по Александровскому

скверу. Его дом далеко от центра?

— В районе улицы Пионерской, — сообщила Лера, — северо-запад Минска.

— О-хо-хо, далековато от центра, — воскликнул Игорь, — Мы его дом трижды обыскать успеем!

— Погоди, Даша, а откуда ты узнала, где он? — насторожился Гратлоргарн.

— Попросила Афины показать. Да я и сейчас его наблюдаю её взором...

— Он наверняка отследил тебя! Он знает, где ты, и, скорее всего — кто ты!

— Не подумала, но... почему он тогда не отправил сюда своих мертвецов? И вообще, если он что-то и отследил, то никак этого не показывает. Просто гуляет по скверу с розой в руке. И можно ли отследить взор богини?

— Силы искусственных богов имеют магическую природу! Даша, отмени наблюдение, и сядем в засаду. Уничтожим его, и у нас будут развязаны руки. Мы сможем не ждать сюрпризов с его стороны, спокойно обыщем дом, и дело с концом!

— А от криптобиологов сам потом отбиваться будешь? Ладно, кто за то, чтобы найти филактерий, и избежать боя, поднимите руки.

Игорь поднял руку первым, за ним неуверенно повторила Згалика. Её примеру последовал и Бердияр.

Несмотря на уверенный тон Даши, Лера видела усилия, с которыми та держала себя сильной. Что-то было не так с этой девушкой. Как будто она заставляла себя делать что-то для себя не свойственное. Но, тем не менее, Дашины слова казались очень убедительными, а её план — более быстрым. Лера тоже подняла руку.

— Все за мой план, Сашка. Ты с нами?

— Конечно, — скривился Гратлоргарн, — вы ж уже завтра будете куклами без меня. Но знаешь, Даша, ты очень изменилась с нашей последней встречи.

— Не хотела оставаться хнычущей девкой, из-за нерешительности которой гибнут люди.

— Гоблины, значит, не в счёт, — пробормотала Згалика.

— Когда приступаем? — спросил Игорь.

— Сейчас удобный момент, — произнесла Даша, — закатывая глаза, — Мелизье в сквере, а неподалёку на подхвате два трупа... Да как он посмел! Боксёра Илью Казанцева в куклу превратил! Вот урод...

Бердияр встал из-за стола и размял пальцы.

— Ну, Грат... можно тебя так называть?

— Только при своих.

— Окей. Так что, давай сейчас пойдём, а то гад ещё забурится в свой дом, и тогда точно без штурма не обойдёмся.

— Чем скорее, тем лучше, — ответил Грат, — Если Мелизье через Дашу засветил это место, удар с его стороны последует неминуемо. Згалика, тебе лучше тоже тут не оставаться.

— У неё нет документов, — возразил Бердияр, — Ей опасно ходить в одиночку.

— Блин, с собой брать?

— Если всё пройдёт хорошо, я с вами не пострадаю, и буду полезна, — ответила Згалика, — Гоблины наблюдательные, а ещё при гоблинской форме оказался кисет с лечебными травами.

— Нам понадобятся маски и комбинезоны. Невидимость скроет нас на время заклинания, но мы проявимся на записи с камер, когда заклинание рассеется.

— А почему так? — спросила Лера.

— Потому что это заклинание невидимости, а не светопропускания. Во время действия никто не будет видеть нас, ни вживую, ни на мониторах, но на запись свет будет воздействовать как обычно, и когда мы станем видимы вживую, станем видимы и там.

— А со старыми фотографиями это работает?

— Нет, только со сделанными под заклинанием. Такая у него логика.

— Я наколдую комбинезоны на месте, — предложила Даша, — Так не придётся таскать их с собой и переодеваться. Потом распылю.

— Устанешь, — предупредил Гратлоргарн.

— Уж на одежду сил хватит. А если понадобится — Пантеон поможет.

— И чем ты их благодарить будешь? Они ведь ждут жертвы взамен. Я бы не надеялся на Пантеон.

— Кто бы говорил, православный!

Гратлоргарн беспомощно развёл руками.

— Моё дело предупредить. Как будем добираться?

— Я на машине, — предложил Игорь. Бердияр кивнул:

— Я тоже.

— Ну, Даша, твой план — ты и командуй.

— Хорошо, — кивнула девушка, — Мы едем туда, оставляем машины подальше, проколдовываемся в переулке, и в таком виде идём в дом. Я накладываю "Кошачий глаз", "невидимость" и создаю комбинезоны. Если кому ещё что нужно — колдуйте сами.

— Я могу не сразу найти нужный дом, — предупредила Лера, — Я там была только один раз, и мне было очень плохо.

— Невидимость провисит долго, так что время у тебя будет, но постарайся. Что будем делать с сигнализацией?

— Я знаю всё о ловушках, — сказал Бердияр, — в том числе и ловушках этого мира, а сигнализации — их разновидность. Надо будет глянуть на конкретно ту систему, но можете на меня положиться.

— Вот это очень кстати. Входим, перелопачиваем там всё, находим филактерий и уходим. Никакого грабежа.

— А если не найдём? — поинтересовался Гратлоргарн.

— Вшестером под кошачьим глазом? Найдём. Но если уж совсем никак — выжжешь дом своим дыханием. И так, десять минут на сборы и подготовку.

— А кому-нибудь нужна подготовка? — спросил Бердияр, — Я готов ехать хоть сейчас.

— Я только возьму железную кружку и наполню термос, — сказала Згалика и вышла из комнаты.

— Если остальные готовы, то ждём Згалику и выходим, — скомандовала жрица.

Прежде, чем выезжать, Даша и Гратлоргарн занялись машинами. Надо было наложить на них иллюзию, которая не требовала поддержки, обманывала камеры наблюдения и не рассеивалась как минимум несколько часов. Леру не очень интересовало, каким способом они решили эту задачу, которая, по словам дракона, была как раз в духе магической науки мира чудес. Но, когда пришло время выезжать, девушка с удивлением поняла, что отчётливо видит автомобили, но не может понять, какой они марки, цвета, и какие на них номера. Не знай она, что это — нужные ей машины — не обратила бы на них никакого внимания.

— На фото и видео будет тот же эффект, — с гордостью сообщила Даша, — Я тоже владею симпатической магией!

В пути Лера задумалась о том положении, в котором оказалась. Она ехала в машине с абсолютно незнакомыми людьми, и один из которых — Игорь — был за рулём. Ей не было никакого резона доверять им, и она не знала даже, на той ли стороне оказалась. Александр, или Гратлоргарн, ехал в другой машине, и от этого всё-таки было спокойнее, потому что из всех пятерых он сильнее всего пугал её. Лера ощущала себя под его защитой, и эта защита казалась надёжной, но некая опасность чувствовалась и от него самого. Эта мрачность, холодность и жёсткость, перемежавшаяся со вспышками эмоций, одновременно пугала и создавала впечатление силы. И ведь именно он заставил Леру бросить Васю. Да, это был Гратлоргарн, сама она к этой мысли бы не пришла. А он стоял рядом и наблюдал. Внутренняя боль девушки не утихала и даже не становилась меньше: если бы не снадобье Згалики, Лера сейчас всё ещё всхлипывала бы где-нибудь, свернувшись комочком. И тем сильнее хотелось скорее покончить с Мелизье. С другой стороны, Лера не могла отрицать, что её приключение становится таким, в каком она мечтала поучаствовать в детстве, зачитываясь детективами. По сути, это было самое натуральное проникновение со взломом, какое однажды совершил и её кумир Шерлок Холмс, только на сей раз вламывалась целая банда. И, с одной стороны, они шли на преступление. А с другой — Мелизье уже убил хозяев дома, а самого некроманта юридически не существовало. Так что, по сути, Лера вламывалась в логово бандитов. И, в других обстоятельствах, она была бы в восторге от такого, но сейчас чувствовала только едва различимую тень этой эмоции, да и страх со здравым смыслом не дали бы девушке насладиться таким приключением.

Машины доехали до улицы Пионерской, и дальше Лере пришлось указывать путь. Навигатор в смартфоне помогал ей, но пару раз они всё равно сворачивали не туда, и Игорь ворчал, что так они ничего не найдут, а всё это — глупая затея. Однако вскоре Лера увидела то место, где ей в прошлый раз сделалось плохо. Поблизости не было стоянок: все хозяева местных домов имели во дворах гаражи. Поэтому до ближайшей стоянки пришлось возвращаться. Выгрузившись из машин, Лера с компанией углубились в жилой сектор. Здесь хватало высоких пышных кустов, и за один из них Даша завела товарищей. Там Бердияр и Згалика превратились в свои гоблинские версии.

— Ну, вытягиваем руки и складываем ладони! — приказала жрица.

— Это что, какой-то ритуал мотивации? — спросила Лера, подчиняясь.

— Так нужно для массового наложения заклинаний. Не буду же я проколдовывать каждого по отдельности. И так. Именем Мабиили Флёр, да воплотятся одеяния по замыслу моему! Пусть по воле моей откроются глаза наши, как открылись у Иды Подруги Ланей! И пусть станем мы незримы по воле моей подобно Осберту Хитрому!

Всем своим телом Лера почувствовала, как нечто пронизывает её насквозь. Поверх её одежды начала образовываться хлопчатобумажная ткань, как и поверх одежды остальных, но очертания этой ткани, как и лиц, свободных от неё, стали нечёткими и мерцающими. Вокруг всё посветлело, но окрасилось в холодные жёлто-зелёные тона, а дальние предметы стали казаться размытыми, как если бы Лера стала близорукой, зато в более близких предметах проступили невероятно мелкие детали, которых девушка прежде не различала.

— Врачебный комбинезон? Серьёзно? — осмотрел Игорь свою новую одежду.

— Ну, что сфантазировала, — буркнула Даша, — и давайте потише, а то голоса из пустого места привлекут внимание.

— Почему из пустого места? — возразила Лера, — Я вас вижу.

— Потому что заклинание массовое, и ты тоже под ним. Видишь это мерцание на нас?

Это значит, что мы не видимы для других. Короче, пошли. Веди.

Лера опасливо выглянула из-за куста, и поняла, что задача предстоит не из лёгких: ей не только было трудно видеть в дали, но и неподвижные предметы быстро становились размытыми. Чтобы избежать этого эффекта, приходилось всё время двигать глазами, а искать дорогу в такой ситуации было особенно трудно. Превозмогая особенности своего нового зрения, Лера повела группу по улочкам дорогого района. Она старалась вспомнить дома или деревья, которые можно было принять за ориентир, и что-то ей удавалось, но всё-таки пару раз они проходили через те места, где уже бывали. От этого Игорь опять начинал ворчать, но Даша напоминала ему о тишине. Поплутав таким образом, Лера всё же заметила ограду и ворота, в которые въезжал с ней Мелизье. В доме за этой оградой не горел свет, но кошачье зрение позволило девушке заметить движение в одном из окон.

— Это здесь, — указала она на особняк, — и там кто-то есть.

— Мелизье? — шепнул Гратлоргарн.

— Нет, — возразила Даша, — он всё ещё в Александровском.

— Ты продолжаешь наблюдать его? Даша, это не кончится добром.

— Не ной. Бердияр, полезай и разберись с сигнализацией. Остальные, сойдите с дороги и спрячьтесь за кустом. Только не касайтесь его.

Гоблин кивнул и побежал к особняку, а остальные засели за крупными кустами у ограды.

— Большой дом, — заметила Згалика, — почти как у торговцев в крупных людских городах.

— Это тоже дом своего рода торговца, — заметил Гратлоргарн, — И да, обыскивать задолбёмся. У него ещё и подвал небось здоровый.

Даша зашептала что-то себе под нос.

— Если там кукла, то Мелизье уже знает, что мы здесь.

— Так мы же невидимые? — возразила Лера.

— Нежить этим трудно обмануть. Они чувствуют магию и жизнь, а мы как маяки светимся и тем, и другим. Сколько-то времени у нас есть, но блин, чувствуется мне, что апокалипсис сегодня. Впрочем, люблю запах кислотного дыхания по ночам. Это запах ужина...

В этот момент в доме что-то ярко сверкнуло.

— О куклах внутри можете не беспокоиться, — довольно заявила Даша, — Аид с ними расправился.

— Ну, теперь Мелизье точно знает, что мы здесь, — вздохнул Гратлоргарн, — В пределах города он безошибочно определит, что его куклы уничтожены, и поймёт, какие.

— Он не отреагировал, с девушкой гуляет. А нет, она уходит от него. А сам он сел на скамейку и розу нюхает. Не мог девушке подарить...

— Это ловушка! Надо сворачивать операцию и уходить.

— И что он нам сделает из центра города?

— Например дохлого дракона пришлёт.

— Ну, на это у нас есть ты, да и он не рискнёт, потому что ты можешь спокойно сжечь этот дом вместе с филактерием, и даже не стать видимым.

— Блин, я не знаю, что он сделает, но у него всегда есть план, и раз он не отреагировал на разрушение своих мертвецов, значит всё идёт по его плану!

— Даже если и так, поздно отступать, — произнёс Игорь, — Если это ловушка, то единственный шанс для нас — найти филактерий и сломать его.

— Да, блин, ты прав, — кивнул Гратлоргарн, — если мы попытаемся уйти, он нас остановит, и как минимум не обойдётся без жертв. Но я начинаю опасаться, что филактерий в другом месте. Мелизье не любит создавать много логов, предпочитает одно надёжное убежище, и держит там свой филактерий, но как-то уж очень спокойно он подпускает нас к нему. Так надеется на симпатическую магию? Хорошо, но зачем ему это? Не логичней ли было бы отправиться на перехват? Он же знает, что при Дашиной поддержке я справлюсь даже сдохлым драконом, и у него не может быть достаточно мертвецов для атаки, иначе он бы их не спрятал.

В этот момент ворота приоткрылись, и из-за них появилась сияющая фигурка в комбинезоне.

— Сигнализация отключена, камеры тоже, — послышался голос гоблина.

— Хорошо, входим, — скомандовала Даша, — ты дверь открыл?

— Я трапер, а не медвежатник, — обиделся Бердияр, — замки вскрывать не умею.

— Ладно, я знаю отпирающее заклинание.

— Мы все тоже его знаем, — возразил Гратлоргарн, — побереги силы. Тебе голова ещё не болит?

— Пока вы будете колдовать, Мелизье придёт сюда пешком. Я в порядке. Бердияр, Згалика, обыщите подвал и гараж.

Подойдя к входной двери, Даша принялась бормотать заклинание, и вскоре замок щёлкнул. Кошачье зрение не позволило в полной мере рассмотреть обстановку, но формы дорогой мебели и деталей интерьера с особой чёткостью бросались в глаза.

— Нет! — вдруг выдохнула Даша, — Это что, я убила его?

У окна, рядом с придвинутым стулом, на полу лежало тело маленького мальчика. Похоже было, что он с этого стула смотрел в окно, а потом вдруг свалился трупом.

— Это сделала не ты, — успокоил её Гратлоргарн, — Ребёнок мёртв минимум несколько дней. Чувствуешь запах? И взгляни на его кожу и одежду. Мелизье мерзкий ублюдок, не чурается поднимать нежить из детей. Давайте найдём филактерий и прекратим его существование!

— А что будем искать? — спросила Лера, стараясь не глядеть в то место, где лежал мальчик.

— Что-то старинное, скорее всего изящное. И ещё, сразу пробуйте ломать. Если у вас легко получится — это не филактерий. И я точно знаю, что это не книга. Ещё филактерием не может быть икона, изображение Бога или святых любых религий. Такие вещи тёмной магией не зачаровываются. Старайтесь ничего долго не держать в руках. Надломили — тогда любуйтесь.

Рассредоточившись по двум этажам дома, товарищи начали поиски. Они выворачивали шкафы, ворошили постели, простукивали стены, читали заклинания. Изящных вещей в доме было много, и вскоре на полу валялось множество обломков. Иногда кто-то находил какую-то вещь, которую ему не хотелось портить, но подходил другой и спокойно ломал её. Были обысканы три комнаты на первом этаже и пять на втором. В одной из верхних комнат обнаружился сделанный из тумбочки алтарь, покрытый кровавыми письменами и обвешанный мёртвыми кошками и голубями. Гратлоргарн велел не прикасаться к нему и уничтожил, выдохнув на него струю жидкости, от которой алтарь зашипел и растворился, оставив почерневшие куски в грязной луже и провалившись на первый этаж. На кухне обнаружился ещё один труп — красивая золотоволосая женщина в вечернем платье.

Некромант, судя по всему, убил и поднял всю семью. Но филактерия нигде не обнаружилась. К обыску дома присоединились Бердияр и Згалика, и начали уже по второму кругу, как вдруг снаружи послышались голоса и рёв моторов. Бердияр выглянул в окно.

— Ребята, ни у кого генеральских погон нет? Нас окружают войска.

— Что? Какие блин войска? — подскочил к нему Гратлоргарн, и долго, забористо обматерился.

Лера тоже выглянула наружу. Дом брали в кольцо военные. Люди в бронежилетах, со шлемами и автоматами, выглядывали из-за ограды, а из-за их голов виднелась башня танка.

— С задней двери тоже окружили, — вбежала в комнату Даша.

— А что делает Мелизье? — спросил дракон.

— Не знаю.

— Что?

— Я перестала наблюдать его, чтоб от поисков не отвлекаться. И ещё... — она замялась.

— Что, головка бобо?

— Начинает.

— Твою ж маковку! Я же предупреждал! Вот никогда такого не было, и вдруг опять повторилось! Как же бесят людишки! Так, новый план. Рассеивай кошачий глаз, он теперь бесполезен.

— И невидимость?

— Нет, невидимость оставь, и держи, сколько сможешь. Ваша задача — убраться отсюда живыми, и не попасть в руки солдат. У них, видимо, кукла в командном составе.

Лере вспомнился военный, который вместе с Казанцевым ловил её в первый раз.

— Почему ты так решил? — спросил Бердияр.

— Потому что там стоит дикий папуасский танк! — воскликнул Гратлоргарн, показывая пальцем на окно, — Стали бы ради вас, несчастные людишки, пригонять грёбаный железный капут?

— Сзади ещё один, — сообщила Даша.

— Доигрались. Всё чудесатее и чудесатее! Даша, не хочешь кошачий глаз рассеять блин?

Внезапно Леру накрыла крошечная тьма. На миг ей показалось, что всё вокруг исчезло, но глаза начали быстро адаптироваться к темноте, и вскоре она различила мерцание силуэтов товарищей, тусклый свет из окна и его отблески на стенах и мусоре на полу.

— Они здесь за мной, — продолжил дракон, — Я выйду к ним и попробую договориться. Если не получится, я атакую их чем-нибудь не очень сильным, чтобы рассеять.

— Тебя ж просто пристрелят! — воскликнул Игорь.

— Не должны. Я использую "Поглотитель стрел", и буду накапливать энергию от каждого выстрела. По идее, ни одна пуля или снаряд через него не пробьётся.

— А воли хватит? — усомнилась Даша, — Раньше ты еле колдовал.

— Я много тренировался именно с этим заклинанием, а если и пробьют, то моя чешуя будет держать пистолетный выстрел, а пластины на груди и животе — выстрел из автоматов. Меня смогут пробить из винтовки или бронебойно-зажигательными. Ну или если в меня попадёт бронебойный из этой бандуры. Но и если меня ранят, я, скорее всего, не сразу умру, куда бы ни попали.

— Сашка... — воскликнул Бердияр.

— Так надо, дружище.

— Но Хильдиарезан как-то говорил, что драконы уязвимы, если им приходится обороняться или защищать кого-то! Что ваше преимущество в манёвренности...

— Я попытаюсь разбить их кольцо, и тогда ты должен будешь вывести остальных, используя твои трюки. Ты понял?

— Да.

— Меня не ждите. Если у вас получится уйти, я всё равно полечу из города, чтобы сбить солдат со следа. И у меня есть одна идея на случай, если они будут стрелять по мне достаточно долго. Может, получится вырваться малой кровью. К Бердияру не едьте. Уезжайте из города, найдите лес и затаитесь в нём. Бросьте машины...

В этот миг яркий свет ударил в окно, осветив комнату. Кто-то дёрнул Леру за руку вниз, и она упала на пол. Ладонь пронзила острая боль. А снаружи раздался усиленный рупором голос:

— Некий Гратлоргарн, мы знаем, что вы здесь. Вы окружены, а все выходы с территории заблокированы. Выходите наружу с поднятыми руками.

— Не стали сразу штурмовать, — послышался голос Игоря, — повезло.

Глаза Леры привыкали теперь уже к свету. Она увидела лежащих на полу товарищей, и торчащий из ладони обломок статуэтки, и ещё увидела Гратлоргарна, который залёг у входа и бормотал что-то себе под нос. Закончив, он встал в полный рост, перекрестился и открыл дверь. Снаружи послышался шум. Бердияр, Игорь и Згалика приподнялись и выглянули в окно, Лера последовала их примеру. Даша, подогнув ноги, осталась лежать на полу, но, судя по мерцанию, её невидимость действовала.

А снаружи Гратлоргарна уже окружал зелёный туман. Облако росло, выходя за пределы видимости из окна, и вот, из него показались два больших красных крыла, а затем и мощная голова на длинной шее, изящное крепкое тело в толстой чешуе, и длинный, лежащий на земле хвост.

— Воины белорусской армии, — послышался рокочущий голос, в котором Лера узнала рёв над больницей, — Я, Гратлоргарн, выражаю вам искреннее уважение, но хочу предупредить: ваше оружие не навредит мне, а я могу смести вас одним ударом, но не хочу. Поэтому говорю вам: не пытайтесь сдер...

Раздался грохот многочисленных выстрелов. Лера припала к полу, но только несколько пуль просвистело где-то в районе второго этажа. Выглянув в окно, девушка увидела, что между драконом и военными сияет золотистым светом в местах попадания пуль полупрозрачный куполообразный барьер.

— Не будьте глупы! — заревел дракон, — Ваше оружие не причиняет мне вреда, но доставляет неудобство. Прекратите стрельбу, иначе я...

Вспыхнуло дуло танковой пушки, и взрыв прогремел прямо перед мордой дракона. Барьер ярко сверкнул: снаряд разорвался на той стороне. Но раздался звон стекла, Леру обдало осколками, и что-то, просвистев прямо над головой девушки, стукнуло в пол. Послышался вскрик Бердияра, а морду дракона обдало огнём.

— Ложись! — крикнул Игорь, — Они палят фугасами! Идиоты! Если бы большая часть взрыва не поглотилась заклинанием, их тоже могло накрыть! Какой болван отдаёт им приказы?

Но взгляд Леры был прикован к дракону. Он отшатнулся от взрыва, и на миг Лере показалось, что с ним случилось что-то страшное, но она и не могла предположить, на

сколько была права.

— Да как вы посмели! — яростно взревел Гратлоргарн. От размеренности его речи не осталось следа, — Вы посмели достать меня! За это я покараю вас! Да обратится сила стрел молнией!

Он выбросил морду вперёд и заревел, а с поверхности магического купола прямо перед его носом выстрелили светящиеся золотистые нити, ударившие в ограду. Прикасавшиеся к ней солдаты дёрнулись и попадали, а в окружающих домах погас свет. В это время танк перезарядился, и прогремел ещё один выстрел. На сей раз в сторону окна не полетели осколки: голова дракона полностью загородила его от разрыва фугаса. На секунду рёв стих, а молния исчезла, но, изогнувшись лебедем, дракон снова выбросил голову вперёд и возобновил свою атаку. На сей раз целью был танк. Сеть золотистых разрядов прошла по броне, и не понятно было, что случилось с боевой машиной, но больше она ни разу не выстрелила. Однако из-за угла с рёвом показался ещё один танк. Видимо, тот самый, который видела Даша.

Не дожидаясь выстрела, дракон, подпрыгнув, взлетел, и на пару секунд скрылся из виду, но затем спикировал на боевую машину, изрыгая теперь уже из пасти пламя. Оно окутало танк, и лишь только чудовище ушло вверх, прогремел взрыв. Башня машины подлетела в воздух, а затем грохнулась в отдалении, сопровождаемая воплями боли. В корпусе машины что-то продолжило взрываться, выстреливая вверх снопы огня. А дракон уже заходил на новый круг.

— Лера, Лера! Слышишь? Ты в порядке? — услышала девушка над ухом голос Згалики.

— Я... Вроде да. Только ладонь...

— Показывай. На много моей магии не хватит, но раны подлатать я могу.

Лера протянула раненую руку гоблинше, а сама продолжила наблюдать завораживающее, и ужасное зрелище. Пламя дракона снесло ограду, и через языки огня прояслялись очертания людей, бегавших и беспорядочно стрелявших в сторону летающего чудовища. Лера увидела сорванную танковую башню, под которой извивался горящий человек. Кто-то из бойцов оттаскивал своих, но трудно было понять, раненых, или убитых. Вдруг откуда-то вылетело огненное пятно, и ударило в драконий силуэт. Прогремел взрыв, и что-то дымящееся упало на крышу соседнего дома, а потом скатилось за него. Но, пару секунд спустя, оттуда выстрелила молния, и послышался грохот со стороны, откуда вылетел снаряд. А тем временем солдаты потихоньку перегруппировывались и собирались в кольцо вокруг места падения дракона.

Лера спряталась за стену и в ужасе обхватила голову руками. Она в жизни не видела ничего ужаснее, и не знала, как к этому относиться. Ей хотелось только одного — быть подальше отсюда. Но напиток Згалики всё ещё действовал на девушку, и самообладание осталось при ней. Она посмотрела на своих товарищей. Игорь сидел рядом, и продолжал наблюдать бой из окна. Бердияр скрючился в углу и смотрел на свою большую гоблинскую ступню, на которой быстро затягивалась огромная рваная рана. А рядом сидела Даша, постанывая и держась за голову. Её обнимала Згалика и пила чем-то из железной кружки. Все силы девушек были брошены на то, чтобы поддержать невидимость — единственное, что защищало их от участия в происходящем за окном. И вдруг снова послышался размеренный рокочущий голос дракона:

— Мы скорбим, что это произошло. Наша ярость причинила слишком много боли. Но мы не можем признать поражение. Мы должны опрокинуть вас, и мы это сделаем. Ваши

стрелы отдали нам всю их силу, и теперь мы бросаем её на вас, повелевая: да ощутят бойцы, выступившие против нас ужас!

Лера выглянула в окно. Собравшиеся, было, в кольцо, солдаты теперь пятились, роняя оружие.

— Ужас! — послышался рёв, заставив солдат развернуться и перейти на бег.

— Ужас!!! — взревел дракон со всей мочи, и солдаты, забыв про оружие и расстёгивая на ходу бронезилеты, бросились врассыпную. Один из них ворвался в дом Мелизье, пробежал его насквозь, и Лера услышала звон стекла, выбитого его телом.

Огонь на улице медленно гас: кроме топлива в двигателе взорвавшегося танка там нечему было долго гореть. Несколько дома вокруг наоборот разгорались от попавших в них горящих осколков и драконьего пламени. Вскоре, покачиваясь, показался сам дракон. Он шёл медленно, волоча хвост по земле. Левая передняя лапа болталась, и с неё капала кровь, а крыло с той же стороны было вывернуто, и волочилось за чудовищем. Правая сторона морды была разорвана в клочья, и вырванная щека обнажала ряды острых зубов. Глаз вытек, а из белеющего в нескольких местах черепа торчали металлические осколки. Доковыляв до дома Мелизье, Гратлоргарн рухнул на живот.

— Мы потеряли контроль, — наполнил воздух его глубокий рокочущий голос, — Мы... мы убили их. Многих. Мы забыли... забыли, что они...

Прихрамывая на зарастающей ноге, Бердияр выбежал к другу, но отшатнулся, увидев страшные раны.

— Сашка, пожалуйста, не умирай!

— Что? Иди нахрен! Мы — рептилия, а наши жизненно важные органы не повреждены, но блин, как же больно!

— Так это ты друзей защищал? — послышался знакомый Лере голос. Высунувшись из окна, она увидела идущую по горячей улице как ни в чём не бывало женскую фигуру в белой куртке и красных штанах.

— Аня, — пробормотал дракон, — Какого хрена ты...

— Она за него, — крикнула Лера.

— Что? Да не может быть! Аня...

— Не рыпайся! — хладнокровно приказала Анна Афинская, — Свершись!

Плитка под телом дракона треснула и стала расходиться, а из-под неё начали быстро расти голые колючие лозы, обвевая конечности и шею чудовища.

— Отложенное заклинание, — попытался усмехнуться Гратлоргарн, — Мелизье неплохо тебя обучил. Он не сказал, что потребует взамен?

— Тебя. Знаешь, Поль — настоящий мужчина, не такой, как ты. И прежде, чем отправить меня за тобой, он дал мне хорошую подготовку и пустил вперёд подразделение военных, чтобы взять тебя именно в том виде, в котором надо, и ты бы мне ничего не сделал.

— Он упоминал, что предпочитает работать с мёртвыми?

— Скажи ещё, что он сам ходячий труп. Он знал, чем ты будешь пудрить мне мозги, и, в отличие от тебя, умеет составлять планы.

— Ты! — воскликнула Даша, и Лера увидела, как мерцание пропадает с её товарищей, — Это ты была там с ним! Ты...

— Хорошо провела время с Полем и отправилась добывать для него трофеев.

— Время провела? — с усмешкой произнёс дракон, — Ты всё ещё моя жена.

— Да? И что ты был за муж? Ты, тупой, драчливый, жалкий, невезучий...

— Правил у меня в башке Ингвар Подкаблучник. Зато теперь ты с мужчиной голубой мечты! Уже пыталась поднять в нём "боевой дух"?

— Для полудохлого дракона ты уж слишком весёлый!

— А ты слишком смелая для бабы, беседующей с десятиметровым ящером. Что он с тобой сделал прежде, чем отправить сюда?

— Дорогой, я всё тебе расскажу, когда прибудет транспортный вертолёт чтобы увезти тебя куда надо.

— И долго ждать придётся?

— Дольше, чем планировалось. Будет время обсудить развод.

— Что, волна ужаса достала до вертушки, и теперь её ищи-свищи в Ждановичских лесах?

— У слуг Поля найдётся запасная. А это, значит, твои друзья? Поль сказал мне не тратить на них время, но чтобы позабавить тебя я, пожалуй, опробую пару заклинаний...

— Ах ты ведьма! — воскликнул Игорь, выскакивая из дома, — Да я тебя...

— Свершись! — крикнула Аня, вскидывая руку, и от её пальцев хлынула струя пламени. Игорь, попав в нее, дико закричал и попытался отскочить, но уже весь горел. Магический огонь быстро пожирал человеческую плоть, и, вскоре, от мужчины остались лишь кости. Гратлоргарн взревел и выпустил пламя из пасти, но его голова была прочно приплетена лозами к земле.

— Ух! — воскликнула Аня, тряся пальцами, — А нас ещё слабым полом называют!

Напиток всё ещё действовал на Леру, а остатки страха потонули в боли от расставания с Васей, которая, несмотря на прошедший только что бой, не хотела утихать. Девушке вспомнилась история самопожертвования тогда ещё Александра, и как он обрёл свою силу, искупая вину. Теперь, когда победить Мелизье не представлялось возможным, а значит её саму ждала расправа за предательство, ей было нечего терять, и она медленно направилась к двери. Згалика что-то вскрикнула и попыталась схватить её за руку, но Лера увернулась и вышла из дома, глядя колдунье прямо в глаза.

— Валерия, — пропела та, — Поль говорил и о вас. Он ведь дал вам шанс, а вы его упустили. Вы должны были связаться с ним, когда у вас появилась информация о Бердияре, и после больницы, когда вы узнали, куда делся Александр. Но вы предпочли поучаствовать в разгроме его дома.

— Это не его дом, — спокойно возразила Лера, — хозяйка этого дома лежит мёртвая в кухне, убитая твоим Полем. А ты что-то разговорилась! Помнится, ты и слова не могла сказать под пяткой своей свекрови...

Лицо Анны скривилось от гнева, и она вскинула руку, чтобы использовать заклинание, как вдруг от угла здания отделилась тень, и, подскочив, ударила колдунью чем-то по голове. Та, потеряв равновесие на каблуках, свалилась на землю, и на её месте что-то взорвалось разноцветными вспышками, а когда те угасли, она осталась сидеть, ошарашенно глядя вокруг.

Лера смотрела на своего спасителя, и не могла поверить. Это был Вася! Тот самый Вася, которого она несколько часов назад прогнала. И она кинулась в его объятия. Боль прошла, и к девушке пришло осознание, какую глупость она чуть не совершила.

— Как ты нашёл меня? — прошептала она.

— Да я шатался по городу после того, что ты мне наговорила, и думал разное. А тут танки едут. Ну, я сразу подумал, что это ты опять во что-то влезла. Даже не так,

почувствовал! Вот, прокрался за ними. Им, походу, было не до разгона гражданских.

— Ими кукла командовал, — буркнул Гратлоргарн, — Конечно ему было плевать на потери.

— Угу. А потом я издалека увидел вот его, — показал Вася пальцем на дракона, — спрятался, чтоб меня не убило шальной пулей, а когда всё стихло, прокрался сюда. Смотрю — а эта баба мужика поджаривает. И ты к ней выходишь. Ну, я схватил первую попавшуюся доску — и по башке... Где она кстати?

Ани действительно нигде не было видно. Она как будто растворилась в воздухе.

— Ушла в невидимость, — произнёс дракон, отрывая себя от земли, — Видимо, от удара по башке "бровада" рассеялась, тут у неё и выиграло. За этот провал Мелизье ей, конечно, наподдаст. А он всё идеально спланировал, только магию любви не учёл.

— Чего? — переспросил Вася.

— Магию любви. Одно из самых стабильных и изученных явлений в магии. Когда двое очень сильно любят друг друга, случайности складываются таким образом, чтобы помочь им быть вместе, а ещё они чувствуют друг друга. Удача работает в определённых пределах, и против объективной реальности не помогает. То есть, если бы ты не пошёл шататься по городу, Лера бы была мертва.

Дракон с трудом поднялся на задние лапы, и от его вида Вася отшатнулся.

— Вот блин, и этот... Василий, не бойся меня. Я не только не собираюсь причинять тебе вред, но и в долгу. Ты своей доской спас меня от плена, и я благодарен. И хватит в стену вжиматься, когда я тебя хвалю! И дня не прошло, как ты мне морду бить пытался...

— У тебя полрожи нет! — выдавил из себя Василий, действительно прижавшийся спиной к стене.

— Да, блин, спасибо, что напомнил. Даша, ты...

Скрючившись на коленях, Даша рыдала над пеплом, оставшимся от Игоря. Згалика пыталась утешить её, а рядом стоял Бердияр, и медицинская маска закрывала выражение его лица.

— Да... В общем, я тяжело ранен. И если я превращусь в человека, то умру от болевого шока, потому что раны перенесутся. Мне нужно магическое лечение, иначе сейчас прилетит вертолёт, и я не смогу отбиваться, а вам придётся бежать. Згалика, ты можешь помочь?

— Прости, Грат, но мне болит голова. Я зачаровывала зелья и отпаивала Дашу, сколько могла.

— Да... И невидимость не так что бы сильно понадобилась... Хотя, вас могли заметить, и было бы плохо. Бердияр?

— На такие раны меня не хватит. Я сам немного получил, это тоже будет мешать.

— Плохо. Так что, придётся оставить меня? Через неделю я сам приду в норму, если меня до этого не разрежут...

"А без дракона против Мелизье не будет шансов", подумалось Лере. А Мелизье не даст им с Васей нормально жить. Судя по Аниным словам, он отомстит ей, и, скорее всего, Васе тоже, так как именно Вася своим ударом сорвал планы некроманта.

— А сложно научиться колдовать? — спросила она.

— С твоей волей — нет, — ответил Гратлоргарн, — А ты хочешь попробовать залечить меня?

— Если это возможно. Нам не дадут житья, если мы не победим.

— Это возможно, — сказал дракон, — тебе нужно будет просто знать заклинание и

направить свою волю на желание вылечить меня. С первого раза ты быстро вымотаешься, но если подправишь меня хоть немного, особенно голову, то я смогу превратиться в человека, и мы уберёмся отсюда. О видеонаблюдении можно не беспокоиться: после моих молний тут в округе рабочих камер нет. Згалика, научи ее, пожалуйста. Бердияр, убери осколки из моих ран. Тебе может понадобится для этого что-нибудь тяжёлое.

— Тяжёлое? — переспросил гоблин, — Ты хочешь, чтобы я...

— Я не хочу, чтобы у меня в черепе сидели осколки, когда раны затянутся.

— Тебе же будет дико больно!

— Потерплю. И не волнуйся, не укушу.

Бердияр кивнул, и пошел искать инструмент для предстоящей операции, а Згалика, покачиваясь, подошла к Лере и принялась объяснять.

— Так, слушай и запоминай. Это важно. Лучше всего целебную магию использовала София Родименская, и когда будешь исцелять, делай это её именем. Не "Во имя", а "Именем", иначе будут побочные эффекты. Потом называешь имя цели и приказываешь исцелиться. Это вся устная часть. При этом руки приложи к здоровой части, потому что ты лечишь магией через тело пациента. Ещё, если всунешь руки в рану, можешь вызвать заражение, или врасти в плоть, что ещё хуже. И не стоит лишний раз терзать рану, потому что это больно. Пациент от такого может потерять сознание, покусать или умереть. Короче, трогаешь его за здоровое, это все нужные пассы. Ну и когда будешь читать заклинание, из всех сил желай ему добра и здоровья. Направь на это волевое усилие... как бы тебе объяснить? Короче, представь, что тебе очень не хочется утром вставать, но ты знаешь, что будет что-то важное, и заставляешь себя. Так вот, тебе нужно будет так же заставить, только не себя, а его тело залечиться. Если всё сделаешь правильно, то почувствуешь небольшое сопротивление, а через некоторое время — сильную мигрень. Это будет значить, что ты упёрлась в предел, и перед тем, как снова колдовать, тебе надо будет как минимум вздремнуть. Всё поняла?

— Угу, только как ещё раз имя?

— София Родименская. Родименск — это город у наших славян, назван в честь племён Родимичей. Старый город, его основали ещё до отречения. Запомнишь?

— София Родименская. Да.

— Хорошо, настраивайся. Бердиярчик, у вас всё?

Тем временем Бердияр выбивал из драконьего черепа очередной осколок принесённым из дома отбойным молотком для мяса. Дракон постанывал при каждом ударе, но держался.

— Да, уже предпоследний, — ответил гоблин, — Блин, сколько крови!

— Столько, сколько надо, — проворчал Гратлоргарн, — Потом поболтаете... ох ты ж чтоб меня!

— Всё, больше осколков нету. Лера, давай.

Девушка подошла к огромной туше. Она боялась. И не то, что бы этот страх был самым сильным за последние дни, скорее он был наоборот слабым. Но огромное хищное существо совсем не хотелось трогать руками. Всё же Лера пересилила себя, и прикоснулась к крылу.

— Ай, Лера, твою ж... Это сломанное крыло! Обойди с другой стороны.

Девушка отёрнула руку, и хотела действительно обойти дракона, но увидела рядом с собой его хвост. К нему Лера и приложила свои ладони. Тело дракона было упругим, почти твёрдым. Прохладным, сухим, и покрытым гладкой чешуёй. Против хвоста Дракон не возражал, и, прикрыв глаза, Девушка громко произнесла нужные слова. И тут поняла, что ей

трудно пожелать добра этому существу. Только что по вине дракона погибли многие невинные люди, а в человеческом облике он бил жену и мать. Правда, эта жена только что проявила себя, а от солдат Гратлоргарн защищал в том числе и её, Леру. За эту защиту девушка и попыталась эмоционально зацепиться. Она гнала мысли об убитых военных, и пыталась думать о том, насколько важен и нужен сейчас дракон.

— Кажется получается, — услышала она голос Згалики.

Отбросив прочие мысли, Лера сосредоточилась на моменте, когда от Гратлоргарна зависела её жизнь. Этот дракон защищал друзей, подвергнув себя тяжёлым страданиям. Он знал, на что идёт, и был готов погибнуть, чтобы они могли выбраться. За прочие вещи она осудит его потом, а сейчас надо было отблагодарить его за нынешний поступок.

Послышался громкий хруст, а потом голос Гратлоргарна:

— Всё, я с большего в норме. Лера, с почином! Ты умничка. Как чувствуешь себя?

Девушка открыла глаза. Присев на задние лапы и сложив крылья за спиной, дракон смотрел на неё обоими глазами. Морда его была с виду в порядке, а левая лапа, как и правая, была поджата под грудь. Сейчас, когда не мешали взрывы и магические всполохи, его можно было разглядеть как следует. В свете догорающего вокруг пожара над Лерой возвышалось изящное тело со впалым животом, мощной грудью и головой, как у хищного динозавра, на длинной толстой шее. Крупные глаза, однако, были посажены ближе к носу, чем у доисторических тварей с картинок, а вдоль всего хвоста шёл перепончатый гребень. Заканчивался хвост сердцевидным костяным наростом. Вдоль нижней части тела, начиная от горла и заканчивая этим наростом, пролегали толстые костяные пластины, и от этого драконье брюхо напоминало змеиное. А на голове дракона виднелись два длинных выроста, напоминающие рога. Почему-то Лере пришло на ум Натальино замечание относительно тела Александра, и ей подумалось, что тело дракона вписывается в критерии блондинки.

— Я в порядке, — ответила Лера дракону, — и голова вроде не болит.

— Значит, ты не устала, и ещё можешь колдовать. Впрочем, это уже не важно.

Дракон окутался туманом, из которого вышел уже в человеческой форме. Правая сторона лица Гратлоргарна была покрыта крупными красными шрамами.

— Скидываем комбезы в огонь, и валим отсюда подворотнями, — скомандовал он, и первым сорвал с себя почему-то целый комбинезон.

— Куда теперь, — спросил Бердияр, принимая человеческий облик. Згалика последовала его примеру.

— Не важно. Мы всё прос...

— Поехали ко мне в клуб. Ночь пересидим, а там подумаем, куда бежать.

— Погодите, — встрял Вася, рискнувший подойти ближе, когда дракон исчез, — А вы сделали то, что планировали, или впустую рисковали жизнью моей Леры?

— Мы все впустую рисковали нашими жизнями, — ответил Гратлоргарн, — филактерий не найден.

— Нет его там! — проворчал Бердияр, — Мы всё перерыли и переломали.

— Это всё из-за меня, — простонала сквозь слёзы Даша, — Я всё запорочила...

— Да не хнычь ты, — буркнул Гратлоргарн, — всё часто идёт не по плану. Вон, одни ребята пытались написать песню о том, что не надо лезть в чужие дела, а получилось про то, что не надо ложиться под первого встречного и вешать филактерии на самом видном месте над камином.

Филактерии над камином. Лере вспомнилось, как она обыскивала одну из комнат, в

которой был электронный камин на всю стену, но почему-то даже близко не подошла к нему.

— Народ, а вы помните такой здоровый электронный камин? Вы его обыскали?

Все уставились на девушку округлившимися глазами. На несколько секунд повисло молчание, которое разорвал Гратлоргарн, сочно обматерившись.

— Симпатическая магия! — воскликнул он, — Давайте быстрее туда, я уже слышу вертолёт!

— Чего ж ты военных не услышал? — спросил Бердияр.

— Потому что не слушал. Давайте, цыгель цыгель ай люлю!

Друзья всем скопом ворвались в нужную комнату. Там, врезанный в стену, действительно красовался электронный камин, однако его монитор был разбит, а рядом зияло открытое окно.

— Твоя жена, небось, поработала? — спросил Бердияр Гратлоргарна.

— Угу, — ответил тот, — Прихватила чтоб обезопасить себя от Мелизье. Наивная. Думает, будто на самом филактерии симпатической магии нет.

— А почему мы его не нашли? — спросила Даша.

— Да из-за той же симпатической магии! Надо блин слушать, когда говорят. Ай, нафиг. Валим отсюда.

Товарищи уже крались по переулку, когда Лера заметила в небе медленно летящий грузовой вертолёт. Ей не было дела до того, почему он прибыл так поздно. Радовало хотя бы то, что сама она успела уйти.

— Я слышал, что говорила о тебе та ведьма, — услышала она голос Васи. Он шёл рядом, держа Леру за руку.

— Теперь ты понимаешь, почему я должна была остаться?

— Ну, разумом-то я всё понимаю, но всё равно успокоиться не могу. Как ты вообще могла в это влезть?

— Есть поговорка "знал бы прикуп — жил бы в Сочи". Я и подумать не могла, что курсовая приведёт меня прямо в гущу военных действий. Но, кажется, теперь мы повязаны с этими людьми.

— Они люди-то вообще?

— Ну, Александр — дракон, и вроде он реально стал драконом, а в человека только превращается. Бердияр и Згалика превращаются в гоблинов, но фиг их разберёшь, гоблины они или люди.

— Гоблины мы, — послышался сзади голос Бердияра, — Иначе я бы вас не услышал в этом облике.

— А эта девушка? — спросил Вася, указывая на Дашу.

— Это Даша, она полностью человек.

— То есть, из нас шестерых, людей только трое?

— Игорь тоже был человеком. Ну, тот, что сгорел.

— И у него были ключи от машины, — раздался спереди голос Гратлоргарна, — а вшестером в одну нам лучше не впахиваться: с ГАИ ещё проблем не хватало.

— И что будем делать? — спросила Даша.

— Тебе голова сильно болит?

— Колдовать я не смогу.

— Ладно, попробую сам. По идее, местная техника должна была уже начать обретать

дух, и может я смогу пробудить машину. Хотя бы частично.

— Что значит "обретать дух"? — спросил Вася.

— Да то, что в мире Чудес у всех предметов есть дух, но предельно слабый. Знаете, почему у нас техники нет? Механизмы обладают куда более сильным духом. В них сочетается дух разработчика, всех создателей, пользователя и материалов. Так, короче, слушайте. Всякая неживая природа имеет настолько слабый дух, что он почти неощутим, хоть уже и позволяет использовать их в магии. Простые рукотворные предметы впитывают эмоции создателей и хозяев, и этого хватает, чтобы они лучше лежали в руке и помогали в работе. Здания впитывают уже чувства, и могут создавать дополнительный уют для жильцов, или наоборот вызывать страх и притягивать зло, если в них происходит что-то плохое или процветает ненависть. Но всё это — неразумные бесчувственные духи, не способные к рефлексии. Мы называем такие духи идеями. Но если вещи дать имя, идея превращается в замкнутый дух. Такие духи уже могут чувствовать, хотя и не обладают самосознанием. Хозяину они дают ощутимое преимущество, он чувствует их, они сопротивляются поломке и становятся тем сильнее, чем более важные вещи ими делают, и чем чаще это происходит. Этот дух уже вполне может называться душой, и им обладают все представители неразумной жизни. На принципе работы с замкнутыми духами основано големостроение. Но если вещь совершить подвиг или вложить в неё по-настоящему глубокое чувство, в ней рождается свободный дух, который имеет частичный или даже полноценный разум и называется скованным. Сама вещь становится телом для этого духа, а если она разрушится, дух становится свободным. Такие вещи могут вызывать голос в голове хозяина, которым взаимодействуют с ним. Они сами управляют своими подвижными частями, иногда могут левитировать и даже сражаться. Но если создать сложный механизм с огромным количеством подвижных частей и двигателем, скованный дух в нём зародится, да только это будет дикий, ничего не понимающий дух вроде Альтрона.

— Вроде кого? — переспросила Лера.

— Альтрон. Ну из "Мстителей". Марвел, комиксы. Ни о чём не говорит?

— Нет... Это вроде фильм такой был.

— Ну неужели даже в детстве не интересовалась? Мультфильмы не смотрела? Боевики? Человек-паук, Блэйд, Железный человек, нет?

Лера почувствовала, что слово "Блэйд" ей почему-то знакомо, но не поняла, почему.

— Э-э, нет...

— Тяжёлый случай. В общем, такой дух не знает, зачем он, и что ему делать, а при этом обладает отличным телом для того, чтоб устроить какой-нибудь трэшак. Лечится это только огромным трудом хозяина вещи, а если хозяин идиот, то не поможет даже её уничтожение. Дух будет искать новый предмет для себя, и закончится это, только когда он попадёт в руки сильного человека, который укротит его и запихнёт в артефакт, или волевым усилием не даст занять ни одну вещь. Что происходит с духом дальше — вопрос трудный, но даже скованный дух уже невозможно ни уничтожить, ни повредить внешним воздействием. Не важно, был ли это дух могучей вещи или душа живого существа. Из него можно попробовать черпать какую-нибудь форму магии, например как это делал Мелизье, пытая жертвы для открытия адских врат, но даже от этого дух не получает серьёзный урон. Вот. А есть ещё более могущественные духи, вроде ангелов, но их изучение практически не возможно, поэтому информации о них нет. Так вот, если после слияния магические процессы возымели обратную силу, и машина Игоря обрела, хотя бы, замкнутый дух, я сделаю так, чтобы она

завелась.

Когда товарищи вышли к остановке, маскировка с их автомобилями ещё не спала, и пришлось вспоминать, в каком месте они были припаркованы. В конце концов, нужные машины удалось определить, и Бердияр впустил друзей в свою, а Гратлоргарн принялся что-то шептать над замком другой. Лера нервничала: шесть фигур, мнущиеся у двух непонятных машин, могли привлечь внимание. Вдобавок Даша не переставала хныкать, несмотря на все попытки Згалики успокоить её. Между тем, изуродованное лицо Гратлоргарна выражало всё больше напряжения. В конце концов он отпрянул от машины и выругался:

— Да блин ну его в пень! Не работает! Обратной силы нет, и техника только начинает обретать дух! Эта зараза вовсе не откликается на мои попытки! Чего там, я её даже не чувствую!

— Так может просто магией открыть? — предложила Лера, — А заодно и запустить мотор?

— Чего-то, знаешь, не припомню имени чародея, который бы промышлял угоном транспортных средств с двигателем внутреннего сгорания. Машина — зверь, но она блин нифига не слушает!

— Ну, что-то решать надо, а то ещё накроют по горячим следам. Дай я попробую, — предложила Лера, подходя к машине и кладя руки на капот.

— Стой, ты же... — услышала она голос дракона, но магия уже началась.

Лера как могла вообразила, что двигатель машины запускается, а двери открываются, и тихо, но отчётливо приказала:

— Слышишь ты, автомобиль! Отдайся и подчинись мне и моим друзьям именем... Именем моим!

В следующий миг она почувствовала сильнейшую боль в висках, темени и лбу, как будто её череп стал на три размера меньше. В глазах потемнело, а ноги подкосились, и она упала на асфальт. И, остатками покидающего её сознания, Лера услышала звук завожачегося мотора.

Судя по всему, сознание не сразу вернулось к девушке. Она услышала мягкий гул и ощутила покачивание, а открыв глаза обнаружила, что лежит на заднем сидении едущего автомобиля, того самого, которому она приказала завестись. Голова по-прежнему сильно болела, а во рту было сухо. Перебарывая эти ощущения, Лера выдавила из себя:

— Что случилось?

— Ты изобрела заклинание, — услышала она голос Гратлоргарна, — Простенькое, но это точно было выше твоих сил. Как следствие — мгновенное переутомление, шок и потеря сознания.

— И долго я провалялась?

— Да больше часа уже. Мы выехали из города, чтоб замести след, и дождались, пока спадёт маскировка. Сейчас едем обратно в город.

— Знаешь, как ты меня напугала? — послышался голос Василия.

— Вася, и ты здесь...

— Конечно, ведь у нашего дракона нет прав!

Лера попробовала сесть, но первое же усилие отдалось сильнейшей болью в висках. Со стоном девушка упала обратно на сидение.

— Не дёргайся, — услышала она снова голос Гратлоргарна, — лучше постарайся заснуть. Если часов десять проспичь — боль пройдёт. Переутомление магией — штука

болезненная, но недолговечная. Знаю, сам получал. И ещё, ты теперь можешь гордиться: скорее всего, твоё заклинание модифицируют и будут укрощать им свихнувшуюся технику. Ты увековечила своё имя. И потенциал у тебя отличный, но блин нифига не раскрытый. Если бы ты училась с детства магией и прикладывала старание, была бы где-то на уровне Аэлин, только немного слабее. Тебе же рассказывали о ней? Впрочем, у тебя всё ещё есть все шансы. А теперь спи.

Леру и вправду тянуло в сон. Опустив голову на сидение, она закрыла глаза, и тут же забылась тревожным и мрачным сновидением. Ей снилось, будто она стала кузнечиком и пытается убежать от огромной чёрной ящерицы. С каждым прыжком она оказывалась очень-очень далеко, но ящер вдруг появлялся прямо перед ней и открывал огромную пасть с утопающими в дёсны зубами. И вот, когда ей показалось, что ящера уже точно нет рядом, перед ней объявился огромный лемуру, схватил её и потянул в пасть. Но в этот момент самого лемуру схватил тот самый чёрный ящер, и Лера оказывалась вместе с лемуру в его пасти, где её сильно-сильно сдавливало, не давая дышать, и сон начинался заново.

Глава восьмая, о расплате и очевидных вещах

Когда она проснулась, было уже светло, и голова не болела. Машина стояла на плотно забитой стоянке, под тенью какого-то высокого здания. А на месте водителя Лера увидела Васю, который сидел с наушниками в ушах и смотрел что-то в своём смартфоне. Девушка тронула его за плечо.

— А, доброе утро, Леронька, — обернулся он, — как ты, стало получше?

— Да, Вася, кажется всё нормально. А где остальные?

— В клубе, в этом здании.

— Ты всё время тут пробыл?

— Угу, не мог же я оставить спящую красавицу одну на улице. И вносить тебя в клуб под камерами мы не решились.

— Ты мой герой, — улыбнулась Лера.

— Вчера ты мне другое говорила.

— Ой, ну прости, я же...

— Да понимаю. Ты думала, что так будет лучше. Мы оба свалили дурака. Я ведь мог остаться.

— И кто бы тогда спас меня от колдуньи?

— Кстати, о них. Знаешь, чем вчера вечером занимался ваш "главгад"? Сражался с мёртвым драконом! И вроде даже победил, хотя, наш дракон заявил, что всё это подстава. Не той магией, мол, он пользовался. Зато дал интервью прессе, что, мол, пришёл, чтоб защитить наш мир от надвигающейся угрозы. Что миры объединились, и скоро к нам хлынет куча злобных тварей всех мастей во главе с неким Пантеоном.

— Странно. Александр говорил то же самое о своих намерениях.

— Да, не просто странно. А недавно на ютубе появился ролик из новостей с реакцией президента.

— Дашь глянуть?

— Держи наушник.

Выглянув из-за Васиного плеча, Лера посмотрела на экран смартфона, где красовалось лицо президента крупным планом.

— Мы благодарны за инициативу, проявленную нашим гостем, — говорил он, — но не можем так слепо довериться его словам. Подчеркну, мы не против принять его помощь, но хотели бы узнать, чего нам это будет стоить, и что вообще представляет собой этот новый мир. Наша страна находится в центре Европы, и мы привыкли решать все вопросы путём конструктивного диалога, в том числе и с представителями других миров, если таковые действительно имеются. Мы соберём всю имеющуюся информацию, обсудим и примем взвешенное решение. Скажу прямо: мне трудно поверить в существование других миров помимо нашего. Если бы не явные свидетельства необъяснимых явлений, виденных многими из нас, и существенные разрушения, причинённые двумя неизвестными существами вчера вечером, мы бы даже не ставили этот вопрос. Но, ввиду вновь открывшихся обстоятельств, я должен заявить следующее. Мы ждём гостей из другого мира. Приходите. Но приходите с миром. Поговорим, обсудим общие вопросы, если таковые имеются. Но если только вы попытаетесь проявить к нам враждебность, знайте: вы уже не первые, кто попробовал это

сделать. В то время как волшебник из вашего мира уничтожил одно существо, другое было убито силой нашего оружия.

Картинка сменилась, и вместо президента появилась ведущая новостной программы.

— Напоминаем, что вчера вечером произошли два столкновения между жителями столицы и неизвестными существами, напоминающими драконов из европейского фольклора.

Картинка снова сменилась, и, под пояснения ведущей, появилось изображение Октябрьской площади, на которой крылатое чудовище гонялось за мирными жителями, поливая их из пасти струями кислоты. Лера узнала в нём того же мёртвого дракона, который напал на её институт.

— Неизвестное существо сумело настичнуть и убить своим дыханием более сорока человек, от которых остались только фрагменты костей. Сейчас идёт идентификация погибших, но, к сожалению, из-за состояния останков она маловероятна.

Картинка снова сменилась, и Лера увидела того самого Мастера-Мелизье, теперь одетого в белую мантию, который стрелял розовой молнией в летающее чудовище.

— К счастью, на площади в этот момент находился странный человек, который дал отпор чудовищу и спас множество мирных жителей. Тем временем, другой дракон нанёс удар на улице Пионерской в северо-западной части Минска, где был остановлен вооружёнными силами Республики Беларусь. В ходе боя было убито восемь военных, в том числе экипаж одного танка и часть экипажа боевого вертолётa. Более двадцати человек получили травмы от электрического тока, который чудовище использовало для нападения. К сожалению, кадров этого столкновения у нас нет. Тела обоих драконов бесследно исчезли с мест событий, поэтому пока никто не может достоверно объяснить природу странного явления. Однако неоспоримым остаётся одно: многие минчане потеряли своих близких в этот день.

Лера убрала наушник. Значит, вчера, на её глазах, погибло восемь человек. Погибло из-за вспышки ярости существа, которое она почти считала своим другом, и которому помогла вылечиться. Но, с другой стороны, он в тот момент защищал её саму. Или нет? И на той ли она стороне? Может быть, это Мелизье действительно пришёл помочь её миру, а Гратлоргарн хочет ему помешать? Лера не знала, кому в этой ситуации верить.

— Что думаешь? — услышала она голос Васи.

— Не знаю. Гратлоргарн вчера убил людей, а Мелизье, похоже, спас.

— Дракон говорит, что мертвецы не восприимчивы к электричеству, которое использовал этот волшебник.

— Он может врать.

— Ну блин приехали. Вчера ты говорила, что только он сможет защитить тебя от Мелизье, и чуть не порвала со мной из-за него, а теперь оказывается, что это от него Мелизье пришёл защищать нас?

— Я не знаю, Вася. Не знаю.

— А мне вот этот Грат... Александр сразу показался подозрительным. С чего ты вообще решила, что ему можно доверять?

— Блин, Вася, я, правда, не знаю, — Лера откинулась на заднее сидение и запрокинула голову, — Только с его слов. Ну и Мелизье вёл себя как свинья.

— Не думал, что такое скажу, но... может, в их мире так принято?

— Блин, — стукнула Лера кулаком о сидение, — блин! И что теперь делать?

— Может, свалим, пока никто не видит?

— Пантеон позволит Даше найти нас где угодно. Боюсь, мы должны быть или с теми, или с другими.

— Вот же дилемма блин...

— Вася, а что если позвонить Мелизье? Что он думает об этом?

— Чего? Ты с дуба упала?

— Ну, от одного звонка ничего плохого случиться не должно?

— А хотя... Не думаю, что у волшебника из другого мира найдётся способ отследить звонок, и при этом не найдётся — отследить тебя без звонка. В крайнем случае, выкинем смартфон.

— Тебя вчера олигарх на Пионерской покусал? Ладно. Я звоню.

Лера вытащила смартфон и набрала тот самый номер. Некоторое время она слышала только гудки, но вскоре на той стороне пропел голос Мастера:

— М-да-да? Валерия? Я уж думал, что вы решили забыть о нашем договоре.

Лера включила громкую связь.

— Я видела, что вы сделали вчера. И что сделал Гратлоргарн. И у меня есть вопросы, которые мне некому задать.

— Вы можете попробовать задать их мне, если хотите.

— Ваша колдунья сказала, что вы убьёте меня.

— Правда? Ну, я с ней поговорю об этой выходке. А мне есть за что... быть недовольным вами?

— Ну, я не отчиталась за свои исследования...

— Вы серьёзно? Фи! Какого же вы мнения обо мне, если считаете, что я могу на вас злиться за такую мелочь!

— Я ввалилась вчера в ваш дом...

— Для начала, это был не мой дом. Просто один человек решил сотрудничать со мной и предоставил убежище. Да, он, скорее всего, будет недоволен. Но у меня много друзей, если что, и вчерашние события заставили меня просто переехать. К тому же, я понимаю, что увидеть мёртвую птицу, которая следит за вами, было жутко, а дальше вы, наверное, по незнанию попросили убежище у моих врагов.

— Но вы обещали меня убить.

— Разве? Ах, да, вы тогда сильно разозлили меня. Но разве вы сделали что-то, чего я просил вас не делать?

Лера задумалась. Да, она действительно не сделала ничего, за что её грозились убить. Но, с другой стороны, угрозу это не отменяло. А Мелизье, судя по всему, умел убивать...

— И всё-таки я опасюсь вас. Вы убили людей и превратили их в...

— Кукол? Ну, они, вроде как вполне довольны быть такими. Да, они изменились, но разве они мертвы? Они ходят, говорят, всё понимают, и в полной мере наслаждаются жизнью, как и я! Или вы считаете меня трупом, который ничего не чувствует, не думает, или, даже говорить смешно, страдает из-за своего состояния?

— И один из них убил множество пациентов в клинике.

— О, я уже поговорил с ним на эту тему. К тому же, я спас кого мог, и теперь они — тоже мои друзья!

— Из-за вас погибли женщина и ребёнок! Я видела их тела в доме...

— И кто же их убил? Я или ваши новообретённые друзья? Знаете, мне уже становится

обидно. Вы обвиняете меня в том, чего не видели и о чём не знаете, в то время как сами приняли участие в убийстве десяти человек, включая одного ребёнка, и порче чужого имущества.

— Я этого не делала...

— Как и я. Но я потратил вчерашний вечер, сражаясь с драконом, который убивал людей, а вы были на стороне дракона. Так что мне действительно обидно. У вас были вопросы — Задавайте, я отвечу, и на этом наши с вами отношения окончены.

Лера вдруг действительно почувствовала себя виноватой. В словах Мелизье был смысл. Она действительно не видела ничего из того, в чём его обвиняли Гратлоргарн и Бердияр. В то время как Александр бил своих родных, и так и не отбыл наказание. Не говоря уже о том, что часто матерился.

— Зачем вы здесь, и чего добиваетесь?

— Как я и говорил, я борюсь с безжалостным Пантеоном, действие которого вы, судя по всему, могли вчера наблюдать. Он уже здесь, и его задача — лишить вас всех свободы. А я хочу вам её дать, причём такую, какой у вас никогда не было, благо силы мира Чудес это позволяют. Гратлоргарн — слуга Пантеона, и поэтому я должен его победить.

— А что за дракон, с которым вы сражались вчера?

— Это копия Гратлоргарна из другого мира. Хоть я и заставил его убраться, он может вернуться и вместе с самим Гратлоргарном устроить разрушения в вашем городе.

— Так вы не убили его вчера?

— Нет, не убил. Но остановил его и заставил бежать. Это ведь не мало, да?

— А чего, по-вашему, хочет Гратлоргарн?

— Сделать вас всех рабами Пантеона. Заставить вас соблюдать его законы и молиться ему. И править вами всеми как помазанник. Знаете, он ведь сторонник монархических взглядов, в то время как я уважаю вашу демократию.

— И вы не станете преследовать меня, если я решу порвать все связи с этой историей?

— Не стану. А вот Гратлоргарн вас просто так не оставит, я его знаю. Вы слишком хорошо осведомлены, чтобы остаться в стороне. С помощью Пантеона он найдёт вас.

— Вы так много знаете о нём. Вас многое связывает?

— Двести лет непримиримой вражды, Валерия. Я боролся с Пантеоном. Поднимал восстания, освобождал разные народы. А Гратлоргарн всегда был рабом своего Бога, и постоянно лез в мои дела, которых не понимал.

— А если я вдруг решу помочь вам, вы не... не превратите меня в куклу?

— Против вашего желания — нет.

— Вы не станете наказывать меня или мстить мне за что-то?

— Могу только наградить.

— Если я надумаю ехать к вам, где вас искать?

— Я пришлю вам адрес сообщением. Не помню наизусть, но это в... Троицком предместье, вроде как я правильно назвал это место.

— Хорошо. Спасибо вам за информацию. И... я не хотела вас обидеть.

— До свидания, Валерия, — пропел Мелизье, — очень надеюсь, что вы решите подарить мне ещё одну встречу.

Звонок завершился, и Лера задумчиво посмотрела на смартфон. Слова волшебника были похожи на правду и подтверждались последними событиями.

— Что думаешь? — спросила она Васю.

— Мне не нравится этот Гратлоргарн. Мелизье я тоже не доверяю, но в ролике всё чётко видно. Вроде, он дело говорит.

— И всё-таки я его опасуюсь.

— Я тоже. Тем более он опоил и поцеловал тебя. Но теперь я тебя не брошу, что бы ты ни решила.

— Ты тоже думаешь о том, чтоб поехать к нему?

— Между ним и драконом я бы выбрал всё-таки его. В конце концов, на том видео он показывает, чего стоит, а не просто мелет языком. К тому же, до Троицкого предместья совсем близко.

Смартфон Леры издал характерный звук нового сообщения.

— Мне, наверно, надо прочитать заклинание, чтобы машина завелась? — спросила девушка.

— Не надо. Ты вчера ключи наколдовала, они появились в зажигании.

— Тогда вези нас к волшебнику. В конце концов, он обещал не мстить и дать нам уйти.

Отъезжая со стоянки, Лера не сводила глаз с железной двери под яркой вывеской. Она боялась, что вот сейчас из неё выйдет Гратлоргарн с изуродованным лицом и остановит её побег. Однако этого так и не произошло. Очень скоро Вася вывел автомобиль на Немигу, и, сделав пару поворотов, въехал на улочку со старинными зданиями, узенькую и крутую. Строения прежних веков, маленькие и уютные, с изящными рельефами и витыми оградками, образовывали небольшую сеть улочек. Пройдя её насквозь, можно было оказаться над прекрасной Свислочью, утекающей в даль, и Островом Слёз, с расположившемся на нём Памятником Сынам Отечества, напоминающим часовенку. С другой стороны открывался вид на кафедральный собор, белеющий на возвышенности. От этого места веяло стариной, и только рекламные вывески, да блестящие на солнце вдалеке высокотехнологичные стеклянные здания разрушали это ощущение.

А под одной из вывесок, рядом с маленькой дверью, стоял громила Казанцев. Лера попросила Васю остановиться рядом. Мертвец подошёл и, словно швейцар, открыл дверь. Девушке было жутковато рядом с этим существом, недавно убивавшим больных, но, с другой стороны, волшебник обещал, что не тронет её. "А если он имел в виду только себя, а эта штука сейчас нападёт?" подумалось ей, когда она уже вышла из машины, однако Казанцев просто стоял и не двигался с места. Тем временем дверь открылась, и на пороге показался сам Мелизье, одетый в белую мантию, как на видео.

— А, прекрасная Валерия, — пропел он, — А кто этот мощный молодой мужчина?

— Меня зовут Василий, — ответил Вася, закрывая за собой водительскую дверь, — я парень Леры.

— Что ж, рад знакомству, хоть я и надеялся, что госпожа Валерия свободна. Прошу, проходите.

С этими словами волшебник скрылся за дверью. Там обнаружилась лестница вниз, спустившись по которой Лера и Вася оказались в довольно просторной комнате с ещё одной дверью напротив. Судя по следам от мебели на полу, здесь совсем недавно было что-то вроде кафе или бара со всей обстановкой, но теперь остался только массивный деревянный стол с двумя лавками, накрытый и уставленный различными лакомствами. Здесь были нарезанные сыры, фрукты, бутылки с дорогими на вид винами, различные печенья и пирожные, не было только мясного.

— Усаживайтесь поудобнее, — пригласил Мелизье, занимая место у стола, —

располагайтесь! Всё для вас! Так, а где гуляш? Анна, где вы пропадаете? Наши гости наверняка хотят угощения!

Противоположная дверь открылась, и в комнате показалась Анна Афинская в красном бальном платье и с большим блюдом в руках. На нём были выложены в один слой испускающие пар кусочки мяса в подливке. Севший было к столу Вася вскочил и отступил на шаг, готовясь к нападению, однако лицо молодой женщины было абсолютно безмятежным и сияло милой улыбкой.

— А вы, Василий, значит, тот самый герой, который спас Валерию от Анны, — догадался волшебник, — Не бойтесь. Пока вы мои гости, Анна встречает вас как гостей.

Тем временем колдунья разложила мясо по тарелкам и, сев рядом с Мелизье, отправила маленький кусочек себе в рот. "Если б мясо было отравлено, она бы не стала есть", подумалось Лере, и девушка, сев напротив, тоже попробовала угощение. Вкус показался ей немного странным, но приготовлено было хорошо. Вася последовал примеру своей девушки, хотя и продолжал настороженно смотреть на Анну.

— И так, — воскликнул волшебник, театрально взмахнув руками, — о чём бы вы хотели поговорить?

— Если уж мы будем работать с вами, расскажите, что вы за человек, — предложила Лера, — историю Гратлоргарна я знаю, практически начиная с его детства. Прежде чем принимать решения, мне хотелось бы лучше понять и вас.

— Что ж, как пожелаете! Говорите, знаете историю Гратлоргарна с его детства? Хорошо, я тоже начну со своего.

Лере не очень хотелось выслушивать настолько долгую историю, особенно если она окажется подробной. Хотя, чем больше она узнает об этом странном человеке, тем лучше.

— Я был вторым сыном славного лорда Жерарда Мелизье. Мой старший брат, Петер, должен был стать наследником и взять бразды правления нашими обширными землями в свои руки, и его учили править с самого детства. Меня тоже не миновали политические и хозяйственные науки, но брат был во всём лучше, и родители дарили ему всю любовь за нас двоих. А я был не против! Нет, я не ревновал! Наоборот, я радовался за брата, тем более что меня всегда больше интересовала теория волшебства. О, это прекрасно — изучать загадочные и изменчивые законы, по которым существует магия, открывать новые знания, и учиться творить чудеса!

— Не ешь мясо, — шепнул Лере Вася, — оно странное на вкус. Я где-то читал описание такого, но что именно — не могу вспомнить. Это вроде была какая-то книга про Вторую мировую...

— Василий, вас что-то тревожит? — поинтересовался Мелизье.

— Нет-нет, продолжайте.

— Ну, так вот. Я занимался магическими науками, а мой брат учился быть лордом. Отца однажды сильно ранил и проклял чернокнижник огров, грабивших наши земли, и рана никак не хотела затягиваться, ни естественным, ни магическим путём. Тогда мой брат заменил отца во главе наших земель, и жизнь на них стала ещё прекрасней! Да, он оказался невероятно умелым правителем. Отец не мог нарадоваться на него, а я получил возможность не отвлекаться от своих занятий. Брат помог мне получить доступ к редчайшим трактатам, в том числе и тем, что считались запретными. Ох уж эти тираны, так любят утаивать и уничтожать знания! Мои изыскания приносили плоды, и с помощью созданных мной чудесных предметов наши люди работали лучше, а уставали меньше. А ещё я познакомился с

одним чудесным созданием — феей маленького лесного пруда, отшельницей, жившей вдали от поселений своего народа. И её тоже интересовала волшебная наука! Мы проводили вместе всё своё время, изучая редкие тома, ставя эксперименты, и просто любуясь друг другом. Ах, как она была прекрасна! И она знала заклинание, позволяющее принимать размер, свойственный представителям другого народа, чем пользовалась, чтобы радовать меня своей лаской. Но случилось так, что моего брата поразила неведомая и страшная хворь. Ни волшебники, ни даже жрецы ничего не могли поделать с ней, а ведь наша семья истово поклонялась скандинавскому Пантеону! Брат мучился больше месяца, и, в конце концов, почил. Его хоронили с великими почестями, как героя. Да он и был героем. Не раз он отбрасывал злобных тварей, посягавших на наши деревни, а в мирное время у нас процветали торговля и искусство, не говоря уже о науках. И вот, по праву приоритетности наследования, во главе наших земель стал я. Стоит ли говорить, что у меня не было и толики знаний и подготовки брата? Да, меня учили, но политика и экономика были мне настолько безразличны, что я не усвоил и трети уроков. Отец сильно волновался, поскольку, в случае народного недовольства, по нашим законам король вправе отозвать нерадивого лорда, посадив на его место более компетентного. А народное недовольство было. Коммуны наших деревень всё чаще высылали в королевскую канцелярию докладные грамоты об ухудшении условий жизни. Может, они были и правы, ведь участились случаи контрабанды, нераскрытых преступлений, а одну деревню даже разорила группа троллей, потому что меня не смогли вовремя найти в лесах, где я проводил эксперименты. Король не раз вызывал меня, и только из уважения к отцу и брату не лишал земель.

— Странные у вас законы для сказочного средневековья, — заметил Вася.

— О, у нас средневековье закончилось ещё раньше, чем в мире От... в вашем мире. Мы прошли через ваши фашизм, капитализм и коммунизм, а ещё — через магократию, анархо-гедонистическую систему и гумантность. Мы усвоили опыт прошлого, и живём при элитаристических монархиях. Этому строю уже почти тысяча лет, и он не торопится себя изживать. Так вот, над нашей семьёй нависла угроза потери статуса лордов. Отец сильно из-за этого беспокоился, да и меня не прельщала перспектива быть отозванным в столицу и получить титул рыцаря-чародея, потому что это значило ездить по приказу лордов на битвы и редко видеться с любимой. И я решил вымолить просветление у самого Одина. Я долго молил его, но он не отвечал мне, как вдруг однажды во время своей молитвы я потерял сознание. Когда я очнулся, у меня было чёткое представление, как подавить недовольства и железной рукой править моими землями, но языческий Пантеон всегда требует жертву за свои дары. И жертвой оказалась любовь. О нет, фея не погибла, но наше чувство друг к другу исчезло, оставив после себя пустоту и бессмысленность.

— Но оно хоть стоило того? — спросила Лера. После Васиного совета она не съела больше ни кусочка мяса, в то время как тарелки перед хозяевами были пусты.

— Ничто не стоило того. Дела на землях пошли хорошо: мои агенты отслеживали и гасили любые недовольства, а стража вызывала меня при первых признаках чудовищ, которых я немедленно выжигал своей магией. С контрабандой и воровством было покончено, налоги лились рекой в нашу казну, а из неё — в казну короля, хоть торговля и не спешила возрождаться. Даже люди приняли новый уклад, но что-то по-прежнему было не так. В душах моих подданных поселились апатия и уныние. Искусства не находили больше отклика в людских сердцах, моё же сердце было окончательно опустошено. Потонув в должностных делах я не находил времени на свои исследования, и так и не смог снова

полюбить. Даже отец сначала радовался моим успехам, но всё больше отстранялся, и, в конце концов, замученный проклятой раной, умер. Меня прозвали в народе "Поль Деревянное Сердце", и я не в силах был что-то с этим сделать. Сам того не сознавая, я пожертвовал всем, что было мне дорого, ради своего народа, а они не оценили это. И я стал искать выход. Магия может многое, но дать счастье не способна. И я просил у Пантеона счастья для себя и своих людей. Я молил всех известных богов, но одни из них не отвечали, а другие давали знак, что не способны осчастливить. Я приносил огромные жертвы, строил храмы и капища, и казна стала постепенно пустеть. Я повысил налоги, и люди снова начали роптать. И тогда я понял, что Пантеон жесток, и, даруя что-то, отнимает нечто куда более важное. Я возненавидел его за это и обратился за помощью к его врагам.

— Вы призвали демонов, — догадалась Лера.

— Да. И они сказали, что заполнят пустоту во мне. Они сказали, что радость и счастье всегда ведут только к боли и утратам, но они могут дать мне и моим людям нечто иное — бесконечное наслаждение! Мне было нечего терять, и я испробовал их метод на себе, создав филиктерий и лишив жизни своё тело. И это помогло! Пустота заполнилась... чем-то, а меня переполнило наслаждение! Наслаждение своим новым существованием, телом, положением дел. Может, обстановка в моих владениях не изменилась, однако, полностью изменилось моё отношение к ней! И я дал это наслаждение всему своему народу. Сначала гвардии, потом всем регулярным войскам, страже, а потом остальным людям. Они сопротивлялись, и мне пришлось заставить их. Ритуал лича был слишком сложным, и мне пришлось сделать своих воинов амбулякрами, а народ — скелетами. Да, они теперь не могли колдовать и использовать артефакты, но с их новыми телами это было и не нужно! И я чувствовал их наслаждение, особенно сильно — когда они лишались жизни, чтобы потом их существование наполнилось удовольствием. Нам больше не нужна была казна, а чудовища сами обходили наши земли, так что я снова смог заниматься своей любимой магией, и мои новые друзья помогали мне в этом! Я узнал так много нового, как не узнавал никогда! И я отправился на поиски моей феи, в надежде, что смогу сделать её такой же, как я, и так восстановить нашу отнятую Пантеоном любовь. Я нашёл её у лесного пруда, но она не приняла моё новое естество, а я не смог приблизиться к ней: силы Пантеона пронизывали пруд, вызывая во всём моём теле страшную боль, от которой я мог погибнуть. Преисполненный ненависти к Пантеону я вернулся в родные земли, но обнаружил там лишь разрушение и армию смертных, ведомых рыцарями под знаменем с крестом. Паладины, безжалостные служители Пантеона, уничтожили весь мой народ, но главное — лишили его наслаждения, а значит, отняли его и у меня. Я напал на них, и сражался, как мог, но силы Пантеона, сопровождавшие рыцарей, делали их неуязвимыми для моих друзей, и те сказали мне бежать. Я долго скитался по землям людей и гоблинов, ненавидимый и ранимый, даруя наслаждение всем, кому мог, и, в один прекрасный день, друзья нашептали мне создать артефакт, силой которого я мог дать наслаждение всему миру. Для этого надо было просто накопить боль, очень много боли. Я сомневался, но потом понял, что изъязв всю возможную боль из несчастного живого существа, я могу даровать ему вечное наслаждение, и он простит меня за это. И я начал трудиться не покладая рук. Я развернул базу, собрал вокруг себя подобных мне существ, и накапливал боль, а заодно и силы, чтобы противостоять войскам Пантеона. И вот, когда всё было готово, появился этот Гратлоргарн, подло и вероломно напал на меня и уничтожил величайшее свершение в моём существовании! И с ним были силы Пантеона! Ох, как же я ненавижу его за это!

— Я понимаю вас, Поль, — произнесла Лера, — и мне правда искренне жаль вас. Судьба была несправедлива к вам, и ошибки вы совершали только из благих намерений...

— Благодарю вас, Валерия! Я знал, что вы сможете понять меня, и хочу наградить вас за это. Анна, дорогая, Вы ведь хотите отомстить Василию за его вчерашний поступок?

— Конечно, — мило улыбаясь, ответила женщина, и поднялась из-за стола.

Увидев это, Вася вскочил и заметался по комнате, но у выхода стоял громила Казанцев. Парень кинулся ко второй двери, но Мелизье вскинул руку, и из пола вылезли огромные шипастые корни, перекрывая и этот выход. А тем временем Анна закончила шептать заклинание и тоже вскинула руку. На глазах оцепеневшей Леры выпущенный ведьмой поток огня накрыл Василия, и тот, крича от боли, упал на каменный пол.

— Да вы же... Вы же обещали... сбивающимся голосом пробормотала девушка.

— Что пообещал? — расплылся в сладкой улыбке лич, — Я не говорил, что не трону Василия, и даже не знал о его существовании! Именем Эрция Алурио, успокойся.

С этими словами он вскинул руку, и Лере на миг захотелось расслабиться, после чего её тело как будто одеревенело. Руки и ноги перестали слушаться и замерли, а дыхание не поддавалось контролю, хотя и позволяло говорить. И только шея и голова девушки всё ещё слушались её.

— Обманщик! — воскликнула она, — Ты обещал...

— Я помню каждое своё слово, — вкрадчиво заявил Мелизье, — я обещал не мстить и не наказывать, и я не мстил и не наказываю. Я сказал, что могу наградить, и я дарю тебе величайшую награду — сделаю амбулякром!

— Но ты обещал не делать этого...

— Если ты будешь против. А ты не будешь против, когда я тебя убью. Мёртвым всё равно, что с ними делают. А душонке твоей будет не до того. Но сначала твоё мёртвое тело должно будет послужить моему плану. А у нас тут есть провинившиеся. Анна?

— Да, мой Поль? — промурлыкала ведьма.

— Вчера вы меня очень огорчили. Да, вы принесли мне филактерий, но при этом ваша глупость сорвала операцию, которую я так блестяще спланировал, как только понял, что за мной наблюдают. Я рисковал, но всё шло идеально по плану, пока вы не позволили ударить себя по голове. Если бы вы не совершили эту глупость, сейчас бы в моём распоряжении был живой дракон, с которым я бы делал всё, что захочу. Он ответил бы за всю боль, причинённую мне.

— О, мой господин Поль, я так виновата перед вами! — с интонацией нашкодившей дурочки запричитала Анна, — Как мне искупить свою безмерную вину?

— Ну, кое-что вы уже сделали, — покосился Мелизье на недоеденное мясо в тарелках, — но я хочу вас наказать серьёзнее. Вы... любите цветы?

— О, конечно, господин Поль, я их просто обожаю!

— Тогда вы станете моим цветком! Как вам это нравится?

— О, мой господин! Я виновата перед вами, а вы хотите наградить меня?

В этот момент у Леры возникло чувство, как будто за ней кто-то наблюдает из-за спины. Этому чувству можно было сопротивляться, но девушка не стала. А еще Лере вспомнилось её собственное состояние в доме Мелизье, когда они танцевали и он целовал её.

— Ты и её опоил той дрянью в вине! — воскликнула она.

— Опоил? — возмутился некромант, — Ах, ты настолько плохого мнения обо мне? И

ты не заметила, что выпила вино, уже будучи под действием моих чар? Как и Анна сейчас.

— Да, господин, — пропела колдунья, — я очарована вами!

— Так, мы, кажется, остановились на цветке. Как думаете, Анна, цветам нужна одежда?

— Ну, они и так красивые...

— Правильно, так что снимайте ваше платье. Оно вам больше не понадобится.

Роскошное красное одеяние за пару движений оказалось на полу, и Анна предстала перед Лерой и Мелизье обнажённой, демонстрируя немного нескладное, но красивое тело.

— Замечательно! — воскликнул некромант, а как на ваш взгляд, цветам нужны ноги?

— Ой, я не знаю. Правда, господин, я не знаю! Наверное, нужны?

— А что, цветы куда-то ходят?

— Простите, господин Поль! Конечно, нет! Цветам не нужны ноги!

— Вот и замечательно, — Мелизье поднял со стола один из ножей, и провёл ладонью вдоль лезвия, — Значит, если вы будете моим цветочком, ноги вам не понадобятся. Теперь этот нож будет очень острый и какое-то время не затупится. Возьмите его и отрежьте себе ноги по колено. То, что выше, будет вашими корнями. И не забудьте залечить свои раны, чтобы цветочек не завял!

С радостной наивной улыбкой молодая женщина принялась исполнять приказ волшебника. С отвращением и ужасом Лера отвернулась, но осознание происходящего мучило её из-за мерзкого чавкающего звука.

— Я всё сделала, господин Поль, — через некоторое время пропела Анна так, будто только что не правила себя.

— Это прекрасно! Вам так идёт! А как думаете, цветочку нужны руки?

— Наверное, нет? Так, господин Поль?

— Так чего же вы ждёте? Начинайте, прямо у плеча!

— Но господин Поль, как же я отрежу вторую руку?

— А мой цветочек такой сообразительный! Не беспокойтесь, вторую руку отрежу вам я!

— Ах, господин, вы так добры! — послышался восхищённый голос Анны под уже знакомые отвратительные звуки, — Мне так больно, но я рада, что вам нравится, какой я становлюсь!

— О да, мне очень нравится. Но цветочек должен жить в земле, иначе его корни засохнут и он умрёт! Казанцев, тащите-ка сюда цветочный горшок.

Послышались громкие шаги и стук двери, а потом стук камня о камень, как будто что-то тяжёлое кантовали по лестнице. Тем временем хлюпанье стихло.

— Вот, это как раз то, что нужно! Только такой грубой формы... Ай-яй-яй, совсем безвкусная клумба! Это надо изменить!

Послышался шёпот заклинания и каменный скрежет.

— Вот так получше будет. Казанцев, помоги госпоже Анне оказаться в её новом горшке, а я пока сделаю лунку.

Послышался шорох земли и какая-то возня, но вскоре всё стихло.

— Валерия, ты так и будешь воротить от нас нос? — послышался злобный голос Мелизье.

Лера с усилием заставила себя посмотреть в сторону, из которой звучал шум. Над огромным, размером с клумбу, каменным горшком в форме большого цветка, возвышалось изящное и хрупкое тело Анны. Рук не было, а на их месте виднелась только гладкая блестящая кожа. А сама молодая женщина была вкопана в землю, и та ей доходила где-то до

копчика. Лицо несчастной сияло благостной улыбкой, а всё вокруг было залепано кровью, в том числе кушанья на столе и одежда Леры.

— Теперь я ваш цветочек, господин Мелизье?

— Нет, вы ещё пока глупая красивая женщина, сидящая в земле, но сейчас я сделаю из вас настоящий цветок, который будет питаться через корни.

С этими словами некромант достал из-за пазухи маленькую стеклянную бутылочку, в которой извивалось что-то чёрное. Вытащил пробку и высыпал содержимое Анне на грудь. Десятки тонких чёрных нитей сразу впились в плоть и скрылись в ней. Лере вспомнился рисунок болезни, сделанный на тесте Гратлоргарном. Она поняла, что только что произошло.

— Вот теперь ты, тупая драконья подстилка, настоящий цветок, — процедил сквозь зубы Мелизье, — Гордись, я в тебя весь запас истратил. А ты, Валерия, тоже не грусти. Ты будешь приманкой для нашего общего знакомого. Правда, живой тебе для этого быть не обязательно. И это не наказание и не месть. Так мне просто хочется. Видишь, я говорил только правду, а ты сама обманывала себя, потому что слышала то, что хотела! Ты сама залезла ко мне в ловушку, хотя точно знала, что это будет ловушка. И ты сама позвонила мне, хотя знала уже тогда, кто я такой. А всё почему? Потому что красавец в белой мантии победил злобного дракона на ожившей картинке, а твой друг — ой, какой ужас! — поддался на провокацию и убил несколько человек, которые сами напали на него! Нет, ты даже не представляешь, как я люблю ваш мир с его переписанной на коленке с книг Пантеона моралью, которую вы сами трактуете так, как вам удобно! Посмотри правде в глаза: единственное, что важно — твоё собственное наслаждение, и даже вы, живые, только ради собственного удовольствия делаете как зло, так и добро. Вы подаёте милостыню, чтобы потешить свою гордость, помогаете близким, чтобы избежать мук совести. И вы не нападаете на тех, кого ненавидите, только из страха быть наказанными! Ваши учёные правы: вы — лицемерное стадо, умные обезьяны, животные, возомнившие себя свободными! А настоящая свобода приходит только тогда, когда тело умирает, но продолжает действовать. Хотя бы перед смертью пойми, что я прав!

С этими словами он схватил со стола окровавленный нож и быстрым движением полоснул по Лериному горлу. Боли девушка в начале почти не почувствовала — таким острым было орудие. Однако тёплая кровь хлынула по груди, и внутрь, в лёгкие. А дышать стало невозможно. Краем сознания девушка уловила, как со скрипом исчезают волшебные корни, хлопают двери и удаляются шаги.

Смерть, забравшая Васю, пришла за ней. Лера осознавала это, но не страх мучил её. Досада и чувство вины за смерть любимого человека терзали её душу. Как могла она поступить так по-дурацки, и втянуть себя и его в такую очевидную западню? А теперь он мёртв, и это уже нельзя было исправить... Или можно было? "Я слышала о случаях, когда погибших оживляли, и даже массово", — вспомнились ей слова Згалики. Это была крохотная ниточка надежды, в которую почти не верилось. Но это было единственное, что могло исправить содеянное Лерой. И девушка ухватилась за эту ниточку. Она найдет способ, добьется того, чтобы вернуть Васю. Если есть хоть малейший шанс, что это возможно, она его не упустит. Но для этого нужно было выжить.

Лера чувствовала, что угасает. Кислорода в крови оставалось всё меньше и меньше, а от горла распространялась жгучая боль. Последним усилием девушка вспомнила имя целительницы из другого мира и, преодолевая удушье и головокружение, направила все

остатки своей воли в желание жить. Жить, ради Васи. Жить, чтобы исправить сотворённую ею несправедливость. И не сдаваться. Из воздуха в лёгких уходил последний кислород, и мозг чувствовал недостаток этого вещества, отдаваясь болью. Девушка изо всех сил старалась не терять сознание, как вдруг поток свежего воздуха ворвался в её лёгкие. Ей удалось, её горло стало целым! Лера закашлялась и сплюнула кровь. Её мутило, и лёгкая, но мерзкая головная боль наполняла череп. Однако Лера снова почувствовала своё тело, и, покачиваясь, поднялась. Она была жива, и теперь у неё была цель — вернуть любимого. А для этого следовало срочно действовать. Обойдя на безопасном расстоянии Анну, Лера рванула на себя дверь, через которую вошла. Та даже не шелохнулась.

— О, вы можете даже не стараться, — услышала она Аннин голос, — на двери запирающие чары. И на задней двери — тоже. Мой дорогой Поль сделал это, чтобы дверь пришлось выбивать, и мой мужёнок не почувствовал подвоха. Хотя, я не очень понимаю, почему вы живы.

— Ты, стерва! — закричала Лера, — Ты убила моего Васю! Чтоб ты сдохла в мучениях!

— О, что вы! Теперь я не умру никогда! Я знаю, что это за червячки! Мне будет больно, очень больно, но я буду жить, даже если мне отрубить голову. И я с удовольствием помучаюсь ради моего дорогого Поля!

Лера заглянула в дверную щель. Дверь открывалась в обе стороны, а защёлка была утоплена: открыть её мешала только магия. Девушка приложила к ней руки и попыталась сосредоточиться на желании рассеять магию, но почувствовала только укол головной боли. Она сделала усилие ещё несколько раз, но результат был тем же: боль от недавнего недостатка кислорода мешала концентрироваться на магии, тем более что нужных слов Лера не знала. Девушка кинулась к другой двери, но Анна не обманула: та тоже была закрыта. Обернувшись, Лера с презрением посмотрела на безрукую колдунью.

— И ты так и будешь торчать в своём дурацком горшке? — закричала она, — Тебе нравится быть беспомощным куском мяса, которым тебя сделал этот... этот... — она привыкла не ругаться матом, но сейчас множество самых резких выражений так и просились на язык.

— Я делаю важную работу, — возразила ведьма, — у Поля есть план, и я должна ему следовать. Я очень нужна ему, и я — его цветочек! Он вернётся за мной, когда всё закончится, и я буду радовать его своей красотой! Что может быть прекраснее и важнее этого?

— Не знаю, — злобно процедила Лера, — может быть твой ребёнок?

— Ребёнок? — в глазах Анны отразилось изумление.

— Да, дура, твой ребёнок! Тебе было совсем плевать на него, когда ты отрезала себе руки?

— Но у меня ведь нет ребёнка? Правда? Какой ребёнок? — глаза Анны округлились, она замотала головой.

— Какой? Да тот самый, который ревел во всё горло, когда я была у вас! Тебе тогда было плевать на него, и сейчас плевать?!

Анна ошарашенно выпучилась на Леру, на её лице мелькнуло осознание, и в следующий момент она дико заверещала, глядя перед собой. Воздух в её лёгких закончился, она вдохнула и повторила вопль. Глядя на неё, Лера почувствовала какое-то странное сомнение, которое она не смогла объяснить.

— Ну чего орёшь? Где твой ребёнок? С Лидией... как её по отчеству?

— Он заставил меня! — проверещала Анна, — Димочку! Он заставил меня моего Димочку!

И она дикими глазами посмотрела на стол, где в Лериной и Васиной тарелках осталось недоеденное мясо. Страшная догадка посетила Леру, но она готова была поверить во всё, что угодно, но только не в это.

— Говори, где он, — закричала она на безрукую женщину, — Где он? Что ты с ним сделала?!

Но Анна только заверещала ещё сильнее и залилась слезами. Перед глазами Леры поплыло, а её живот скрутило. Она упала на колени в угол, и приступ рвоты одолел её. Она поняла, чьё было это мясо.

— Я не хотела, — услышала она причитания у себя за спиной, — Я... я любила Димочку! Нет, этого не могло быть! Нет! Я не могла этого сделать!

Лера поднялась с колен и повернула голову. Перед ней из каменного горшка торчала несчастная женщина без рук. Её тело беспомощно извивалось, но было не в силах выбраться. И ей придётся жить в мучениях с тем, что она сотворила, вечно, если только её не постигнет ужасная, полная боли, смерть. Девушке вспомнилось её собственное состояние, когда колдун очаровал и поцеловал её. Она представила, как Анна в таком же состоянии держит своего ребёнка на руках, не способная осознать то, что вот-вот совершит, и ей стало жалко эту глупую женщину.

— Это сделал Поль Мелизье, — произнесла она, утирая лицо краем кофты.

— Да будь он проклят! — закричала Анна, а Лера продолжила:

— Это он убил твоего ребёнка и моего Васю. Сделал это так, чтобы нам было как можно больнее. Чтобы я ненавидела тебя, и ты ненавидела себя. Потому что ему хочется, чтобы мы страдали, он упивается этим! Заставляет нас поверить ему, играет с нашими чувствами, приводит убедительные доводы, и всё для того, чтобы нами воспользоваться, а когда мы его разочаровываем — уничтожает нас самым болезненным для нас способом.

Анна согнулась в подкову и громко рыдала. Лера опустила на лавку, оттолкнув от себя тарелку. Ей не хотелось думать ни о чём. Она чувствовала себя уставшей и опустошённой. Голова болела, а перед глазами плыло. Пепел от Васи был рассыпан рядом. Лера вступила в него, когда пыталась открыть заднюю дверь. Чувство, будто за ней наблюдают, не проходило, и немного пугало, но это были мелочи. Ради Васи надо было выбираться, но выхода не было.

— Анна, — произнесла она, — ты можешь выпустить нас отсюда? Я приведу помощь, и, может быть, тебя спасут.

— Пусть лучше убьют. Я не хочу жить.

— Решим потом. Но сейчас мне нужно выбраться отсюда, ради нас обеих и ради тех, кого мы потеряли.

— Я... я не могу. Со мной что-то происходит. Всё тело болит. Я не могу сосредоточиться. Это от червей! Нет, я не хочу так! Валерия, Лера, Лерочка, пожалуйста, убей меня!

— Это не так просто. Я тоже знаю, что с тобой сделали. Гратлоргарн говорил, что поможет только огонь.

— Тогда сожги меня, пожалуйста! Там вино на столе...

— У меня нет зажигалки. Я не курю. И есть ещё способ тебя спасти! Для этого нужен изумруд...

— Я не хочу жить после того, что сделала с Димочкой!

— И отомстить Мелизье ты тоже не хочешь? К тому же, есть способ вернуть из мёртвых...

— Это я виновата! Я не хочу жить! Я ничего не хочу! Только умереть.

Накатившая злость заставила Леру встать. С трудом подняв лавку, она с разгону ударила ею в дверь. Послышался стук дерева о дерево, но дверь не шелохнулась, и на ней не появилось даже царапины. Девушка разогнала ещё раз, и вложила в удар всю силу. Руки соскользнули, лавка покосилась и обрушилась на Лерину ногу. Потеряв равновесие от удара и ушиба, девушка повалилась на землю, едва увернувшись, чтобы не упасть к Анне в горшок, где её ждало бы заражение и смерть. Поднявшись на колени, она зарычала от беспомощного гнева.

Но тут, сверху слышались шаги и какой-то шум. Дверь пару раз сверкнула, но не открылась. Послышался мощный удар — мощнее, чем попытки Леры, и дверь дрогнула. Поняв, что сейчас случится, девушка отползла в сторону прежде, чем слышался ещё один удар. Петли с треском вырвались из стены, и дверь вылетела из проёма от удара сапога. На пороге стоял Гратлоргарн, а из-за его спины выглядывали остальные — Даша и Згалика с Бердияром в человеческом облике. Увидев его, Анна подняла голову и простонала:

— Саша, это ты? Пожалуйста, убей меня.

Гратлоргарн посмотрел на неё и отшатнулся, а потом двинулся к ней, протягивая руки, но Лера успела крикнуть:

— Стой, она заражена!

Дракон остановился.

— Лера? Что ты имеешь в виду?

— Ты рассказывал об одной болезни. Иглоносый мышечный червь, кажется.

— Она права, Саша, — кивнула Анна, — не трогай меня. Он хотел, чтобы я заразила вас, когда вы попытаетесь мне помочь. Пожалуйста. Ты ведь умеешь дышать огнём, да?

— Что ты имеешь в виду?

— Этих червей можно сжечь. И меня тоже...

— Тебя ещё можно спасти — возразил дракон.

— Я знаю, Саша, но я не хочу. Я... убила своего ребёнка.

Лера увидела, как буря эмоций отразилась на лице Гратлоргарна.

— У нас был ребёнок? — произнёс он.

— Нет, Саша, прости. Я нашла другого. Мы тогда уже несколько месяцев не спали. Понимаешь, ты потерял работу, и я знала, что найти новую в твоей ситуации почти невозможно. Я искала запасной вариант. Ну и...

Гратлоргарн закрыл лицо руками.

— Твоей вины в этом нет. Это был я. Я запустил всё это, когда ударил тебя и маму. Прости меня, Аня! Всё это из-за меня...

— Саша, я достаточно винила тебя, ненавидела, и вот к чему это меня привело. Ты был дурак, да. Но сейчас уже поздно думать об этом. Если ты, правда, нуждаешься после всего этого в моём прощении — я тебя прощаю. Но теперь... Теперь, пожалуйста, дай мне своё пламя. Я страдаю каждую секунду этого разговора. Если в тебе ещё остались хоть какие-то чувства ко мне кроме презрения, закончи это.

Ладони дракона сползли с лица, выпуская облачко зелёного тумана. Он взревел, и поток пламени обрушился на безрукую женщину. Она умерла быстро, куда быстрее, чем Игорь и

Вася. Над горшком остался только чернеющий скелет, но Гратлоргарн продолжал выжигать его.

Поток пламени заполнил всю комнату. Его языки коснулись и Леру. В испуге от возможности сгореть заживо, она выскользнула в проём выбитой двери, и только тогда заметила что ни ожога, ни прожжённых мест на одежде не осталось. Девушка поднялась по лестнице, однако у самого выхода чьи-то сильные руки схватили её. Она уж было решила, что это Казанцев поджидал её, но почувствовала, что руки тёплые.

— А ты опять решила убежать, — услышала она голос Бердияра, — Что, у Мелизье вакансия появилась?

Кавказец ухватил Леру сзади и теперь крепко держал, прижимая к себе. Они с девушками, видимо, тоже убежали от огня, и теперь стояли у двери. Згалика, увидев реакцию Бердияра, подскочила, и принялась размыкать его руки.

— Милый, ты чего? Она же наша подруга!

— Подруга? Да она предала нас при первой возможности, а я ненавижу предателей! Стоило нам оставить её с парнем, как всё, пошли мы лесом!

Ну, Бердиярчик, ну отпусти её! Да и вообще, нашёл повод других девушек лапать!

Горец нехотя разжал руки.

— Ты зря её жалеешь, рыбонька. Приберегла бы свою сердобольность для кого подостойнее. Не удивлюсь, если она работает на этого гада!

— Вообще-то гад, то есть рептилия — это я, — послышался снизу голос Гратлоргарна, и он, опираясь на стену, поднялся наружу, — Лера, у меня к тебе есть вопросы.

— Я не предавала вас, — ответила девушка, — Да, я уехала не предупредив. И да, к этой твари. Мне нужны были ответы. И я дорого поплатилась за это своё решение.

— Мелизье не достоин называться тварью. Бог не сотворил его таким. Скажи, я видел пепел с обгорелыми костями и следы пламени. Не моего. Это то, что я думаю?

Лера стиснула зубы.

— Я сразу сказал, что зря ты его впутала. Но, по правде говоря, не могу осуждать тебя за то, что ты не веришь на слово почти незнакомым существам. Не знаю, как я бы поступил на твоём месте.

— Подожди, — возмутился Бердияр, — Ты её оправдываешь? Как по мне, она заслуживает наказания!

— Она его уже получила. Её парень погиб довольно паршивой смертью по её вине, и она явно сделала из этого выводы. Но ты же не об этом, да? Ты имел в виду, что её стоило бы покарать. Я с этим не согласен. Она спасла мне жизнь вчера, и повторила это сегодня. Если бы я дотронулся до Анны, мне пришлось бы летать в облике дракона, пока мышечные черви не передохли бы без земли. А если бы я не выдержал, то рухнул бы на землю, и не факт что нашлось бы пламя, способное сжечь меня и оборвать мои мучения. Я могу её покарать, но совершенно не хочу, потому что это было бы не правильно.

Бердияр кивнул.

— Да, ты прав. Пожалуй, я сам в своё время куда сильнее провинился по дурости, чем Лера сейчас. А ты всё равно спас нас с Людмилой, да и всех остальных возможно. Лера, прости.

— Ты опять торопишься с выводами. Лера, что ты рассказала Мелизье?

— Ничего, — ответила девушка, — он больше сам говорил.

— Он рассказывал о своих планах?

— Нет, он говорил о прошлом. На самом деле, теперь мне понятно, почему он так ненавидит Пантеон.

Гратлоргарн усмехнулся.

— Пантеон невозможно ненавидеть хотя бы потому, что неизвестно, что он собой представляет, и кто в него входит. Мелизье жалок в этом отношении. Он приписывает свои ошибки богам, к которым обращался. Да, я знаю его историю. И мне кое в чём жаль его. Но Лера, не доверяй этому чувству. Существа вроде Мелизье видят в сострадании к ним слабость и не чураются использовать её в своих целях. А что ещё он говорил?

— Что-то про мораль, и что мы всё делаем для себя... и что мы сами себя обманываем. А больше, кажется, ничего.

— Ты не врешь. По крайней мере, не умышленно. И не пытаешься запутать полуправдой. Для меня этого достаточно. Так, надо решать, что делать дальше.

— Поехали обратно в клуб? — предложил Бердияр, — Я убедил босса закрыть его на время драконьих нападений, хотя это было непросто. Мы можем пока отсиживаться там.

— Не возражаю... а это кто?

По улице в сторону компании быстро шла фигура в старом грязном пиджаке. Растрёпанные длинные волосы спускались по плечам и спадали на грудь, а вместо лица белел покрытый лоскутами кожи череп. Мертвец двигался уверенно, несмотря на отсутствие глаз.

— Мелизье совсем с дуба рухнул послать против меня одного скелета? — усмехнулся Гратлоргарн, но тут же помрачнел, — Стоп, это что, мой скелет?

— Ты догадлив, — послышался жуткий утробный голос, исходящий от мертвеца.

— Они таки нацепили на меня пиджак, — пробурчал дракон, окутываясь зелёным туманом, — но у живого против трупа есть преимущество: всё, что нас не убивает, нас делает сильнее!

В тот же миг мёртвая фигура начала окутываться чёрным дымом, из которого послышался рык:

— В их понимании, в их разумении, в их прозябании, в их освинении!

— Так значит, амбулякр! — показался из рассеивающегося тумана Гратлоргарн, — Ну нет уж, из моего трупа сделают куклу только через мой труп!

Его гладкая травянисто-зелёная чешуя под ярко-красными крыльями сияла на солнце. При свете дня он представлял собой ещё более внушительное зрелище, чем ночью. Яркий, изящный и могучий, с увесистой головой на гибкой шее. Он возвышался на задних ногах, выгнувшись по лебединому и сложив крылья как плащ. Его длинный хвост кольцом лежал вокруг него, а передние лапы были сложены над впалым, покрытым мощными пластинами, животом.

Но дым рассеялся и вокруг его противника. Мёртвый дракон предстал во всём своём ужасном обличье перед Лерой и остальными. Его выцветшая чешуя топорщилась и болталась на тонкой складчатой коже, которая провисала под тяжестью брюшных пластин и покачивалась на ветру. Он появился в такой же позе, как и Гратлоргарн, но в нём не было изящности и мощи живого дракона — только их тусклое, выщербленное подобие.

— Бежим, — тихонько произнёс Бердияр и попятился к открытой двери, уводя Згалику за собой. Лера двинулась за ним, а Даша отступила последней, и еле успела закрыть дверь прежде, чем снаружи послышалось шипение: мёртвый дракон выплюнул струю кислоты. Послышалось хлопанье крыльев и угрожающий рёв. Видимо, драконы взлетели, и бой

перешёл в небо.

Внизу Даша сразу взялась за заднюю дверь. Похоже, ей тоже не хватало сил, чтобы полностью рассеять магию, но Бердияр закончил дело ударом ноги. По ту сторону оказалась кухня, перепачканная брызгами крови. Лера постаралась поскорее пройти её насквозь, в ещё одну дверь, за которой оказался маленький склад. Отсюда лестница вела вверх, и, поднявшись по ней, товарищи оказались на соседней улице. Бердияр повёл друзей по коротким извилистым улочкам, и вскоре они вышли к стоянке, на которой Лера увидела автомобиль кавказца. Пока товарищи бежали к машине и загружались в неё, над их головами шёл бой: драконы кружились, будто в танце, крутя бочки и мёртвые петли, и поливая друг друга огнём и кислотой. Резкий запах наполнил воздух, а жёлтые брызги время от времени падали на крыши и стены, оставляя шипящие следы. А иногда чудовища сталкивались, пуская в ход лапы и зубы.

Пробежка до машины под тенью дерущихся чудовищ показалась Лере вечностью. Наконец, запрыгнув в салон, девушка захлопнула за собой дверь, и автомобиль тронулся с места. Однако, выглянув в заднее стекло, Лера увидела, как мёртвый дракон, развернувшись, кинулся за ними. Первая струя кислоты оставила шипящее отверстие в асфальте: чудовище ошиблось с упреждением. Сделав крюк, Бердияр вывел машину на улицу Немигу, и начал набирать скорость. Однако, развернувшись по широкой дуге, мёртвый дракон снова полетел следом, готовясь опять плевать кислотой. И тут где-то сверху раздался рёв: "Огонь и прощение!", и струя пламени ударила в крылатого мертвеца, а следом появился и зашедший на него сбоку Гратлоргарн, слёту ударивший противника задними лапами по голове. Тот, едва не рухнув на дорогу, резко вильнул вслед за своим живым двойником, но вдруг, перевернувшись в воздухе, с диким воплем упал и покатился по земле. Гратлоргарн же, сделав круг над Кафедральным собором, мимо которого только что пролетел мертвец, уже зашёл на линию атаки. Но её последствия скрыл от Леры мост, под который въехал автомобиль.

Девушка повернулась на сидении и облегчённо вздохнула: кажется, бой чудовищ остался позади. Там, за домами, то и дело раздавался рёв, но эти страшные звуки удалялись. Бердияр сбросил скорость, а Даша, сидевшая на заднем сидении и тоже наблюдавшая за боем, заметила:

— Похоже, нашему дракону неслабо влетело.

— Ты же не будешь злорадствовать? — возмутилась Згалика, сидевшая спереди.

— После того, как из-за моего плана погибло множество людей, и это не заканчивается? Давай, Згалика, посмейся над моей глупостью.

— А вы заметили, что они превратились одновременно? — Лере вспомнился момент приближения мертвеца. Если бы он вылетел из-за домов и сразу окатил товарищей кислотой, им пришёл бы конец на месте.

— Какое это имеет значение? — пожалала плечами Даша.

— И до этого мёртвый дракон, кажется, появлялся только тогда, когда и Грат был в виде дракона.

— Ты к чему клонишь? — глянул Бердияр на Леру в зеркало заднего вида.

— Мне кажется, эти двое... ну типа синхронизированы. Идохлый зависит от Грата. Когда Грат дракон, то и он дракон. А когда человек... ну, вы поняли.

— И значит, Мелизье натравил на него солдат и подготовил ловушку с червями чтобы вынудить его быть в форме дракона? — догадалась Згалика.

— И поэтому была только рота с двумя танками и вертолётom, — подытожила Даша, — Мелизье не нужно убивать Грата, он нужен ему живым и в драконьей форме, чтобы его мертвец оставался драконом постоянно!

— Боюсь, для этого Грат не обязательно должен быть жив, — заметил Бердияр, — Мы не знаем этого наверняка. А я не знаю, могу ли доверять тебе, Лера, и твоим предположениям.

— Грат же тебе всё объяснил!

— У меня и своя голова на плечах есть. И теперь я буду поглядывать за тобой, как бы Грат к этому не относился. В конце концов, его никто командиром не назначал.

— Да? — взорвалась студентка, — Хочешь за мной поглядывать — поглядывай! В конце концов, больше мне от вас ничего не нужно!

Она отвернулась к окну, и почувствовала, как капелька стекает по её щеке.

— Бердиярчик, милый, ну зачем ты так с ней? — попыталась Згалика успокоить своего парня, — Что плохого она нам сделала? Только сама пострадала.

— Я не буду говорить, что она плохого сделала. Я не садист. Надеюсь, Грат вернётся живым, и тогда будем решать, что делать дальше, в том числе и с ней.

Глава девятая, об откровенности и женской силе

Вскоре машина остановилась у клуба. Следуя за остальными, Лера спустилась в полуподвальное помещение, где располагались обширный танцпол и бар. Сейчас здесь было пусто, как Бердияр и говорил.

— Будете брать напитки или еду — предупреждайте, — сказал он, — чтобы я потом заложил. Я надеюсь продолжить работать здесь, когда всё это закончится, и недостачи мне не нужны.

— Ты говорил, — заметила Згалика, но, похоже, сразу сообразила, кому предназначалась эта фраза, и смущённо скрылась за дверью служебных помещений.

Лера вспомнила о смартфоне. Достав и отключив его, она вынула сим-карту и спрятала в кармане. Ей не хотелось, чтобы её отследили. Разобравшись с этим, она опустилась за столик в углу и задумалась. Мысли о глупости решения переговорить с Мелизье лезли ей в голову, но она отгоняла их: она знала, что стоит ей заняться рефлексированием, как боль и чувство вины изведут её. Поэтому девушка попыталась сосредоточиться на том, что делать дальше. Слова о массовом оживлении, сказанные Згаликой, не выветрились из памяти, и теперь, во что бы то ни стало, нужно было найти способ совершить этот ритуал. Но для этого нужен был сильный жрец, и Лера знала только одного такого. Даша не создавала впечатление уверенного в себе человека, и, похоже, как и прежде страдала из-за гибели людей. Но просьбу девушки, уличённой в предательстве, она выполнять не станет, и надо было убедить её в нужности этого поступка. Правда, неизвестно было, знает ли Даша нужный ритуал, но Лера отбросила такую возможность: она не рассматривала варианты, делающие её цель недостижимой. А что в этом ритуале могло быть важным для Даши? В первую очередь жизнь людей, которую жрица Пантеона явно ценила очень высоко. Было бы удобно завязать на ритуал ещё и победу над Мелизье, но Лера не знала, как это можно было сделать. Нужна была информация, а ею владел только дракон.

Впрочем, он не заставил себя долго ждать. Вскоре снаружи послышался шум, и в дверь постучали. Ввалившись в клуб мимо Бердияра, открывшего ему дверь, Гратлоргарн доковылял до ближайшего столика и рухнул на диван.

— Как ты, дружище? — поинтересовался кавказец.

— Паршивенько. Я не ранен, это тебе не фугас в рожу. Но он здорово меня помял. Наше дыхание почти безвредно для нас: кислота не вредит шкуре зелёного дракона, да и огонь нам не особо страшен. Но в рукопашной он сильнее. Некромантия... Она укрепляет поднятое ею тело. Оно становится сильнее и крепче. Как там у Мартина было? То, что мертво, умереть не может?

— Но он же свалился от твоего удара? — подошла к столику Даша в сопровождении Згалики, — Я видела, ты хорошо его достал!

— Это не я, — возразил Гратлоргарн, — мой удар только отвлек его от вас. Он пролетел мимо церкви, а демоническим тварям долго не выдержать на святой земле. Оттого ему и стало плохо. Жаль что он далеко улетел по инерции. Больше он так не ошибётся.

— Ерунда, — возразила Даша, — это был твой удар. Магия Пантеона появилась тут только вчера в обед, я это почувствовала. Когда храм освещали, магия Пантеона не работала, и земля не стала святой...

— Христос не часть Пантеона, — гневно рыкнул Гратлоргарн, но тут же успокоился, — я не верю в это. Ты сама видела, что случилось с моим мёртвым двойником. А, не важно. Надоело. Дайте мне отдохнуть, и я вернусь в свой мир. Можете пойти за мной, или остаться здесь и бежать подальше — как хотите.

— И ты просто так сдашься? — возмущённо воскликнул Бердияр, — Позволишь поганому некроманту добиться своего?

— "Поганый" — значит "язычник". Не оскорбляй Дашу. И дайте мне отдохнуть. Мне знатно намяли бока, и в человеческой форме это очень больно.

Гратлоргарн действительно выглядел неважно. Крупные синяки покрывали как минимум всё, что не было скрыто одеждой. Лицо вспухло в нескольких местах, а губы были разбиты. Переглянувшись, трое его друзей удалились, и оставили его одного.

Но для Леры такое развитие событий было неприемлемым: если Гратлоргарн уйдёт в свой мир, вместе с ним станет недоступным и его знание, а Даша, скорее всего, не станет тратить силы на массовое оживление. Надо было что-то делать, пока не поздно. К тому же, глядя на измятого и побитого парня, девушке стало действительно жаль его. Он опять получил, защищая друзей, в том числе и её. И было ещё кое-что странное. Он не залечил свои раны, ни сейчас, ни вчера. А Лера смогла залечить перерезанное горло, хоть ей и побаливала после этого голова. С этим предлогом девушка и подошла к дракону.

— Да... Грат, тебе сильно досталось.

Дракон не показал недовольства на уменьшительную форму его имени, и Лера продолжила:

— Давай я помогу. Я ведь могу раны залечивать, ты не забыл?

— Только плохо обо мне в этот момент не думай, — криво улыбнулся дракон, — Хватит мне шрамов.

Такая особенность целительной магии была для Леры неприятной новостью, но надо было действовать. Она прикоснулась руками к плечу Грата и прошептала заклинание, стараясь с благодарностью думать о том, как дракон защищал её и бился со своей мёртвой копией. Это подействовало: синяки стали быстро проходить, а опухоль на лице — спадать.

— Спасибо, — произнёс дракон, и откинулся на спинку кресла, — но, думаю, ты не только вылечить меня собиралась. Хочешь сказать мне что-то?

— Почему ты решил уйти? — Лера решила действовать прямо.

— Потому что продолжать борьбу нецелесообразно. Пока мы дрались в небе, от нашего дыхания могли погибнуть простые люди на земле. Мелизье явно имеет крепкие позиции, ресурсы, много амбулякров и чёткий план, который мы не знаем. Он будет убивать людей об меня, а мне этого не нужно.

— Ты говорил, что в вашем мире нормально убивать в бою.

— Забавно это слышать от тебя. Мне думалось, что именно убитые мною люди заставили тебя обратиться к Мелизье.

— Я просто хотела правды.

— Правды? — Гратлоргарн усмехнулся, — Вот тебе правда. Мелизье устроил спектакль на камеру с собственным драконом, а я убил восемь человек, которые в нашем понимании не воины.

— Это почему?

— Потому что они шли в армию не для того, чтобы умереть за свои идеалы или убить за них. Да, в нашем мире крайне низка смертность на поле боя. Философия элитаризма

предполагает, что каждая жизнь ценна на столько, сколько пользы она приносит, и прочие права зависят именно от этого. А воины приносят народу два важнейших блага — порядок и безопасность. Поэтому смерть воина считается тяжёлой потерей. И хоть они и стремятся умереть за идеалы и готовы за них убивать, для них важно добыть победу как можно меньшей кровью, если бой идёт не за идеалы. А броня обычно зачаровывается так, чтобы сохранять воину жизнь. Исключение — случаи, когда воинам платят конкретно за убийство. Такие воины — подонки, и что сами не знают пощады, что их не щадят. Бердияр наверно рассказывал, что таких наняли убить нас. Так вот, если в бою безвозвратно гибнет десятая часть бойцов, то это невероятно кровавый бой. Такие бывают редко. А убить того, кто не готов умирать, способен только последний подонок. И я вчера скатился до этого уровня. Я не хочу продолжать это.

— Но если ты уйдёшь, Мелизье наверняка убьёт и сделает кукол из множества людей!

— Но не моими руками. И он будет не один такой. Через неделю-другую сюда пойдёт куча разномастных ребят, желающих поживиться беззащитными людишками.

— И ты это допустишь?

— А при чём тут вообще я? — с раздражением буркнул дракон.

— Ты же... покровитель, нет?

— Не этих земель.

— Но ты же сам отсюда, ты же беларус!

— Да? И что этот мир дал мне? Я любил свою страну и старался для неё. В детстве я мечтал быть супергероем, который бы разгребал бытовые трудности людей. Потом мне захотелось нести в мир красоту и добро, и я стал мультипликатором. Я мечтал о чистой светлой любви, и нашёл женщину, будто сделанную из льда, в которой увидел ту самую любовь, и женился на ней. А потом она оказалась совсем не ледяной. Начались скандалы между ней и моей мамой. Я любил их обеих и пытался мирить. Уговорами, шутками, потом угрозами, и, наконец, я окончательно озверел. Я начал поднимать на них руку, и, в конце концов, сильно ударил. Я никогда не хотел быть такой паскудой, но стал ею!

— Насколько я поняла, там была мутная история с тяжестью повреждений...

— Да мне плевать! Я совершил непростительный поступок, и государство меня наказало! Оно было даже излишне милосердно ко мне! Я был виноват, и никогда не смогу себя простить. Но знаешь, что было потом? Ещё до суда мама и жена выгнали меня на съёмную квартиру, где я какое-то время жил и работал, а потом мой босс узнал, что я под наказанием, и выпер меня. Я искал работу, но человека с условным сроком не брали нигде. Вдохновение покинуло меня, и я не смог больше делать мультфильмы, чтобы зарабатывать с ютуба. Пришлось работать по подрядам на местах, куда никто не хотел идти. Где спокойно нарушают трудовой кодекс, выходные надо вымаливать, а на вопросы про личное время отвечают, что домой надо приходить только чтобы спать.

— У нас такое есть?

— Если ты уголовник, найдётся. А я всю жизнь уважал закон, и тот удар был моим первым серьёзным правонарушением. Вот так, в раз, я стал никем. Бесплезным куском ходячего мяса. И у меня бы не было будущего, если бы я не оказался в другом мире. А там я получил всё, что мне было нужно: уважение, ответственность, достойную работу и любовь.

— Нашёл там девушку?

— Нет, любовь народа. Я работал чем-то вроде стража порядка, а заодно альфа-хищником, чтоб опасные твари не совались. Моей задачей было обеспечивать безопасность

от внешних угроз и набегов. А ещё, я нашёл там ледяных существ, которые были воплощением моего идеала женщины, но для меня среди них пары пока не нашлось. А теперь скажи, какой смысл мне сражаться за мир, в котором для меня нет будущего, жертвуя жизнью в мире, который дал мне это будущее?

— Ты ведь православный.

— И это значит, что я должен защищать общество, где на верующих смотрят как на дураков? Где грех считается нормой, а из христиан многие не в Бога верят, а в церковь ходят? Ты видела много истово верующих?

Лере было нечего возразить. Она поймала себя на мысли, что действительно относится к верующим как к тёмным малообразованным людям.

— А они есть. Но отхватывают по полной как от воинствующих атеистов, так и от своих единоверцев-фанатиков, которые ходят в церковь с особым высокомерием. О, а ещё есть те, кто в поисках истины перевирает Учение и откалывается в виде сект, и ещё есть сектанты по политическим мотивам. Нет, отрекшимся не помешает увидеть, что они — не самые умные и сильные жители голубого шарика.

— А как насчёт твоих друзей?

— Пусть уходят в мир чудес. Игорь и Василий и так погибли в этой дурацкой борьбе.

— Ты считаешь Васю своим другом?

— Он спас меня, и был в нашей группе. Да, я тоже скорблю о нём, и это тоже аргумент для меня прекратить борьбу.

— Я слышала, что есть способ оживить мёртвых, даже не одного, а многих...

— И кто это сделает?

— Даша, например?

— Так, теперь я понимаю, чего ты хочешь. Да, я знаю таинство, но на мою память не было такого, чтоб его провёл служитель искусственных богов.

— Надо попробовать.

— Ну, флаг тебе в руки, попробуй уговорить Дашу, — сказал Гратлоргарн, вставая, — Я двести лет не пил газировки, и надо это исправить. Блин, и жрать хочется. Драконы едят редко, но, кажется, скоро мне придётся сожрать что-нибудь размером с барашка или идиота. Кстати, ещё одна причина убраться отсюда: в мире Чудес можно хотя бы нормально поохотиться.

Он двинулся к бару, где в своих гоблинских формах сидели Бердияр и Згалика. Болтая ногами, гоблины расположились на столе и пили какие-то коктейли из высоких стаканов.

— Бердияр, можно тебя попросить бутылочку чего-нибудь вроде колы? — спросил дракон.

— И где Даша? — поинтересовалась Лера.

Маленький человечек достал из стоящего рядом холодильника бутылку и протянул Грату.

— Даша в туалете, — ответил он, — Ты ж вроде из мозгоправов, так вот иди и вправь ей мозги. Там для тебя работа.

— А что с ней?

— Да чтоб я знал. Мы обсуждали, что теперь будем делать, а она вдруг взяла и убежала.

— А о чём вы говорили?

— О том, что без Грата хана тут всем. Слышишь, Грат? Она сначала пыталась нас убедить, что если не будет Грата, то и Мелизье не будет смысла убивать, ну я и рассказал ей,

что мы видели в мёртвом городе. Тут она и психанула.

— Может, без меня, у этого уroda хотя бы не будет дракона? — предположил Грат, — Когда я оценил жертвы от боя, то ушёл в невидимость и превратился в человека, и амбулякр сразу сделал то же самое, причём в воздухе. Видимо, он пребывает в той же форме, что и я. И Бердияр, может, у тебя найдётся стакан и лёд?

— Мы тоже догадались про связь, — кивнула Згалика, — но я так думаю, некромант и без дракона бед натворит.

— Так идёмте со мной, — предложил дракон и начал убеждать гоблинов в преимуществах такого решения, но Лера не стала слушать его. Уточнив, где в клубе туалет, она отправилась туда. Войдя в комнату с характерным символом на двери, она увидела за дверцей кабинки Дашины ноги и услышала тихие всхлипывания.

— Смотри, затопишь тут всё слезами, испортишь Бердияру клуб, — попыталась пошутить Лера.

— Чего тебе надо? — послышался Дашин голос.

— Да вот, пришла узнать, как ты, а заодно поговорить. Вижу, дела у тебя не очень.

— Все умирают из-за меня. А теперь Грат уходит, и мы остаёмся наедине с этим чудовищем...

Всхлипы возобновились.

— Грат ещё не ушёл, а что до умерших... Тут такое дело, он знает ритуал чтобы возвращать к жизни. Многих сразу.

— Какой ещё ритуал?

— Да вот вроде такой, который ты можешь попробовать провести. Вася погиб из-за меня, но видишь, я не реву, потому что у меня есть идея как его вернуть, и я хочу это сделать!

— А толку? Грат уйдёт, а без него мы все помрём, а потом этот лич поднимет наши трупы!

Лера хотела было предложить уйти в другой мир, но сразу поняла, что для Даши это не вариант.

— Так давай убедим его остаться! Попробуем разобраться с Мелизье, а кто погибнет — того оживим!

— А если мы не справимся? — всхлипы стали понемногу утихать.

— Тогда будет так же, как если мы не попробуем.

— Я всегда всё порчу, — заныла Даша, — Если бы не я, Грат не убил бы тех солдат, и Игорь не умер бы, и в том мире разбойник бы не сдал нас...

— А ещё всех вас бы порубили мёртвые рыцари. Я знаю эту историю. Ты ошибалась, это бывает. Но, когда от тебя зависела жизнь друзей, ты делала всё, что могла, и этого хватало. И вчера ты удержала невидимость, хотя могла сдать, и тогда бы нас всех перебили.

— Не перебили бы. Грат бы не дал.

— Может быть. А может и нет. И мы этого никогда не узнаем, потому что ты справилась, и мы остались целы. Понимаешь, ты можешь сколько угодно корить себя за ошибки, но никто за тебя не сделает то, что нужно сделать. Сейчас ты нужна нам. Нужна мне, чтобы вернуть моего Васю, а ещё Игоря, и тех, кто... пострадает от Мелизье. Ты любишь людей, я это вижу. И это замечательно!

— И что толку, если мой любимый, который был для меня всем, откусил мне голову? Знаешь, каково это? Ты как в слоумо, и чувствуешь, как сдавливается и лопается твой череп!

И как это — осознать, что твой любимый человек... что для него ты просто кусок мяса!

— Звучит хреново, но такая девушка как ты может найти нормального парня, который будет любить тебя за твою доброту и нежность.

— Нет, не будет. Я пыталась...

— Слыхала я, как ты пыталась. В клубах только козлины и водятся. Вот что. Когда всё это закончится, мы с тобой отправимся на охоту и найдём тебе парня, который будет тебя ценить. Договорились?

— А ты убедишь Грата остаться?

— От этого зависит жизнь Васи, так что я сделаю всё, что смогу. А теперь давай вытирай слёзы, поправь косметику и дуй к нам. Будешь помогать.

Выходя из туалета, Лера думала о Дашином характере. Уж как эта девушка пыталась быть сильной и независимой вчера, а на поверку оказалась милой слабой девочкой, которую пришлось брать за руку и не давать расклеиваться. Роль сильной женщины оказалась не по ней. И да, ей нужен был парень. Любящий, мудрый и волевой. Для такого она станет настоящим сокровищем, идеальной спутницей жизни. Жаль только, что именно такие девушки обычно выбирают козлов.

Тем временем у барной стойки Гратлоргарн продолжал оживлённо убеждать гоблинов, но, увидев Леру, обернулся к ней.

— Ну, как успехи? Удалось убедить Дашу осуществить твою задумку?

— Она попробует провести ритуал, если ты останешься и поможешь победить Мелизье.

— Очевидно, твоя задумка не удалась. Это... прискорбно. Правда, прискорбно, — с этими словами Гратлоргарн отхлебнул из стакана колу, в которой плавали кубики льда. И эти кубики натолкнули Леру на мысль. Отчаянную мысль, потому что если Лера ошибётся, пути назад может не быть. Но другого выхода не было.

— Девушка, сделанная из льда, говоришь? А если я скажу, что видела то, что тебе нужно, в нашем мире?

— То я тебе не поверю. Чутьё покровителя говорит мне о том, что ты не врёшь намеренно. Но в мире Отрекшихся ни хрена не знают о ледяных существах. По-вашему они жестокие, отстранённые и бесчувственные, а на самом деле...

— ...одинокие и чистые сердцем, как дети? Остро нуждающиеся в любви и страдающие без неё? Мечтательные и не приспособленные к реальности и выживанию?

Выражение лица Гратлоргарна резко стало серьёзным и изумлённым. Он выпрямился и чуть не подскочил на стуле.

— Да, и они питаются любовью! Где ты видела такое?

— Ты знаешь её.

— Да ты... нет, ты не врёшь. Я знаю её? Кто она?

— Наталья. Из больницы...

Гратлоргарн вскочил со стула и с силой ударил по барной стойке кулаком.

— Я знал! Я чувствовал это! Чувствовал, и не позволял себе поверить! Думал, она так ведёт себя потому, что она — врач-психиатр, и работает со мной! Что это профессиональное поведение! Не позволял себе поверить! Да, я не верил, что в мире Отрекшихся может появиться такое прекрасное существо! Что ты ещё знаешь о ней, отвечай!

— Поттише, я всё расскажу. У неё в семье беда. Родители спились. Она тянет одна, как может, но не справляется. У неё нет друзей, и она страдает от этого. А ещё она говорила о тебе. Твоё... человеческое тело не в её вкусе, но ты ей нравишься по-другому. Да она даже

ассоциирует себя с тающим льдом. А ещё хочет, нет, мечтает посмотреть мир чудес. Ей нравятся единороги...

— Она совсем одна? Если то, о чём ты говоришь, правда, то со вчерашнего дня в ней начались изменения. Рано или поздно её тело отвергнет все вещества кроме воды, и в ней пробудится внутренний холод! И если рядом не будет никого, кто смог бы кормить её чувствами, она уснёт, и её внутренний холод — тоже. А если это произойдёт в тепле, она растает! Нет уж, ну нет! Я не допущу этого! Где она?

— Да чего ты так разошёлся-то?

— Понимаешь, Лера, духи льда из мира Чудес не любят драконов. Часть из нас несут в себе огонь, а часть гибнут от холода. К последним относился и я. Но мне удалось разжечь в себе особое пламя, оно называется "внутреннее пламя короля". Я добивался этого, чтобы стать возможной парой для духов льда, и был первым из драконов, кто это сумел. Это пламя согревает тех, кому нужно согреться, выжигает врагов, но не наносит вреда тем, кому его хозяин не хочет вредить, и поэтому ледяные духи не будут таять от его тепла. Обрести его было не просто. Но если раньше ледяные духи боялись случайно убить меня, то теперь они боятся, что я убью их, не веря, что дракон способен овладеть королевским пламенем. И для меня был единственный шанс обрести идеальное существо в качестве пары — найти таковое, не скованное предрассудками мира чудес. А Наталья была очень добра ко мне, хоть я и думал, что она просто делает свою работу.

— Дело было не в работе, — заметила Лера.

— Если она начнёт превращаться в дух льда — дело было однозначно не в работе. В природе этих существ — забота о других. Они поддерживают, вдохновляют и приносят радость, вызывая таким образом любовь к себе, и питаются этой любовью. Их естество — вечность и чистота. Они — дети, которые никогда не повзрослеют. И их избранник обязан поддерживать в них эту чистоту. Это — идеальный симбиоз, особенно для монстра-хранителя, но, увы, не для дракона. А я жажду этого больше всего!

Тем временем из туалета показалась Даша и, приблизившись, прислушалась к разговору.

— Прости, Грат, но, боюсь, не станет она ледяной. Потому что Мелизье убьёт её вместе с остальными, когда ты вернёшься в свой мир.

— Он её не убьёт, потому что я убью его первым. Да, то, что мертво, умереть не может, но я вопру его в исключения! Я изничтожу его и его филактерий! Ради мечты, ради ледяного совершенства!

Лера снова увидела тот страшный взгляд, которым Гратлоргарн смотрел на неё в первую встречу, но лёгкий испуг угас, только зародившись на задворках её сознания. Именно для таких случаев и для врагов, подобных Мелизье, такой взгляд и был необходим.

— Вы о чём? — поинтересовалась Даша.

— О том, что я готов остаться. Печенье хочет любви, как и остальные. Но работать будем по моим правилам. Никакой демократии: я квалифицированнее вас в вопросах борьбы с мертвецами. Если у кого-то есть что возразить, или кто хочет отказаться, делайте это сейчас.

Судя по лицам остальных, они тоже были рады такому решению дракона. Лера осталась очень довольной: ей удалось сделать именно то, что было необходимо для спасения любимого. Но это было только начало.

— Каковы будут приказы, командир? — спросила она.

— Пополнить ряды. Даша, я понимаю, тебе будет непросто, но нам нужен Иван.

— Что? — произнесла Даша, глядя на дракона наполняющимися страхом глазами.

— В утренних новостях о нём не говорили, поэтому я думаю, что он не представляет угрозы. Но он прошёл подготовку как мы, и может быть полезен, даже не как каменный циклоп.

Даша поникла, но промолчала. Заметив это, Лера подошла и приобняла её за плечи. Если в отряде не будет единства, вся операция провалится, и Вася останется мёртвым. Девушка не могла это допустить.

— Так надо, — прошептала она, — Грат — крутой дракон, он тебя в обиду не даст.

— Я боюсь его, — возразила ей Даша, — он же меня...

— Без него Мелизье нас убьёт. Ты сильная, ты сможешь это перетерпеть.

— Дальше, — продолжал Гратлоргарн, — нужно будет достучаться до Людмилы. Нам пригодятся её острый ум, целеустремлённость и магия. Даше надо будет беречь силы для таинства Великой Жизни, которое мы проведём сразу, как всё закончится. Это важно для Леры. Но и работать с Людмилой придётся ей, как психиатру. Когда мы будем в сборе, нам предстоит разгадать план Мелизье, чтобы знать, что делать дальше. А сейчас — подготовка. За сегодня надо всё это сделать. Как все будем готовы — выезжаем к Ивану.

Глава десятая, о недосказанности и чудовищах

Готовились недолго. На самом деле никто не знал, чего ждать от человека, который уже нападал на своих. Да и чего-то полезного, что можно взять с собой, в клубе не было. Скрепя сердце Бердияр позволил Гратлоргарну взять большой пожарный топор, вполне способный сойти за секиру. Згалика наскоро намешала, зачаровала и разлила по бутылочкам от напитков целебные зелья, но, по её собственным заверениям, без долгого зачарования они были не многим эффективнее обычных бинтов. Даша нашептала длинное отложенное заклинание обращения камня в плоть, на случай если придётся сражаться, Лере же осталось только дожидаться остальных, и подкрепиться парой чизкейков.

Наконец, отряд под предводительством Гратлоргарна покинул клуб. С явной неохотой Даша рассказывала, как проехать к её бывшему парню, но ей всё-таки хватало воли пересилить себя. Съехав с проспекта, Бердияр повёл машину через ухоженные дворы, и остановился на стоянке около новенького многоэтажного столбика, белого с зелёными балконами. Дом был обнесён низким заборчиком, а у самого его подъезда располагалась ещё одна стоянка, въезд на которую закрывал шлагбаум. По всем признакам это был элитный дом для бизнесменов и их родственников.

Гратлоргарн первым подошёл к двери и зашептал заклинание, Даша тем временем принялась копаться в сумочке, и вскоре достала оттуда связку ключей на брелке, с одним чипом для домофона, однако дверь уже была открыта.

— Ключи! — сказала девушка Грату, — Ключи же есть!

— Ты сохранила их? — удивился тот.

— Да просто из сумочки не доставала...

— Будто она раза три с тех пор не меняла сумочку, — тихонько усмехнулся Бердияр, стоявший с Лерой и Згаликой чуть поодаль.

Грат и Даша скрылись за железной дверью подъезда, и остальные последовали за ними.

— Так какие всё-таки у Даши с Иваном отношения? — спросила Лера кавказца.

— Да чтоб я знал. Когда мы вернулись, Ваню понесло по всяким философиям, религиям и прочему. Он вроде говорил, что чего-то понял, не хочет больше быть таким болваном, и вроде реально взялся за себя. А Даша... да фиг её поймёшь. Он просил у неё прощения на коленях, молил быть с ним, закатывал целые представления под её окном, ловил леща пощам от родителей за растраты, но результат... вот такой вот.

— Но ключи она сохранила.

— Сам удивляюсь. У вас, женщин, просто бывает только про футбол. И то ели вы его не любите.

Тем временем приехал вызванный Дашей лифт, в котором обсуждать посторонние отношения было неудобно. Квартира Ивана располагалась на четырнадцатом этаже, и Даша уверенно повела остальных по чистому и ухоженному коридору к дальней двери. Казалось, она держит себя в руках, но Лера, шедшая рядом, видела напряжение девушки, особенно когда та с трудом попала ключом в замочную скважину. Наконец, замок щёлкнул, но следом раздался другой звук. Громкий, раскатистый, напоминающий хриплый стон. Даша в ужасе отскочила от двери, и налетела спиной на грудь Гратлоргарна.

— Спокойно, — сказал тот, освобождая от целлофана топор, — мы пока только знаем,

что он — циклоп.

Он шагнул к двери и приоткрыл её, когда с той стороны послышался ещё один стон:

— Помогите!

— Уже не худший вариант. Так, Даша, идёшь в три шага за мной, и готовься по моей команде кидать заклинание — но только по моей команде! Лера, проследи. Бердияр, Згалика — давайте в гоблинов. Тесак не забыли?

— Угу, — пробурчал Бердияр, окутываясь туманом, — а ещё презерватив, на случай если вдруг тесак против камня не поможет.

Скривив напряжённую гримасу, Гратлоргарн прошёл в дверь, а Даша и Лера немного погодя последовали за ним. Они очутились в просторной, обставленной дорого и со вкусом квартире. Из короткого коридора вело несколько дверей, за одной из которых виднелась большая комната, где было светло и уютно, но глазу не за что было зацепиться среди ровных геометрических форм и чёрно-белых цветов дизайнерской мебели. Единственное, что выделялось среди этой пустой красоты — серая стена из грубого камня, закрывающая проём ещё одной из дверей. К этой стене и двинулся Грат с оружием наготове.

— Иван? — сказал он, легонько постучав по камню топором.

— Сашка? Ты живой? — раздался рокочущий хриплый голос с той стороны стены, — Ох, Сашка, как же я рад тебя слышать! Я тут застрял. Только ты не коли меня, ладно? Я в себе, в своём уме...

— А говорит получше, чем когда был человеком, — заметил гoblin, — его что, словарь покусал?

— Бердияр, и ты здесь? Ох, друзья, как же я вам рад!

— Допустим, — сказал Грат, — Иван, объяснись. Что с тобой происходит?

— Я тут застрял. Лежу со вчерашнего дня, и боюсь пошевелиться. Понимаешь, я внезапно начал превращаться в циклопа, но комната оказалась для этого слишком маленькой. Я упёрся головой в стену... в несущую. И я боюсь пошевелиться, чтобы не обрушить дом. Был бы я каменный ещё и внутри — провалился бы через соседей в подвал.

— Ты превратился вчера после обеда?

— Да, и всё это время лежу тут. У меня всё затекло и я дико хочу есть... в смысле, я имею в виду, что хочу стать обратно человеком.

— А ты не можешь?

— Не могу. Я пытался сосредоточиться, но не получается. Может, из-за того, что мне сдавливают плечи потолок, и я отлежал себе руку, а может из-за картин, которые я вижу вторым глазом.

— В каком смысле?

— Ну, у циклопов один глаз, а у меня от природы два. И сейчас я одним глазом вижу как циклоп, а второй, если я сконцентрируюсь, показывает картинки. Кажется, это что-то важное, но когда я долго смотрю, у меня болит голова.

— А что ты видишь?

— То же, что и тогда, когда я первый раз превратился. Наши фигуры в доспехах, какие-то списки имён, и как кто-то кого-то душит.

— Объясни-ка мне вот что. Когда ты в тот раз был циклопом, ты хотел сожрать нас нафиг, и двух слов связать не мог. А сейчас ты неплохо говоришь, и это радует. Но что с тобой происходило тогда, и что происходит сейчас? Это важно определить прежде, чем мы будем тебя вытаскивать.

— В тот раз, когда я превратился, моего разума оказалось не достаточно, чтобы держать себя под контролем. Это как сильно опьянеть, прям до состояния нестояния, только тело пьяное, а мозг трезвый. Моё мироощущение стало управлять мной, а я был вроде пассажира в своей голове. Знаете, обычно разум и чувства работают вместе, заставляя тебя оправдывать импульсивные поступки и наоборот не делать то, о чём потом пожалеешь. А тут меня как будто разорвало. Разум стал таким чистым, без хотелок, а тело начало делать то, что ему диктовали желания, причём на основании моих взглядов и мнений, но против моей воли! Тогда я увидел себя как будто со стороны. Моё тело пыталось вас сожрать, я был в ужасе, но при этом полностью понимал его! Вы не представляете, какой это кошмар. Думаю, фейская магия сделала это со мной специально, чтобы я увидел, каким дебилом проживаю свою жизнь. Но самое ужасное было, когда это... это убило Дашу. Боже, я никогда не мог подумать, что моё тело относится к ней так омерзительно! Это чувство не оставляет меня, мне часто оно снится, и я готов сам себе голову отгрызть в такие моменты! Я люблю её, я никого не любил сильнее, но Оно, прихотями которого я жил раньше, относилось к ней как... В общем, когда всё это закончилось, я взял себя в руки и решил, что Оно больше никогда не возьмёт верх над моим Я. Мне показалось, что дело было в моей неразвитости. Я ведь действительно не занимался по жизни саморазвитием. И я взялся за себя, занялся чтением, стал изучать философию, логику и теологию, потом понял, что у меня ужасная речь, и год отходил к логопеду. Потом занялся йогой, чтобы научиться усмирять моё тело. И знаешь, кажется, я всё сделал правильно! Сейчас я чувствую себя как обычно. Хотелки есть, но я ими управляю. Могу делать не то, что хочется, а то, чего я хочу, к чему стремлюсь...

— Так, я понял. Надо тебя вытаскивать. Я сталкивался с подобным, тебе нужна помощь близкого... Блин! — Гратлоргарн опёрся о стену и прикрыл подбородок рукой.

— Что такое, ты о чём? — раздался голос циклопа.

— Да я о том, что у нас как раз есть близкий тебе человек, но ему это не понравится.

— Даша?

— Даша, — подтвердил дракон, — и ей нужно будет поддержать тебя своим сознанием, пока ты будешь принимать человеческий облик. Должно хватить одного раза, чтобы ты смог потом менять форму по желанию. Ты хоть чувствуешь, как это делать?

— Да я сразу понял, но у меня не получается!

— Хорошо. Даша, подойди, я расскажу, что тебе нужно делать.

Девушка стояла у противоположной стены, сложив руки ниже пупка, будто изображая ими ремни безопасности. Её лицо выражало полное смятение, а дыхание дрожало.

— Даша! — строго сказал дракон.

— Я боюсь, — выдавила из себя девушка.

— Я вижу. Но ты нужна, и тебе ничего не угрожает. Сейчас он беспомощен, и не может даже пошевелиться. А в человеческом облике он не станет на тебя нападать, и даже если попробует, я его опрокину.

— Нет, — дрожащим голосом пробормотала Даша, — нет, я не могу.

И она действительно не могла. Лера видела её позу, её глаза, наполненные страхом. Но что-то ещё было в этом взгляде. В том, как она косилась на каменную плоть, закрывающую дверь. И как теребила в руках те самые ключи, которые хранила два года.

— А ты хочешь этого? — спросила студентка.

Даша посмотрела на неё с удивлением.

— В каком смысле "хочу"?

— Да в прямом, — Лера изо всех сил старалась держаться спокойно и непринуждённо, так, чтобы эти эмоции передались Даше, — чего ты хочешь, чтоб случилось с Иваном?

— Я не очень понимаю...

— А тут и нечего особо понимать. Если хочешь, чтоб он там остался — он и останется. Ему фигово придётся, но тут уж ничего не поделать. А не хочешь, чтоб он там помер — иди и выпусти. Грат вроде всё объяснил. Никто тебя не заставит, всё в твоих руках. Как решишь, так и будет.

— Я не знаю, — голос Даши дрожал, — Я боюсь...

— Так подумай и узнай. А боишься, не боишься — мы все боимся. Хочешь — сделаешь. Не хочешь — ну, он помрёт с голоду через недельку, и будет некого бояться. Тоже вполне себе исход. Порубим его на камни, выкинем в окно, а там может сгодится под гравий...

— Да как ты... — поперхнулась Даша от негодования, — как ты можешь такое говорить? Кто ты вообще такая, чтобы лезть в эти дела? Да ты... Ты...

Лера была довольна этой реакцией: гнев был лучше страха, и Даша уже избавилась от оцепенения.

— Если я в чём-то не права, прости. Я не хотела тебя обидеть. Но сама видишь, с этим надо что-то решать. Скажи, чего заслуживает Иван? Чего ты хочешь для него? Потому что его жизнь сейчас в твоих руках, и если ты бросишь его, он умрёт.

Даша глубоко вздохнула. Спрятав ключи в карман, она двинулась к Гратлоргарну.

— Что мне делать?

— Прикоснись к нему ладонью и скажи: "Иван, я открываю тебе свой разум и своё сердце. Откройся же и ты мне".

— А чьим именем?

— Ничьим. Это — интимная процедура, и в ней задействованы только имена участников. Слышишь, бульжник? — он опять постучал топором по камню.

— Слышу, — ответил Иван, и даже сквозь рокот камня Лера почувствовала, каким потухшим стал голос: от парня не ускользнул их с Дашей разговор.

— Ты должен ответить "Я, Иван, открываю тебе, Дарья, свой разум и своё сердце. Да будем мы ныне едины". И концентрируйтесь друг на друге. Вы почувствуете, как в ваш разум вторгаются. Отдайтесь этому чувству, и не вздумайте от него защищаться. Когда почувствуете контакт, ты, Иван, превращайся в человека. Даша, ты это почувствуешь, и твоей задачей будет направить усилие на то же самое. Не волнуйся, ни в циклопа, ни в трехглазого мальчишку ты не превратишься. Всё поняли?

Даша попросила напомнить заклинание, после чего решительно приложила ладонь к камню. Командным голосом она произнесла нужные слова, и рокот камня послышался в ответ. Лера увидела, как что-то, напоминающее тонкие корни, но испускающее мягкий зелёный свет, проросло из ладони девушки и камня, к которому она прикасалась. Светящиеся волокна переплелись и слились, и Даша, вскрикнув, упала на колени, опершись о камень. Она тяжело задыхалась, но вздохи стали сменяться на всхлипы. С той стороны стены послышался хрип, сопровождаемый каменным скрежетом.

— Ванька, давай, — крикнул Гратлоргарн, — не забывай о деле! Потом развлекаться будете.

Камень задвигался, и с его поверхности начал струиться лёгкий серебристый дымок. Даша перестала всхлипывать и напряглась. Её зубы скрипнули так, что Лера это услышала. Дыма стало больше, и он полностью скрыл камень и прикасающуюся к нему девушку,

пропуская только зелёное свечение. А через пару секунд он стал быстро рассеиваться, и в дверном проёме, на фоне маленькой развороченной спальни с разломанной мебелью показался лежащий на полу крепкий парень со светлыми волосами. Одет он был в белую рубашку и серебристые брюки. А рядом с ним на полу сидела Даша, и её рука приросла светящимися нитями к нему чуть пониже ремня сзади.

— Так он всё это время жопой к нам повёрнут был! — воскликнул Бердияр, — Слышь, Ванька, ни фи́га ты не изменился!

Светящиеся нити погасли и растворились в воздухе, высвобождая Дашину руку. Парень измученно перевернулся на спину и с трудом сел, а девушка навалилась на него с объятиями. Лера видела, как дёргается от всхлипов спина в розовой блузке, и как по грубоватому, но красивому лицу парня стекает слеза, а его рука нежно ложится на спину девушки.

А ещё она увидела едва заметную улыбку на шрамированом лице Гратлоргарна. Дракон смотрел на обнимающихся покровительственно и как-то самодовольно. Вся его поза говорила о том, что его план осуществляется. Подойдя к нему, Лера тихонько, чтоб остальные не услышали, спросила:

— Это могла сделать не только Даша, верно?

— Побороть свои страхи и принять любимого в новой ипостаси? Избавиться от конфликтных отношений внутри отряда и дать двум его членам дополнительную мотивацию бороться до конца? Вытеснить сомнения из души ценного бойца, заменив их на осознание взаимной любви и стремление защитить близкого человека? Нет, это могла сделать только она.

— И всё-таки ты обманул нас.

— Обманул. А если бы я сказал, что это можешь сделать, например, ты, Даша бы согласилась? А ты бы согласилась, если бы я сказал, что это один из самых интимных ритуалов, на который идут только в самых крайних случаях? Которого опасаются даже супруги и родители? Что этот ритуал иногда используют на свадьбах, чтобы переубедить несогласных родственников, и только если молодожёны знакомы больше десятка лет и полностью друг другу доверяют? А если при этом ритуале выявляется нечестность, то люди оказываются связаны между собой очень сложными и тяжёлыми отношениями?

— Если так, то это совсем подло.

— А ты посмотри на них. Они любят друг друга, всегда любили, и я это понял. Теперь это поняли и они, а без ритуала им пришлось бы страдать до самой смерти. В вашем мире к таким мучениям привыкли, да. Вы вообще спокойно относитесь к издевательствам со стороны друг друга. Растаптываете чувства тех, кто вас любит, просто потому, что так удобнее, или из-за страха, общественных норм и прочей ничего не стоящей ерунды.

— А если бы кто-то из них оказался нечестным?

— Я монстр-покровитель. Наложённые на меня обязанности дают мне преимущества, среди которых — аура искренности и чувство правды. Иван излил всё, что было у него на уме, и я не почувствовал обмана. Он всё ещё слабоватый человек, и не мог противостоять моим силам. Анализировать сказанное я умею, но тут особого умения и не потребовалось. А что до Даши — думаю, на неё было достаточно и твоих сил.

— Всё равно это как-то неправильно.

— Может быть. Тогда Бог мне судья.

Лера снова обратила внимание Дашу и Ивана. Они поднялись с пола, и теперь обнимались стоя, нежно целуя друг другу лица. Их счастье было явным и неподдельным, как

и след тяжёлого испытания длиной в два года, которое только что закончилось. Девушке трудно было оценить, стоило ли это счастье драконьего обмана, но она почувствовала, что готова была бы сама отдаться этой хитрости ради того, чтобы так же обнимать Васю.

— Так, голубки, — услышала она голос Гратлоргарна, — обнимашки это хорошо, но у нас есть дело. Иван, как ты себя чувствуешь?

Влюблённые встрепенулись, как от хлопка за спиной. Даша положила голову парню на плечо и уткнулась лицом в его шею, а тот ответил:

— Я никогда не чувствовал себя так хорошо. Но, по правде говоря, есть дико хочется. Я могу заказать что-нибудь...

— А у тебя продукты есть? — спросила Згалика, стоявшая у двери в обнимку с Бердияром.

— Я обычно ем в ресторане, но пытаюсь научиться готовить сам. Что-то вроде было...

— Тогда я гляну и попробую что-нибудь состряпать, ты не против? Где у тебя кухня?

— На право по коридору последняя дверь. Слушайте, я подумал, что картинки из второго глаза как-то связаны с нашим миром. Я подготовился!

— Так, давай поподробней, — с интересом произнёс Гратлоргарн.

— Короче, я видел нас всех в доспехах, и вроде как в Минске. И решил, что раз так, то лучше, чтоб доспехи у нас были. Ну и заказал шесть комплектов полных лат и оружия у одного мастера. Он для турниров доспехи делает.

— Это отлично. А что ещё ты видел?

— Какие-то бумаги с таблицами. Там в один столбик были имена, а в другой — подписи. Я не знаю, что они означают. Не видел первую страницу. И да, ещё кто-то кого-то душил. Так взял за горло и давил. Кажется, кто-то сильный кого-то слабого.

— Какого пола они были и как выглядели?

— Не разглядел. Всё очень смутно было.

— Знаешь, а ведь то, что ты описал, похоже на пророчество.

— Пророчество? Ну, может быть. А пророчество о чём?

— У нас нет толкователя, и фиг поймёшь, что конкретно ты видел. Помнишь, нам рассказывали о Мелизье? Так вот, эта зараза припёрлась сюда и что-то замышляет. Надеюсь, ты увидел что-то про него, и то, как мы будем его валить. Мы, кстати, пришли просить тебя помочь. Даша участвует.

Иван отпрянул, инстинктивно закрывая собой девушку.

— Опять? Нет, я не дам рисковать её жизнью! Я готов пойти, но Дашу подвергать опасности не позволю!

— Ваня, прости, но так надо, — возразила Даша, подняв глаза на любимого, — Я должна провести ритуал чтобы спасти много жизней.

— И ей не должно ничего угрожать, — кивнул Грат, — во всяком случае, не больше, чем если она будет отсиживаться в стороне. Если ты её защитишь, конечно. Она не должна будет участвовать в бою.

— А что ты хочешь от меня?

— Чтобы ты помог мне уничтожить мёртвого дракона.

— Мёртвого дракона?

— Да, Мелизье обзавёлся трупом... моим. И поднял его как амбулякра. Ты наверно не знаешь, но я теперь дракон. Могу им становиться. И когда я дракон, мой труп — тоже. И он сильнее меня в ближнем бою, но ты в облике циклопа сможешь его разрушить. Особенно

если у тебя будет оружие.

— Драконы ведь летают. Как я достану его?

— С этим должна помочь Людмила. Мы ещё не ездили за ней.

Глава одиннадцатая, о привычной жизни и не о политике

Вскоре Згалика накрыла в гостиной стол и позвала к обеду. Продуктов у Ивана оказалось достаточно много: в рамках своей программы саморазвития он учился готовить, хоть, по его словам, и безрезультатно. Зато гоблинша сумела распорядиться этим добром превосходно: ускорив готовку с помощью заклинания, она поставила на стол зажаренную с фруктами курицу, ароматное жаркое и салат. За обедом Гратлоргарн рассказал Ивану о недавних приключениях, и о тех деталях двухлетней давности, которых тот не знал. Парень тяжело воспринял известие о гибели Игоря, и, кажется, загорелся желанием отомстить.

Лера была очень голодна, но её воротило от мяса. Она смогла впихнуть в себя немного курятины и салата, но воспоминания о трапезе с Мелизье не дали ей нормально поесть.

После обеда Гратлоргарн решил, что им стоит разделиться: гоблины, Иван и Даша должны были взять машину и поехать за оружием и доспехами, а сам дракон планировал взять Леру и слетать за Людмилой. Обратное планировалось ехать с ней на её автомобиле.

Быстро собравшись, товарищи вышли на стоянку, и пока остальные загружались в машину, Гратлоргарн наложил на себя и Леру заклинание невидимости, после чего принял драконью форму и лёг на брюхо, позволяя девушке вскарабкаться на себя. Опершись на крыло, девушка с трудом забралась на плечи дракона и ухватилась за похожие на рога выросты, но Гратлоргарн недовольно мотнул головой, высвободив их:

— Что ты там делаешь? Уши не трогай!

— А это уши? — удивилась Лера, — Я думала, рога...

— Ну и на кой, по твоему, летающему хищнику рога? Я что, бодаться ими на лету должен?

— А зачем тебе уши?

— На них перепонки, которые позволяют мне лучше слышать сидя на земле, маневрировать в полёте и закрывать ушные отверстия от воды, если я нырну. Более того, эти уши несут на себе какой-то вид магии, и благодаря им я отлично слышу и в человеческой форме. Зато я ненавижу, когда их дёргают!

Действительно, вдоль длинных выростов тянулись широкие кожаные складки, крепящиеся у челюстей на других выростах, покороче. А за ними Лера заметила отверстия, прикрываемые этой кожей.

— Прости... А за что я тогда должна держаться? Я не хочу свалиться на лету!

— Ух, какая же морока носить всадников без седла! Ложись животом мне на спину, хватайся за крылья, а ноги запусти мне под бёдра.

Скользя ладонями по гладкой чешуе, Лера кое-как приняла ту позу, которую описал дракон. Нельзя было назвать её удобной: прижатый к спине перепончатый гребень всё-таки выпирал и вдавливался девушке в живот. Зато так была хорошая опора. Тело дракона было твёрдым и прохладным, как пластик, но на крыльях кожа была шероховатой и пупырчатой, и за неё было вполне удобно держаться.

— Вроде получилось, — сказала Лера, запуская пятки поглубже в мягкую кожу под драконьими бёдрами, — но что будет, если я упаду?

— А ты не падай. С меня ещё ни разу не падали, я несусь плавно. А если таки сорвёшься

— кричи, я поймаю. Ладно, полетели.

С этими словами дракон подпрыгнул и резко взмахнул крыльями. Леру качнуло, и ей стоило труда удержаться на спине. Поток воздуха ударил ей в лицо и забил дыхание. Она зажмурилась и отвернула голову, а крылья под её ладонями стали ритмично поворачиваться, как вёсла лодки. Тело дракона плавно качалось вверх-вниз, и, мало-помалу, воздушный поток стал слабеть. Лера рискнула открыть глаза, и увидела, как зачерпывает воздух огромная кожаная перепонка крыла. Она повернула голову вперёд, и воздушный поток ударил в лицо, немного мешая дышать и смотреть. Два драконьих уха слегка шевелились, рассекая воздух, как волнорезы — морскую воду. А впереди были только частые облака, золотистые сверху и сизые внизу. И глубокое голубое небо за ними. Было страшновато, и хотелось прилипнуть всем телом к твёрдой драконьей спине, срастись с ней, чтобы не дай Бог не соскользнуть. Земли не было видно из-за крыльев, а повернуть голову Лера не решалась, боясь головокружения.

— Куда лететь от метро? — послышался через какое-то время негромкий драконий рык.

— Направо и вперёд, — крикнула Лера.

— Да не ори ты, я не глухой. Мы летим медленно, воздух не сильно сносит звук. Вот если ускоримся — тогда будешь кричать. Шучу. Так, я понял. А далеко там?

— Нет, лети во двор у второго дома.

— Хорошо, вижу... Так, а это что такое? Я снижаюсь, пешком будет тише.

— Тише? Там кто-то есть?

— Да блин, толпа народа, милиция и скорая!

Лера почувствовала толчок: Гратлоргарн приземлился около арки высокого дома, в которую девушка недавно входила по дороге к подъезду Людмилы. Шаги дракона оказались действительно очень тихими. Мягко ступая по брусчатке, он двинулся вперёд. Выглянув из-за его вывернутых вперёд плеч, девушка увидела небольшую группу людей, собравшуюся под окнами дома, среди которых заметила нескольких в форме. С высоты драконьего тела она увидела то, вокруг чего собрались люди — распластанное тело немолодой женщины с длинными чёрными волосами. Лера подняла голову и увидела открытое на одном из верхних этажей окно, из которого виднелись огромные яркие цветы, такие большие, что можно было хорошо разглядеть снизу.

— Так что, писать "самоубийство"? — услышала она голос одного из милиционеров.

— Судя по всему, да. Дверь заперта изнутри, окно открыто. Так и пиши. На стенах надписи "магии нет", по всей квартире из стен растут цветы неизвестного происхождения.

— Нас же в участке засмеют!

— Не засмеют. Теперь уже ни за что не засмеют.

— Думаешь, это связано с тем белым магом?

— Да хрен поймёшь. Может и связано, а может секта какая.

При этих словах дракон развернулся и почти бесшумно двинулся обратно, унося Леру за собой.

— Что всё это значит? — спросила девушка, когда они отошли достаточно далеко.

— То, что нет больше Людмилы, — ответил Гратлоргарн, — Скажи, Бердияр не упоминал о каких-нибудь трудностях у неё с самолечением?

— В смысле?

— Ну, было ли такое, чтоб она поранилась и не смогла себя вылечить?

— Не помню... а погоди, было! Она ломала себе ногу, и не смогла её зарастить. Бердияр

говорил, что это из-за боли...

— Глупости! Если бы тебе доводилось затягивать свои раны, ты бы знала, что это обычно легче, чем лечить других...

— Мне пришлось заращивать себе горло. Мелизье его мне перерезал.

— И у тебя даже голос не изменился. Умница, любишь свою жизнь. А Людмила не залечила себе ногу, говоришь?

— Ты думаешь, это потому, что она не хотела жить?

— Как минимум, она не хотела жить в мире чудес. Выходит, она поэтому и старалась поддержать нас, чтобы мы исполнили то пророчество и вернули её в этот мир. Отрекшаяся до мозга костей, стремилась вернуться к бессмысленному животному функционированию, и ей это удалось.

— Она пыталась забыть тот мир...

— Отречься ещё раз. А когда тот мир постучался к ней в дверь, она вышла в окно. Отвратительно! Страшно! И не справедливо!

С этими словами дракон взлетел, и Лера снова еле удержалась на нём. Теперь он летел быстро, резко взмахивая крыльями. Лера изо всех сил вцепилась в него и зажмурилась, отвернув голову от воздушного потока. "Никогда, никогда больше не буду на нём летать!" думала она, изо всех сил цепляясь за хлопающие крылья. Полёт был не долгим, но всё тело девушки устало от напряжения, и для неё было огромным облегчением, когда, судя по толчку и складыванию крыльев, дракон приземлился. Как же приятно было спрыгнуть с его спины на твёрдую, надёжную, не шатающуюся землю!

— Гадство! — пробурчал Гратлоргарн, превращаясь в человека, — Натуральное гадство! И да блин, я помню, что сам гад, то есть рептилия. Но у меня нет слов!

— Скорбишь по Людмиле?

— Я зарёкся скорбеть по самоубийцам, — ответил дракон, рассеивая невидимость и направляясь к дому Ивана, — Мне жаль, что так случилось. Я уважал её. Очень уважал. Не дело не в этом! Она была необходима для победы над моей мёртвой копией. Как мы теперь будем её приземлять?

— Придумаем что-нибудь. Ты ведь опытный боец, так?

— Не хочу сейчас ни о чём думать. Иван не обидится, если мы воспользуемся его аппаратурой без спроса. Я хочу отвлечься от всей этой фигни! Ты смотрела фильм "Он дракон"?

— Э-э... нет.

— Вот сейчас и посмотришь. Решать что-то будем, когда остальные вернутся. Ой блин, ой блин! Блин!

Лера не увлекалась фильмами в стиле фэнтези, старалась держаться подальше от российского кино, и даже детективы предпочитала смотреть в кинотеатре. Она думала, что её ждет нудное и неприятное времяпрепровождение, однако вскоре поняла, что ошиблась. Сюжет фильма показался девушке вполне интересным, а эффекты достойно смотрелись на огромном экране домашнего кинотеатра. Это было не то кино, к которому она привыкла, но определённое удовольствие она получила. Гратлоргарн весь фильм просидел с каменным лицом, и только изредка его кожа подрагивала. А когда фильм закончился, Грат откинул голову на спинку дивана, на котором они с Лерой сидели, и мерно, глубоко задышал.

— Ты дракон, и смотришь фильмы про драконов? — спросила Лера.

— По анатомии он больше на виверна похож: нет передних лап. Но да. Мне нравился

этот фильм ещё с тех времён, когда я был человеком. Меня всегда тянуло к драконам. Но если бы сам фильм был плохой, выверн ему бы не помог. А что смотришь ты?

— Детективы.

— Полезно. Но они обычно бедны на эмоции...

— Слушай, у меня есть вопросы, которые важнее фильма. Ты говорил, что лечить себя проще, чем других. Выходит, ты не умеешь лечить?

— Умею.

— Тогда почему ты вчера не вылечил себя?

Гратлоргарн усмехнулся.

— Ты смотришь детективы, учишься на психиатра и вообще наблюдательная девушка.

Сама-то как думаешь?

— Так и не простил себя за отношения с матерью?

— Дело не в отношениях. Я — страшная личность, и тот удар это только проявил. Я всегда старался быть хорошим и правильным человеком, но мне часто кажется, что на самом деле я не был таким. Да, мой характер сделал меня тем, кто я есть. И да, я хотел быть драконом. Многие любители фэнтези этого хотят, только не понимают, какова цена такого существования. Но ещё больше я хочу быть достойной личностью, заслуживать жизнь и любовь.

— Любят не по заслугам. Это чувство или есть, или нет, и его нельзя заработать...

— Ну, тогда совсем хреново быть мной. Вообще, я смирился с собой. Не строю иллюзий, но и понимаю свою полезность. Такие, как я, нужны, но это не делает нас лучше.

— А ты считаешь, что не заслуживаешь любви?

— Я не могу лечить себя, — грустно улыбнулся Грат, — а чего хочешь ты?

— Хочу вернуть Васю. Обнять его и просить прощения за то, что втянула в это. Надо было послушаться его и не лезть...

— Ты была полезна. И нет, ты не могла его послушаться, потому, что любишь его не достаточно сильно для этого.

— С чего ты взял? — возмутилась Лера.

— Знаю, что ты предпочла ему что-то другое, и минимум два раза была готова рискнуть его жизнью. Один раз риск не оправдался. В такой любви нет ничего плохого: когда двое любят друг друга, кто-то любит сильнее, чем другой, потому что испытывать одинаковую степень чувств практически нереально. И то, что у тебя есть идеалы, которые ты ставишь выше любви, тоже бывает. А Василий очень сильно тебя любит. Когда сила любви приводит человека в нужное место и время для критически важного действия, это дорогого стоит. Я могу только порадоваться за вас — если Василий снова будет жив. И посоветовать тебе чётче осознать, на сколько ты любишь его.

Лера хотела возразить, но задумалась. Она действительно позволяла Васе подвергаться опасности. Забывала о нём, а порой поглядывала на других мужчин. Даже Грат в какой-то момент вызывал у неё что-то вроде симпатии. А её сомнения в Васиной любви и мысли о том, что он захочет найти другую девушку, могли быть результатом проекции её собственных чувств на него. Вася доказал, что его любовь действительно сильна, а вот сама Лера...

— И всё таки, — продолжал Гратлоргарн, — чего ты хочешь? Ради чего рисковала Василием?

— Не знаю, как это сказать. Хочу, чтобы всё в мире было правильно. Чтобы злодеи

получали наказание, а добро вознаграждалось. Чтобы обман всегда раскрывался, а труд оплачивался...

— Справедливость, — усмехнулся дракон, — Ты хочешь справедливости! Я ожидал чего-то подобного. Молодёжь так любит влезать в неприятности ради пустых идеалов...

— Грат, ты свинья, ты это знаешь?

— В таком случае я каннибал. Нет, я уважаю любовь к справедливости и стремление к ней. Но что мы о ней знаем? Как понять, кто должен быть вознаграждён, а кто — уничтожен?

— По его делам, например.

— По нашим делам мы с тобой должны быть трупами. Из-за тебя погиб человек, а я набил множество народа лично. Но скажи, если например ты вдруг сейчас умрёшь, мир от этого станет лучше? Василий оживёт? А если умру я? Нет, я, конечно, тот ещё фрукт, но иногда бываю необходим. Делаю свою работу, служу Богу как могу. Захочет призвать меня — противиться не буду. Но если я помру, у Бога станет на одного живого сторонника меньше. А Мелизье поднимет себе ещё одного дракона, и устроит Минску огонь и прощение.

— А причём тут прощение?

— Прощение? А, fire and forgive? Это цитата и название песни группы Powerwolf. Они против христианства, насколько я знаю, но музыка у них прекрасная. Ты не слушаешь пауэр?

— Нет, я вообще не очень в этом разбираюсь. А как ты можешь слушать музыку противников своей веры?

— Если у них есть хорошая песня, и в ней нет оскорбления Бога, то почему бы мне её не слушать? Я люблю хорошие вещи сами по себе. Не важно, какой веры их создатель. Моя вера достаточно крепка, чтобы такие мелочи не могли её поколебать. Если захочешь, я составлю тебе плейлист для ознакомления. Музыка помогает настроиться на магию, и любой уважающий себя волшебник отдыхает под любимые произведения. Так заклинания усиливаются. Вот в бою слушать музыку не стоит.

— А о чём эта песня?

— О главной беде любой религии, а ещё любого философского учения, политического направления, да и в принципе любой идеи. Об агрессивных фанатиках.

Тем временем за входной дверью послышалась возня, а потом звук отпирающегося замка. Дверь открылась, и в прихожую ввалились Иван и Бердияр с огромными тюками. Следом вошли девушки с длинными свёртками в руках. Вид у всех четырёх был довольный: судя по всему, поездка за оружием прошла успешно. Гратлоргарн вышел навстречу.

— Иван, мы тут воспользовались твоей аппаратурой...

— Да пожалуйста, чувствуйте себя как дома, — ответил парень, с лязгом опуская тюк на пол, — А где Людмила?

— Нет больше Людмилы, — ответил Гратлоргарн, резко помрачнев.

— Как нет? — воскликнул Бердияр, — Мелизье до неё добрался?

— Магия до неё добралась. Людмила покончила с собой, когда обнаружила магию в этом мире.

— Но мы же вернём её? — спросила Даша, опирая об угол свёртки, — Ну, она же вернётся вместе со всеми, когда я проведу ритуал?

— Самоубийцы не возвращаются к жизни. Никогда. Людмила приняла решение вычеркнуть себя из мира, и это решение необратимо. То же касается и Анны.

— Но Алина же вернулась вместе с Ирой!

— Она вернулась потому что вернулись все. Так сработало то заклинание. Любой, кто тогда умирал в мире чудес, возвращался в своё тело в мире Отрекшихся. Но теперь всё серьёзно. Даша, многие не вернутся. Те, кто не хочет возвращаться. Кого не держит здесь любовь. Даже те, кто просто живёт без добрых чувств к чему-либо, не вернутся. Мы можем оплакать их, если нам это важно. Лично я буду скорбеть по бесчувственным, но не по самоубийцам.

— Но она ведь не просто какая-то там самоубийца! Она была нашей подругой!

— Даша, она именно была. Теперь её нет. Все её чувства, привязанности, память — всё это перестало существовать, когда она наложила на себя руки. Она не может прийти к живым во сне, не может быть вызвана никаким ритуалом — ни магическим, ни таинством. Иногда от самоубийц остаются призраки, и это единственные призраки, которые не желают упокоения. Единственный след души, который остаётся после самоубийцы — произведения искусства. А о том, что происходит с их душами дальше, неизвестно. И я, по правде, не хотел бы это узнать. Прими это как есть, Даша. Людмилы больше не существует.

— Так много смертей, — по щеке девушки скатилась слеза, — И так много умерших были нашими друзьями...

— В твоих силах уменьшить это число. Помни это. Чем скорбеть о тех, кто предпочёл изничтожиться, лучше подумаем о тех, кого можно спасти, и тех, кого следует изничтожить нам. Какое оружие вы принесли?

— Я заказал латы того образца, что мы носили в мире чудес, — ответил Иван, — материал даже лучше — калёный титан. Четыре мужских комплекта и два — женских, На всех нас.

— Только нас теперь меньше. И это — очень плохо.

— Один женский комплект достанется Лере?

— Нет, она скопытится через полчаса носки. Кузнец сильно матерился, когда ты рассказал ему, чего хочешь?

— Не то слово. Чуть не отказался и взял двойную плату. Зато потом даже благодарил за технологию. Давайте народ, проходите в гостиную.

— А что с оружием? — спросил Грат, направляясь вслед за хозяином вместе с остальными.

— Двуручный молот, три длинных меча, один бастард для тебя, алебарда для Даши и четыре щита. И шесть кинжалов.

— Вообще, это даже многовато. А тебе стоит взять комплект оружия для человеческой формы и увеличить молот для формы циклопа.

— Блин, надо было два молота заказать. А какой у нас план?

— Да в том-то и дело, что нет у нас никакого плана, — развёл руками Гратлоргарн, — Без Людмилы хрен нам, а не победа над мёртвым драконом. Мертвецы уязвимы к огню, кислоте, их можно порубить оружием или заморозить. Но дракону огонь не страшен: чешуя и крылья не горят и плохо пропускают тепло. Легче перегреть мою чешую, чтобы начала подгорать плоть под ней, чем как-то навредить шкуровке, у которой под кожей ничего нет. То же касается и кислоты: зелёные драконы не прожигаются ею. Был бы он живой — его можно было бы убить молнией, но на мертвецов электричество не действует вообще. Я планировал, что Людмила заморозит его и таким образом приземлит. Потом ты, Иван, отобьёшь ему крылья, и мы все вместе загоним его на кладбище, где святость заставит демона, управляющего трупом, бежать в ад. Но теперь заморозить его некому, и он фиг

спустится, особенно к каменному циклопу с молотом в руках.

— А если я попробую это сделать? — предложила Даша, — Или взову к Пантеону? Мертвецы же боятся богов?

— Только не искусственных. Амбулякры — совершенная и могущественная нежить, и досконально известно, что святыни авраамических религий разрушают их, а вот языческие эффекта практически не имеют. Это тебе не мёртвые рыцари, и не их лошади. И тебе вообще стоит сосредоточиться на ритуале жизни, потому что на него уйдёт очень много сил. Если будешь ещё и дракона валить — ритуал может измотать тебя до смерти.

— Я... готова на это пойти, если понадобится.

— Да знаю. Зато я не готов. Ты не участвуешь в бою, и это не обсуждается.

Ситуация действительно походила на патовую, и Лера это понимала. Но допустить поражения, ничьей или перенесения боя на неопределённый срок она не могла. Надо было что-то придумать.

— А если я попробую его заморозить? — предложила она.

— То потеряешь сознание прежде, чем на его крыльях нарастёт сколь-нибудь серьёзный слой льда. Я научу тебя заклинаниям, но только для самообороны. Ты нужна будешь для того, чтобы держать на Иване, и возможно на остальных, поглотитель стрел. Мелизье всё ещё может пустить против нас военных. Это маловероятно, однако стоит быть готовыми. Любому из нас хватит прямого кумулятива или фугаса, не говоря о ракете. Твоя воля, судя по тому, что я видел, сильнее моей, и ты должна создать достаточно сильный барьер, чтобы полностью поглотить фугас, а не так, как я. А расход сил будет компенсироваться попаданиями. Просто настройся на подпитку от них.

— А если вмешается Мелизье?

— Кстати о нём, — сказал Иван, открывая на мониторе кинотеатра ютуб, — Он зря времени не терял! Во, смотрите!

На включившемся видео действительно был лич, в белой мантии и с витым посохом в руках. Его снимали крупным планом, на профессиональную камеру, а лицо его было значительно розовее, чем обычно.

— Дорогие жители мира материи, — говорил он, — Я прибыл к вам из мира чудес, чтобы помочь справиться с вторгшимися к вам драконами. Вы все могли видеть, как драконы сеют смерть своим дыханием, просто ради забавы. Я надеялся, что ваши власти увидят мои добрые намерения и примут мою помощь, но в ответ получил только недоверие. А действовать надо уже сейчас! И для этого в вашем мире придумали замечательную вещь — демократию! Вы, народ Минска, народ Белоруссии, можете сами сделать свой выбор! Среди вас уже есть те, кто встал на мою сторону, на сторону вашего будущего, и они уже вышли на улицы с петицией, в которой предлагается позволить мне, Мелизье, волшебнику из мира чудес, встать на защиту вашего будущего, сделать вашу жизнь счастливой и безопасной! Каждый из вас, кто видел своими глазами или через ваши устройства то, как я заставил одного из драконов отступить, может сделать нужный выбор и подсказать его своим друзьям и близким. Расписываясь в моей петиции, вы выбираете счастливое, безопасное, надёжное будущее! Ваша жизнь изменится к лучшему! Я сделаю всё, чтобы избавить вас от нищеты, угнетения, болезней и многих бед! Если ваши правители не хотят защитить вас, дайте это сделать мне!

На этом видео заканчивалось.

— Он что, хочет, чтобы мы его в президенты выбрали? — усмехнулся Бердиар, —

Дохлаю рожу без гражданства?

— А если многие подпишутся в этой его петиции? — спросила Згалика, — что тогда будет?

— Нихрена, — ответил Гратлоргарн, — Это филькина грамота, никакой юридической силы не имеющая.

— Да и мы не такие дураки, чтобы на это пойти! — заметил Иван.

— Э-э не, не всё так просто, — возразил дракон, — процентов десять-двенадцать населения он может урвать очень быстро. А со временем — и все тридцать. Хорошо тебе, если ты — красавец маг в белом одеянии, который устраивает с ручным мертвяком представления. И плохо — когда ты сам дракон, и те, кто не бегут от тебя, считают шизофреником.

— Думаешь, будет бунт?

— Да хрен его разберёт, что будет. Бунт подавят, и Мелизье ничего против всей армии не сделает. Он не сможет прийти к власти ни законным способом, ни через восстание. Эта петиция вообще ерунда! Она бессмысленна и бесполезна! Извне его тоже некому поддержать: он — тёмная лошадка для правительств мира Отрекшихся, и его позорной метлой погонит каждый лорд из мира Чудес. Его действия бессмысленны. Но он ничего не делает бессмысленно. И живыми он править не хочет, это точно. Он всегда стремился создать страну мертвецов, где ходячие трупы изображали бы радость и благополучие, давая ему иллюзию счастливого правления. Он видит благо для смертных именно в этом, а превратить Беларусь в страну мертвецов ему никто не позволит, даже если он пробьётся в президенты. Никто не даст ему на это согласия...

Лера лихорадочно соображала. Она тоже была белоруска, и всё, что говорил Грат, касалось её лично. Со слов самого Мелизье она прекрасно понимала, какого будущего и каких перемен он хочет для её страны. Но что-то знакомое было во всей этой истории с петицией. Кажется, ей недавно рассказывали, как, не вдаваясь в подробности, что-то подписывали...

— Бердияр, а что за бумагу вы подписали про то, что не будете из лагеря выходить? — спросила она.

Все уставились на неё так же, как в тот раз, когда она сообразила про камин. Около секунды висело молчание, а потом Гратлоргарн выругался ещё выразительнее, чем тогда.

— Незыблемый контракт! — воскликнул он, — Лера, ты умница! Ты просто чудо! Ах он мерзавец грёбаный! Конечно, впечатлительные красивым представлением и пламенными речами, многие люди не станут вдумываться в его слова, и, мечтая о светлом будущем, подпишут дурацкую бумажку, на которую он наложил чары! Он сформулировал своё предложение так, что будет иметь право сделать всё, что сочтёт нужным для светлого будущего подписавшихся — в его понимании! Вот какие бумаги с подписями видел Иван!

— А он видит светлое будущее в превращении в нежить! — догадалась Даша.

— И в любой момент сможет использовать петиции, чтобы с минимальными волевыми затратами превратить каждого подписавшегося в зомби, или даже амбулякра, — подтвердил Гратлоргарн, — Он вполне может быстро набрать тысяч пятьдесят подписей, а такая армия нежити уже сможет, использовав фактор внезапности, добраться до складов с оружием. А сами мертвецы не разрушаются от пулевых ранений, и мир Отрекшихся будет беззащитен против них достаточно долго, чтобы Мелизье смог его поработить, ну или освободить, в его понимании.

— Так погодите, а причём тут тогда политика? — спросил Иван.

— Да ни причём! Просто отрекшиеся так ею увлечены, что под неё можно замаскировать любую хрень! Плевать Мелизье хотел на политику, демократию, перевороты, выборы и прочую ерунду! Ему просто нужны имена на заколдованной бумажке. И с каждым днём, с каждой нашей неудачей, на бумажке будет всё больше имён. Сколько лайков под этим видео?

— Уже тысяча есть.

— Хреново. Значит, ему нельзя давать время собирать подписи. Надо что-то делать завтра же, с утра. А у нас нечего противопоставить его дракону...

Да, патовая ситуация оказалась ещё сложнее. Скоро перевес будет на стороне Мелизье. Надо было срочно искать способ справиться с мёртвым чудовищем. И тут Леру посетила ещё одна идея.

— Дракону? А если вынудить его быть в человеческом облике?

— Невозможно, — возразил Гратлоргарн, — Он в человеческом облике тогда же, когда и я...

Лера многозначительно посмотрела на него.

— Нет. Нет, об этом и речи быть не может! В человеческом облике я уязвим!

— Он тоже, — возразила девушка.

— Он сильнее и крепче меня!

— У нас есть циклоп. А ещё есть латы и оружие для тебя.

Гратлоргарн склонил голову на бок и скрипнул зубами. Он сомневался и был напряжён.

— Ты давно не сражался в облике человека, да? — догадалась Лера.

— Сто пятьдесят с лишним лет, — подтвердил дракон, — Человеческое тело ничтожно слабо. Я пребываю в этой форме, только когда мне ничего не угрожает, или когда дракону негде поместиться. Будь моя воля, я бы оставался в драконьем облике постоянно. В человеческом теле я чувствую себя голым и связанным. Когда невозможно взлететь в небо, когда в маломальски глубоком водоёме можно утонуть. Когда тебя могут ранить ножом и даже иголкой. И когда в этом облике никто не боится тебя. Именно в этом облике я совершил ошибки, которые перечеркнули моё будущее в мире Отрекшихся.

— И именно в этом облике тебе нужно исправить свои ошибки, Грат. Тебе нужно исполнить свой долг в качестве Александра. Отдать этому миру то, что ты ему должен, чтобы остаться в своём.

— И что я по твоему должен этому миру? — дракон злобно глянул на девушку, но та выдержала взгляд и осталась непоколебима.

— Научиться лечить себя, Грат.

— Ты... права. Ох, чтоб тебя, ты права. Мне нечем тебе возразить. Лера, ты умница, и сейчас меня это дико бесит. Ладно, тогда план такой. Я выманиваю мёртвого дракона, навязываю ему бой, и лечу к храму с кладбищем. Самый подходящий для нашей цели — Храм Александра Невского, неподалёку от площади Победы. Он в центре города, это минус. Зато не придётся лететь через весь город, где бы враг ни обнаружился. Вокруг невысокие здания, и если зайти к кладбищу под правильным углом, амбулякр не среагирует, и может влететь прямо на освящённую территорию. И даже ели не влетит, далеко не уйдёт. Ещё неподалёку площадь Змитрока Бядули, там может развернуться циклоп. А вокруг кладбища ограда, которую можно будет использовать в обороне. Минусы — трамвайные пути. Ломать трамваи, попадать под них, и путаться в проводах от них — не лучшая идея, так что будьте

внимательны, особенно ты, Иван.

— А лучшего места нет? — спросил тот.

— Может и есть, но я о нём не знаю. Мы с мамой часто ходили в тот приход. Мелизье, скорее всего, объявится, когда почувствует, что его любимая кукла больше не шевелится.

— С его стороны разумнее будет отсидеться, — заметила Даша.

— Верно. Но, за двести лет борьбы с ним, я ни разу не видел, чтобы он оставался в стороне, когда что-то идёт не по плану. К тому же, если мы покажем свои мирные намерения, и это дойдёт до президента, Беларусь сможет подготовиться к действиям Мелизье, в том числе найти способ рассеять чары на петиции.

— В прошлый раз нас атаковали военные, — заметил Бердияр, — Что будет, если это повторится?

— Будем надеяться, что амбулякра в штабе после фиаско ждали проблемы. Он приказал открыть огонь, в то время как я не проявлял агрессию. Он же приказал стоять до последнего, когда полевой командир сообщил о потерях и неэффективности оружия. Я слышал рацию. И он упустил меня, сделав все потери бессмысленными. Последнее даже в планы Мелизье не входило. Более вероятно, что он сделал себе подразделение мёртвых воинов, или сделает с помощью петиций, но с такой угрозой мы справимся. В общем, план вы знаете. Даша и Иван, вам задача подогнать молот и один комплект брони под размеры циклопа. Езжайте после темноты в какой-нибудь парк, где людей поменьше. Ивану может понадобится броня в обеих формах. Леру я буду учить магии, а потом она будет отдыхать и готовиться. Бердияр, готовь ловушки. Завтра твоей задачей будет оборона места, где будем проводить ритуал. В случае чего уводишь женщин из боя. Сам ты будешь в человеческой форме, и всё, что понадобится для битвы, должно быть у тебя наготове. Згалика, про форму это и тебя касается. Готовишь на завтра зелья. Будешь ассистировать Даше во время ритуала.

Глава двенадцатая, о рухнувших надеждах и людской природе

Весь вечер шла подготовка к будущей битве. С помощью магии подгоняли и зачаровывали броню, точили клинки. Бердияр сходил в магазин за маленькими бутылками питьевой воды и бинтами, а вернувшись, засел мастерить какие-то свои устройства. Згалика что-то варила на кухне, а получив бутылки, принялась наполнять их этими варевами. С наступлением темноты Иван и Даша уехали вооружать форму циклопа. А Гратлоргарн весь вечер обучал Леру заклинаниям. Главным для предстоящего боя был "Поглотитель стрел", который девушка уже видела в исполнении дракона. Это заклинание действительно оказалось нетрудным. Сложнее было научиться использовать магию для атаки: к ночи Лера научилась формировать только простенькие стихийные снаряды — огненные сгустки, сосульки и кратковременные разряды электричества. Иван позволил тренироваться у него в обложенной плиткой ванной, но наотрез запретил портить её кислотой. Ещё Грат рассказал, как защищаться от контролирующих заклинаний.

— Когда ты знаешь, что тебя могут попытаться взять под контроль, — рассказывал он, — думай о своей главной цели. Перед самым эффектом заклинания появляется какое-то иррациональное желание: поспать, подождать, почувствовать чему-то. В этот момент думай о своей цели. В твоём случае это может быть справедливость или любовь к Василию. Если воля заклинателя будет значительно сильнее твоей, или эффект будет исходить от мощного артефакта, это не поможет, но если разница будет не критичной, тебе будет тем легче защититься, чем сильнее ты будешь хотеть достичь цели.

После этого дракон потренировал её такой защите. Получалось через раз, и Лера не строила иллюзий о том, что может случиться в реальном бою. Гратлоргарн тоже остался не очень доволен результатом, но, как и обещал, помог подобрать Лере музыку для отдыха. Среди треков были и тяжёлый рок, который Лере было трудно воспринимать, и приятные инструментальные мелодии. Рэпа не было: как объяснил дракон, эта музыка сбивает боевой настрой и снижает ментальную защиту, и его используют для транса.

Но вот, приготовления были закончены, и бойцы, перекусив, стали готовиться ко сну. Девушек расположили на диване и кровати, которую Даша починила заклинанием. Вставив в уши наушники, Лера легла на предоставленный ей диван и прикрыла глаза. Мелодии наполняли её, и она с удивлением ощущала новые, мягкие и глубинные эмоции, которые были чужды ей раньше. Мягкий голос пел под тяжёлую музыку что-то об океанских глубинах и утраченной любви, и вместе с нарастающей силой музыки всё сильнее рвалась из привычного мира душа девушки. Туда, в мир, полный неизведанного, где нет рамок и рельс, и где возможно всё, на что у тебя хватит воли. В мир Гратлоргарна. В мир, где любовь — один из законов мироздания. И где будет Василий. Человек, который любит её всем сердцем, и которого любит она. И они сольются в этом далёком мире воедино. Не телами, они будут не нужны. Они сольются душами, и вся энегррия вселенной потечёт через это новое существо, сосредоточится в нём, когда воплощение будет завершено. "We joining eternal sleep", — пропел голос, и песня закончилась. Напряжение схлынуло, и Лера почувствовала себя обновлённой, свободной. Первый шаг к этому состоянию был сделан, когда Гратлоргарн, превратившись в дракона, скинул с неё рамки привычного, лишив всего, что

сковывало её и направляло по единственному пути. И вот теперь был сделан последний шаг. Лера больше не была студенткой со смутным идеалом справедливости и слабой, высокомерной любовью. Она была молодой волшебницей, скинувшей скорлупу со своих чувств, и осознавшей свою главную цель — любить. И главный ориентир — воплощённое в справедливости добро. Она знала, что ей предстоит, и, хоть сил её было для этого недостаточно, у неё должно всё получиться, потому что так будет справедливо.

Музыкальная группа называлась "beast in black". Лера ни за что не обратила бы сама внимание на что-то с таким названием. А оказалось, что они играют хоть и непривычную, но красивую музыку, и поют не о наркотиках и сатанизме, как можно было подумать, а о положительных, и даже вечных вещах.

В подборке были и другие исполнители. Девушка уснула довольно быстро, под красивую игру на скрипке в электронном аккомпанементе. Ей снились волшебные пейзажи неведомых стран. Маленькие волшебные уголки, наполненные фосфоресцирующим светом, играющим в воде прудов. В темноте, под сияющими звёздами. И Вася, ждущий её там. Он был в этом сне абсолютно голый, но без чего-то неприличного, что принято прятать. И, несмотря на это, ещё более крепкий и мужественный, чем в жизни. И она была в этом сне такой же. Их объединяли чистота и покой тех мест, и ничего не мешало их единству. А потом сновидение растаяло, и начался глубокий и спокойный сон, продлившийся до самого утра.

Когда она проснулась, из кухни уже доносился приятный запах завтрака, а Гратлоргарн в наушниках смотрел ютуб с Ваниного ноутбука. Даша и Иван спали вдвоём на подстилке на полу: девушка, скорее всего, прилегла к любимому среди ночи. В уголке, в форме гоблина, посапывал Бердияр.

— Ты проснулась? — заметил Гратлоргарн потягивающуюся Леру, — хорошо. Выспалась нормально?

Он говорил тихо, чтобы не разбудить спящих. Девушка последовала его примеру, и говорила шёпотом. На часах над монитором кинотеатра была половина девятого.

— Я готова. Давай сделаем это.

— Пусть выспятся. Згалика — ранняя пташка, наготовит завтрак, и уж кто не проснётся тогда — того будем будить. Нам нужны силы. Каждый должен будет выложиться по полной. Против нас будут все, от мертвецов Мелизье до милиции и белорусской армии. Я надеюсь, что люди сменят сторону, но вначале может быть всякое, и лучше обойтись без жертв. Каждый убитый может пополнить вражеские ряды, а я сам всё-таки белорус.

— Грат, пообещай мне, что ты не обманываешь меня сейчас, и сделаешь так, чтобы Вася вернулся.

— Обещаю. Слово монстра хранителя — твоё.

— Как мне понять, что ты не обманываешь меня?

— Никак, — усмехнулся дракон, — для тебя такое слово ничего не значит, но другого у меня нет. Ты можешь мне верить или нет. Ты нужна мне, это тоже правда. И я способен пойти на хитрость, когда дело касается людей. Большинство из них не заслуживают большего. Но я честен с тобой.

— Почему?

— Блаженны алчущие и жаждущие правды. Ты именно такая, и мне не хочется обманывать того, кто должен будет правдой насытиться.

— Странные у тебя представления о вере.

— Знаю.

Тем временем проснулись Иван и Даша. Пожелав доброго утра, они отправились приводить себя в порядок. Лера последовала их примеру, а вскоре Згалика позвала к столу. За завтраком обсудили детали плана, но Лера вполне представляла свою роль — прикрывать товарищей поглотителем стрел и иногда помогать в бою. Грат был мрачен, и Лера догадывалась, что он всё ещё терзается мыслью о бое в облике человека. Потом были сборы. Надо было облачить всех, кроме Леры и Згалики, в латы. Заявив, что магия ему не понадобится и он может не беречь силы, дракон наложил на друзей иллюзии обычной одежды, чтобы их не остановила милиция, и отряд выехал к месту предстоящего боя.

Людей на улицах было не очень много: появление драконов сделало прогулки не самым популярным занятием. Однако, проезжая мимо площади Независимости, Лера заметила небольшую цепочку людей. Замыкала её фигура с бумагами в руках, и подходящие к ней люди что-то на этих бумагах писали. "Кукла Мелизье и те, кто решил его поддержать", — подумалось девушке. Враг тоже не терял времени.

Площадь Змитрока Бядули была небольшим разъездом, окружённым трамвайными путями. Вокруг высились дома по пять-семь этажей, с оттенком сталинского ампира в архитектуре. Бледно-серые облака закрывали небо сплошной пеленой, и старенькие на вид стены рыжего и коричневого оттенков создавали вокруг этого места немного тоскливую, томную атмосферу. Чуть дальше по дороге виднелось обильно засаженное высокими деревьями кладбище, в центре которого стоял храм из рыжего кирпича, крытый зелёной крышей. Место было довольно живописное. Лера часто проезжала неподалёку, но ни разу не обращала на него внимание.

На самой площади стояло много машин, и Бердияр с Иваном расположили свои на ней, так, чтобы замкнуть площадку.

— Может стоит провести ритуал всё-таки на кладбище? — предложила Лера, когда все собрались на этой площадке в круг.

— Искусственные боги не слышат почитателей на освящённой не в их честь земле, — возразил Гратлоргарн, — Даша не сможет использовать свои жреческие силы там. Так, давайте ваши руки. Есть ещё одно важное для координации заклинание. Я наложу, а вы поддерживайте по возможности. Повторяйте за мной: Именем Кая Стенгари, услышьте мои мысли!

Соединив руки, как в мотивационном жесте, друзья повторили заклинание, и волна разрозненных идей и слов обрушилась на Леру, от чего она вздрогнула и покачнулась. Судя по реакции остальных, с ними произошло то же самое, только сам Гратлоргарн стоял спокойно.

"Так, соберитесь, — услышала девушка драконье рычание у себя в голове, — старайтесь думать по делу. Это — наиболее эффективный способ связи и координации. Устанете — просто закройте от остальных, и заклинание перестанет работать, но постарайтесь этого не делать. Я полетел на поиски".

Губы Грата не шевелились, и Лера поняла, что слышит его мысли. Скорее всего, только те, которые он позволял. Мысли остальных стали потихоньку заглушаться, и вскоре установилась чистота "эфира". Гратлоргарн произнёс заклинание невидимости и исчез, но Лера чувствовала отголосок его мыслей, которыми он принял истинную, драконью форму. Чувствовала она и отголоски мыслей остальных — волнение Ивана за Дашу, Дашинское стремление защитить людей от смерти, борьбу Згалики с тревогой и тревогу Бердияра за

Згалику. Сосредоточенность каждого на своей цели, а ещё — любовь. Каждый любил остальных как друзей, и каждого любил кто-то особенно сильно. Только Лера и Грат были одни, не любимы ни кем особенно.

Бердияр сразу занялся делом. Превратившись в гоблина, он юркнул к машинам, и принялся растягивать между ними лески, раскладывая странные устройства и расставляя склянки. Для Леры же потянулись томительные минуты ожидания. Скорая опасность как будто висела в воздухе, однако и возвращение Васи было всё ближе.

"Нашёл его, — слышался в голове Леры рык дракона, — Взлетел со стороны цирка. Рассеиваю невидимость, приманиваю. Идёт за мной. Иван, готовься"

"Превращаюсь по команде" — ответил Ваня.

На фоне серых облаков показались две фигуры — красно-зелёная впереди и грязно-серая, догоняющая её. Кладбище было как раз на их пути, и Грат уверенно летел в его сторону, время от времени опуская голову под брюхо и поливая врага шлейфом огня. Но, когда высокие деревья были уже совсем близко, преследователь вдруг резко развернулся, и по широкой дуге полетел к площади.

"Мы как на ладони, — слышался голос Бердияра, — давай Грат, заходи на посадку, иначе он сейчас..."

"Захожу, — ответил дракон, — Иван, лови!"

Изо всех сил размахивая крыльями, Гратлоргарн ринулся в сторону друзей, окутываясь зелёным туманом и оставляя за собой длинный шлейф, а Иван, окутавшись серебряным, стал расти. Огромная фигура, высотой метров в шесть, выставила вперёд руку, и подхватила падающее тело. Лера почувствовала отголосок боли. Однако это подействовало: второй дракон, окутываясь чёрным дымом, стал уменьшаться и на всей набранной скорости влетел в одну из стоящих на площади машин.

Избавившийся от тумана облачённый в латы великан осторожно опустил Грата на землю. Тот стонал: из-под лат обильно текла кровь. Лера быстро подскочила к нему и зашептала заклинание, но слышала его мысль: "Рано". Гратлоргарн сорвал с пояса бутылочку с зельем Згалики и быстрыми глотками влил в себя содержимое, после чего встал, и Лера слышала его мысль: "Иван, не дай мертвецу уйти!"

Действительно, амбулякр, повалившись несколько секунд без движения внутри машины, теперь вылез и бежал прочь. Но, поднырнув под провода, великан в два прыжка нагнал его и взмахнул молотом. Как мячик, мертвец полетел в сторону кладбища, но, прокатившись по земле, разлёгся на трамвайных путях. Циклоп прыгнул к нему, и, поймав на моменте, когда собирающиеся по кускам кости в пиджаке достаточно поднялись над землёй, ударил ещё раз.

"Сверху надо было! — прорычал дракон в Лериной голове, — Размолоть кости, и закинуть на кладбище небоеспособным!"

"Не подумал — ответил Иван, — сейчас сделаю".

Тем временем амбулякр стукнулся о железную решётку ограды кладбища, отскочил и упал на землю. Циклоп подскочил к нему, чтобы раздавить ударом, но труп кинулся великану в ноги. Принимая человеческие очертания, он стал маневрировать под ногами медлительного великана. Открытые ворота кладбища были совсем рядом, однако ни пролезть в них, ни закинуть туда мертвеца гигант не мог. Его мысли спутались, и связь с ним оборвалась. Мысль Гратлоргарна "превращайся в человека" уже не достигла его.

"Сейчас тут будет Мелизье! — слышался рык Грата в голове Леры, — Время против

нас! Кто-то должен загнать куклу на кладбище! Бердияр?"

"Я занят ловушками, — ответил гоблин, — У меня ещё дофига не готово. Может Даша?"

"Не вариант! Пока не будет ритуала, её в бой не втягиваем!"

Но Лера видела, чья работа уничтожить мертвеца.

— Грат, это должен сделать ты! — обратилась она к нему с помощью речи, — Ты — воин, ты вооружён, а больше никто не сможет сделать то, что нужно.

"Иван меня затопчет!" — возразил Грат.

— Что, мертвецы ловчее людей? Ты получил подготовку, а он — нет! Он справляется, и ты справишься! Давай!

— Но... — вырвалось у дракона.

— Ты хотел искупления — так вот это оно. Ты или справишься с этим уродом как человек, или будешь достоин только помереть тут с нами. Решай!

"Уродом-то его не называй, — услышала она рык в голове, — он моя копия, только подгнил. Давай за мной, поможешь."

Опустив забрало шлема и выхватив полуторный меч, Александр бросился в бой. Прошмыгнув под ногами циклопа и увернувшись от случайно опущенного молота, он рубанул мертвеца. Тот отскочил назад, но остриё клинка взрезало прогнившие остатки рубашки и пиджака. На мостовую упали несколько разрубленных рёбер. Мертвец попятился, а Гратлоргарн удар за ударом гнал его к воротам.

"Лера, когда будем перед воротами, жги его!" — услышала девушка в голове драконий рык.

Она бросилась вперёд, оббегая сражающихся, и оказалась у ворот как раз вовремя, чтобы прочитать заклинание. Маленький огненный шарик слетел с её пальцев и ударился в пиджак, растаяв в воздухе, но этого хватило, чтобы ткань загорелась. Не ожидавший такого мертвец принялся сбивать огонь, а Грат, тем временем, обошёл его с нужной стороны и взмахнул мечом так, что амбулякр, отступая, очутился на кладбище. Как только это случилось, всё его истлевшее тело задёргалось, он заверещал и кинулся к выходу, но в проходе стоял Гратлоргарн. Он пинком отправил мертвеца обратно и, подскочив, перерубил его по поясу. Верхняя часть трупа поползла на Грата, но тот просто взял её за шею и понёс к храму. Лера последовала за ним, и чем ближе к дому Божьему они подходили, тем громче визжал и тем отчаяннее вырывался мертвец. Он пытался махать костлявыми кулаками и царапаться, однако латы не позволяли ему добраться до живой плоти. А у самого храма собрались прихожане. Вперёд вышел священник, и, прикрываясь крестом, наблюдал происходящее.

— Вы все подохните! Вы подохните! — завизжал труп у самых ступеней, — Нас нельзя убить, а то, что нас не убивает...

— Вас делает сильнее? — усмехнулся Гратлоргарн, бросая останки на землю, — Живый в помощи Вышнего в крове Бога Небесного водворится!..

Услышав слова псалма, мертвец забился на каменных плитах как в агонии, закричал, а потом крякнул последний раз и затих. Священник же, увидев всё это, подошёл ближе и спросил:

— Кто ты, святой воин?

— Отец Пётр, я не святой, — ответил Гратлоргарн, поднимая забрало, — Я великий грешник, и вы знаете меня.

— Александр? Но я же лично отпевал тебя!

— Вы отпели его, — махнул Грат ладонью в сторону трупа, — моё тело, лишённое души. Я же был в другом месте. Там тоже почитают Христа, но мир куда сложнее, чем тут. Я стал одним из тех драконов, которого видели в городе в последние дни. Но был оболган беспоклонником и втянут в события, о которых скорблю. Я продолжаю служить Господу как могу, и сейчас здесь для того, чтобы сразиться с одним из Его ненавистников.

Священник пристально взгляделся в лицо латника, а потом перекрестил его распятием.

— Тогда пусть будет с тобой благословение Отца и Сына и Святого духа.

— Саша? — послышался среди прихожан знакомый Лере женский голос. Растолкав собравшихся, вперёд выбежала Лидия.

— Мама? — Грат отступил назад, и Лера почувствовала бурю эмоций, всколыхнувшуюся в нём, — Мама, я... Прости! Прости меня за то, что я натворил! Прости за то, что причинил тебе боль! Я всё осознал, я понял, что не должен был так делать, мама! Спасибо тебе за то, что ты сделала меня таким, какой я есть! Не важно, как там оно было, но посмотри, каким я теперь стал!

Зелёный туман окутал фигуру в доспехах, а когда он рассеялся, Грат предстал перед прихожанами в облике дракона. Священник отшатнулся назад, но устоял. Многие прихожане бросились на утёк через кладбище, а Лидия тупо уставилась на сына, ставшего вдруг чудовищем.

— Мама, я понял, почему всё так получилось. Господь хотел, чтобы я стал драконом. Я нужен был ему таким. Я обижался на тебя за то, каким ты меня воспитала, но я был не прав! Вот я какой теперь! Я умею летать, и...

— Сашенька! — закричала женщина и бросилась вперёд. Но не добежала до дракона. Она упала на колени и подхватила с брусчатки то, что осталось от куклы. Обняла кости, прижала к себе и принялась гладить остатки волос на истлевшей голове.

— М... мама, это больше не я, — пробормотал дракон, — Я тут...

— Уходи! — закричала Лидия Афинская, — Чудовище! Ты убил моего Сашеньку! Я не позволю тебе больше навредить ему! Сашенька, всё кончилось, мы сейчас пойдём домой... Ты тут ещё, бесовское отродье? Убирайся!

Дракон отшатнулся и присел на землю. Его и без того огромные глаза округлились, а челюсть отвисла. Лера почувствовала шок и волну боли, накрывшую Гратлоргарна, сожаление и горечь, которые дракон даже не пытался скрывать. Мысли остальных поникли под действием этих эмоций, и превратились в шёпот.

"Мне жаль", — послала Лера дракону мысленное сообщение. Тот встрепенулся, как будто его укололи.

"Да, — прозвучал в голове рык, — мне тоже. Она выбрала тело, которое родила, а не душу, которую воспитала. Но всё не так плохо: она любит меня. Не важно, что для неё я — этот кусок гнилого мяса. А её нынешнее состояние легко поправить магией. Скоро оно вовсе перестанет быть проблемой в этом мире".

"Грат! — послышался голос Згалики, — тут проблема. Милиция приехала".

"Этого ещё не хватало!" — подумал дракон, и обратился в слух к священнику.

— Отец Пётр! Я вынужден просить вас о помощи.

Всё время после появления дракона священник крестил его и читал молитву, но, видя, что от этого с чудовищем не происходит ничего нового, стал с интересом присматриваться к нему. Теперь же он, потев и сглатывая слюну, всё-таки спросил:

— Что тебе нужно?

— Помогите моей маме. Скоро это научатся лечить, но пока ей нужна помощь хоть какая-нибудь. Сюда с минуты на минуту явится злодей. Он тоже мертвец, как и тот, который был разрушен, но гораздо могущественнее. Он будет не один, и я с друзьями вступлю с ним в бой. На кладбище вы будете в относительной безопасности, но берегите себя.

Отец Пётр что-то сказал нескольким оставшимся прихожанам, и они увели бедную женщину в храм. Разобравшись с этим, священник обратился к дракону.

— Ты — чудовище. В библии подобные тебе часто упоминаются как слуги нечистого. Почему я должен тебе верить?

— Потому что всякое дыхание хвалит Господа. Вы не обязаны мне верить. Я пойду делать что должно, и, надеюсь, Господь поможет всем нам.

Снаружи, на площади, под золотистым куполом, стояли остальные четверо товарищей, все в человеческом облике. А в них целились, прячась за машины, несколько десятков людей в милицейской форме. Лера немедленно накрыла себя и дракона куполом поглотителя стрел. Заметив приближение чудовища, милиционеры сразу развернулись к нему. Прозвучал случайный выстрел, и на Лерином куполе вспыхнула точка.

"Нервничают, — подумал Гратлоргарн, — ещё бы".

— Прошу вас, не открывайте огонь, — зарычал он, — Мы здесь чтобы защитить вас, а не причинять вам вред.

Некоторые милиционеры переглянулись, но другой реакции не последовало. Дракон приближался.

— Мы не причиним вам зла, — снова зарычал дракон, — Мы только что уничтожили существо, убившее людей кислотой на площади Независимости и в институте.

Двое служителей закона заняли позиции, развернувшись к приближающимся, и один из них, видимо командир, крикнул:

— Люди на площади с вами?

— Да.

— Нам приказано арестовать вас за ношение холодного оружия! Пусть ваши друзья положат... мечи на землю и поднимут руки.

— Мы можем сделать это, — ответил Грат, подошедший уже довольно близко, — но послушайте меня. Вам угрожает опасность, и мы хотим вас защитить. Мы можем казаться вам нелепыми или страшными, но хотим спасти многих, и вас в том числе, от реальной угрозы. Выходец из моего мира ведёт среди вас подрывную деятельность, и пытается учинить массовое убийство...

— Сначала сложите оружие и поднимите руки, чтобы я их видел! И не приближайтесь!

— Президент в выступлении говорил, что готов к сотрудничеству. Так вот, это оно. Разоружение и сдача в плен не входит в это понятие.

— У нас есть приказ. Если вы не подчинитесь, мы будем вынуждены применить силу...

"Что будем делать?" — послала Лера мысленный вопрос.

"Эти несчастные — скорее всего те, кто был поблизости, — послышался ответ, — Я думал, что их может быть больше, но планировал, что Мелизье появится раньше. Мы не можем им сдаться. Я попробую снова отвлечь их на себя и распугать. Танков у них теперь нет, поэтому мне они..."

В этот момент несколько милиционеров вдруг дико задёргались, как от конвульсий. На глазах растерянных товарищей их плоть стала быстро иссыхать и разрушаться.

— Началось, — произнёс Гратлоргарн, — Значит, и среди вас кто-то подписал эти

дурацкие бумажки?

— Нам начальство передало... — вырвалось у командира, попятившегося от товарища, который уже упал на землю, — Это ваших рук дело?

— Нет же, чтоб вас всех! — проревел Гратлоргарн, — Это дело того, от кого мы пытались вас защитить! Многие из вас подписали?

— Это не ваше...

— Не моё дело? Ты, дурень, хочешь, чтобы вы все тут полегли? Ваше оружие бессильно против нежити, в неё бесполезно стрелять!

— Какой ещё нежити?

Тем временем товарищ командира, уже окончательно иссохший, вскочил на ноги и вскинул оружие, наводя его на своего начальника. Среди остального отряда милиции послышались крики и выстрелы: мёртвые обратили оружие против живых. Гратлоргарн бросился вперёд, и прежде, чем мертвец нажал на курок, схватил его челюстями. Прозвучали выстрелы. Пуля из пистолета мертвеца вонзилась в стену, а ещё несколько пуль отлетели от прочной чешуи на морде дракона: командир выстрелил машинально, когда огромное чудище клецнуло зубами прямо перед ним, а поглотитель стрел Леры к этому времени уже накрыл и его. Лёгким тычком морды дракон откинул милиционера в сторону, и, сплюнув перемолотые кости мертвеца, сказал:

— Офицер, огнестрельное оружие бесполезно в этом бою. Доставайте вашу дубинку, а лучше — бегите.

— Ты... — пробормотал тот, пытаясь взять себя в руки, — что ты сделал?

— Спас тебе жизнь, герой ты меча и магии! Что с ней делать — решай сам.

Командир отряда милиции сорвал рацию с ремня и сказал в неё:

— Докладывает капитан Калинин. Подозреваемые не проявляют враждебность, но есть признаки внутреннего саботажа. Повторяю: угроза внутреннего саботажа! Приём!

Ответа не последовало. Тем временем мёртвые милиционеры расправлялись с одним коллегой за другим, а убитые превращались в нежить и немедленно вставали на их сторону. Бердияр и Иван бросились в бой, пытаясь защитить тех, кто только что держал их на мушке. Звучали выстрелы, но Лера могла заметить, как пули высекают искры на зачарованной броне, не пробивая её. Увидев, что огнестрельное оружие бесполезно, некоторые милиционеры выхватили дубинки и пытались перейти в ближний бой, но падали застреленными. Командир бессильно смотрел, как гибнет его отряд.

— Калинин, значит? — повернулся к нему дракон, — Вот что, капитан Калинин. Сейчас ты беспомощен. Видишь там двух женщин? Сейчас наш человек заберёт тебя к ним. Они смогут тебя защитить.

— Я офицер милиции! — попытался возразить тот, — Что бы ни было, моя работа — поддерживать порядок...

— Уважаю твоё рвение, но сейчас лучшее, что ты можешь сделать — связаться со своими и рассказать о ситуации. Впрочем, и это уже бесполезно.

"Кто держит купол в центре?" — услышала девушка голос дракона в голове.

"Я", — ответил Бердияр.

"Молодец. Скажи Ивану, чтоб превращался в циклопа, а сам заberi к вам в купол милиционера, который рядом со мной, и держи оборону. Даша, начинай ритуал. Згалика, на тебе её поддержка".

"А что с нежитью?" — спросил гoblin.

"Я уничтожу их сам. Давайте, за работу".

"А почему Мелизье начал это сейчас? — послала Лера мысленный вопрос, — Мы ведь попали в очень сложную ситуацию, которая была ему на руку!"

"Самому интересно. На несколько минут я и сам подумал, что мой план был провальным, и лич не появится, а продолжит собирать армию".

Ответив так, дракон прыжком поднялся в воздух и, медленно набирая скорость, зашёл на собравшихся в кольцо скелетов. Те не думали прятаться, а встретили чудовище выстрелами, однако пули растворились в поддерживаемом Лерой золотистом поле. Дракон ответил струёй кислоты, которая, накрыв мертвецов, стала быстро растворять их, а заодно и асфальт под ними. Сверкнули искры — это замкнуло трамвайные провода, порвавшиеся от кислотных брызг и упавшие на рельсы.

Девушка смотрела, как дракон кругами летает вокруг площади, а на ней размахивает молотом великан. Им было с кем сражаться: в сторону площади бежали фигуры с черепами, торчащими из воротников. Они были разных возрастов и в разной одежде, вооружённые ножами, лопатами, даже бензопилами. Среди них не было детей моложе лет двенадцати, и совсем пожилых на вид людей. И мертвецов становилось всё больше. Стараясь держаться ближе к ограде кладбища, Лера побежала в сторону площади, как вдруг дракон приземлился рядом с ней.

"Я тебя донесу, ты там нужна" — услышала девушка его мысли, но сразу же в её голове раздался голос Даши:

"Грат, что-то не так! Я делаю всё, как ты говорил, но ничего не происходит! Они не отвечают мне!"

"Кто?"

"Пантеон! Они слышат меня, я чувствую! Но не отвечают! Наверно, я в чём-то ошиблась!"

Леру как будто молния ударила. Ей вспомнились слова Грата о том, что искусственные боги никогда ещё не откликались на ритуал жизни. А значит, всё это было бессмысленно, и она находится в самом центре зомби-апокалипсиса ради ложной надежды, которая, возможно, сейчас умрёт вместе с ней. Ноги девушки подкосились.

"Я сейчас буду", — ответил Гратлоргарн, выжигая струями пламени наступающих мертвецов, после чего схватил Леру передними лапами и взлетел.

Холодный пот струился по лбу девушки. Земля сначала улетела куда-то вниз, а потом вернулась под неё. Рядом оказались остальные. Бердияр дёргал за какие-то верёвочки, читал простенькие заклинания и бросал какие-то склянки. В ответ на его действия слышались щелчки, взрывы и хруст ломающихся костей. Где-то рядом и сверху вращал молотом циклоп. Хлопали крылья дракона, принёсшего её сюда. А рядом на каменной кладке сидела Даша в латах, нижнюю часть которых прикрывала испачканная в пыли белая юбка. Згалика стояла над ней и массажировала виски: шлем валялся рядом.

— Что там у тебя не так? — спросил в слух Гратлоргарн.

— Я вычитываю вот этот текст, а Згалика пропевает это, потом...

Дракон внимательно слушал и кивал.

— Ты всё правильно делаешь.

— Тогда почему, почему они не возвращаются?! Что не так? Это я виновата?

— Грат, их тут дохрена! — закричал Бердияр, — Я новые ловушки не рожаю как бы! Ты нужен в небе!

— Сейчас взлечу, — ответил дракон, — Даша, продолжай. Все люди, погибшие не своей смертью за последние дни, должны вернуться к жизни!

И он взлетел, дабы испепелить бесконечную орду мертвецов, а скромная блондинка в латах, которая так не хотела, чтобы кто-то умирал, принялась читать бесполезные строки под напевы красавицы-гоблинши.

Прогремел выстрел, и послышался звон стекла и металла.

"Лера, твой выход! — раздался у девушки в голове голос Бердияра, — Железный капут приехал! Я держал пули, но танковый снаряд мне уже не по силам!"

"Всё это бесполезно, — ответила Лера, — Всё напрасно".

"То есть как это напрасно?"

"Лера, соберись, — раздался в голове рык дракона, — Мы делаем то, к чему ты стремилась, и сейчас нужна твоя помощь!"

Ещё один снаряд разорвался, не до конца поглощённый барьером гоблина. Взвыл циклоп, уже второй раз прикрывший собой друзей. Видимо, осколок попал ему в сочленение брони и пробил каменную шкуру.

"Всё это бесполезно, — безучастно думала Лера, — Искусственные боги не возвращают умерших. Никогда. Они беспомощны".

"То есть как это беспомощны? — зазвучала в голове девушки мысль Даши, — Грат, что это значит?"

"Этого ещё не было, но не значит, что не будет! — ответил дракон, — Продолжай, Даша! Лера, нужен купол немедленно! Иначе они расстреляют нас из танков!"

"Глупо повторять одно и то же, надеясь на новый результат. Я встречу с Васей на том свете", — ответила студентка и разорвала связь.

Она легла спиной на холодный, пыльный камень, и устремила взор в облака. Они были ровными и бледно-серыми, далёкими, и, казалось, бескрайними. Это была стена из лёгкого, неосязаемого водного пара, где-то далеко вверху. Такая толстая, что сквозь неё не было видно неба, солнца, звёзд — не важно, что было там, за ней. Стена, непреодолимая, как смерть.

Застрекотали пулемёты. Звучали выстрелы танков, а после одного из них послышался вопль раненого дракона и звон автомобилей, раздавленных телом чудовища. Рядом закричала Даша. Лере не было важно, что вызвало этот крик. Ранило ли её что-то, отреагировала ли она так на падение Грата, или хватило вида изуродованных и расчленённых трупов вокруг площади. Это было не справедливо. Так не справедливо, как только было возможно. Лера сделала всё, чтобы обратить свою ошибку, убившую её любимого. Всё, что было в её силах. И таким образом убила всех, кто её окружал.

Она услышала рёв циклопа: великан бросился в атаку, покинув купол. Прозвучали взрывы, рык и скрежет металла. Что-то грохотало, но это было не важно. Такова жизнь. Жестокая, несправедливая. Надо было смириться с тем, что есть. Оплакать человека, которого девушка вроде и не так сильно любила. Оставить в покое дракона и его друзей. Позволить ему уйти. И жить дальше, может быть даже в качестве куклы Мелизье. Кто знает, может быть такое существование и правда было бы лучше? Множество людей поставили подпись в его бумагах. Может быть, он действительно смог бы построить прекрасное общество смерти без боли, неравенства и угнетения?

Лера повернула голову. За раздавленными легковушками виднелись очертания двух бронированных корпусов с вывернутыми башнями, и отпрыгивающая от одного из них

фигура бушующего циклопа. Третий танк, продолжая бой, откатывался назад, а из командирского люка на башне торчала по пояс фигура танкиста, с белеющими костями вместо лица. Не замолкая стрелял пулемёт боевой машины, высекая искры из брони великана. Тот уже припадал на одну ногу, но держался. Он бросился на танк, но дуло машины сверкнуло и послышалось шипение. Молот, вспыхнув сиянием высвобождаемых чар, прошиб крышу башни, смяв мёртвого командира, но и сам циклоп качался. Он повернулся, и Лера увидела маленькую пробоину в его кирасе в середине груди, из которой текла тёмно-коричневая жидкость. Великан опустил на колено, а потом рухнул на землю.

Даша закричала вновь. Лера увидела, как девушка воздела руки к небу, и что есть сил, выкрикнула:

— Пожалуйста, нет! Нет, это не может закончиться так! Истинный Бог, если Ты есть, я взываю к Тебе! Пожалуйста, заведи меня! Заведи всё, что хочешь! Мою жизнь, всю меня, всю память обо мне! Что угодно, но только не дай Ване умереть!

Лера снова откинулась на спину. Это было бесполезно. Теперь эта беспомощная блондинка такая же, как и она. И сейчас смерть заберёт их всех. Смерть, такая же неумолимая и нерушимая, как это серое небо.

Но вдруг вспышка на миг ослепила её, а Даша вскрикнула, и раздался звук падающих на камень лат. А когда зрение восстановилось, с неба бил мощный густой луч света. И появился ещё один звук — плач младенца. Что-то резко изменилось. Лера вскочила на ноги. Рядом с плотным, как струя воды, лучом лежала Даша, а Згалика склонилась над ней. А в самом луче виднелся маленький тканевой свёрток, и этот свёрток шевелился. Это был ребёнок, на вид полутора-двух лет отроду. Лера подскочила к лучу, и взяла младенца на руки, и сразу в потоке света появился другой человек, в просторном белом одеянии. Немолодой полноватый мужчина, в котором девушка узнала того военного, которого видела с Мелизье.

Ритуал жизни свершился, Лера поняла это. Из луча выходили всё новые и новые люди. Но какова была цена? Лера глянула на Дашу. К её облегчению, та шевелилась. Згалика помогала ей приподняться и влиwała в рот зелье. А рядом из разбитых машин поднимался Гратлоргарн. Одно из его крыльев было разодрано на полоски, но в остальном дракон выглядел вполне здоровым. Не теряя времени он принялся извергать пламя на бегущих мертвецов, отползая к лучу. Пробивающихся через пламя мертвецов встречали Бердияр и сражающийся Дашиной алебардой капитан милиции. Впрочем, напор мертвецов, кажется, становился слабее. Лера посмотрела в другую сторону, туда, куда упал циклоп. Закованная в латы фигура не двигалась.

— Что случилось? — произнесла Даша, поднимаясь на ноги.

— У тебя получилось! — воскликнула Згалика, — Ритуал завершён, и умершие возвращаются к нам!

— Ты в порядке? — спросила Лера.

— Да, но что-то не так... Я не чувствую их.

— Кого? — прохрипел дракон, переводя дыхание.

— Пантеон. Тех, к кому я обычно взывала. Я чувствовала их в мире Чудес после фейского алтаря, и теперь, когда миры соединились, но больше не чувствую.

— Ты ведь взывала к Истинному Богу. Он точно не из греческого Пантеона. А искусственные боги ревнивы, и не прощают измен. Впрочем, они могут и не мстить, ведь ты служила им хорошо.

— А почему... почему я не мертва? Я же предлагала свою жизнь в уплату.

— Может, потому что Богу не нужны такого рода жертвы? Например, Христу они не нужны. И плата не нужна. Живи и попытайся отблагодарить Бога так, как сможешь.

— А где Ваня? Он...

— ...ещё не вернулся, — ответила Згалика, наблюдающая за выходящими из луча.

— Так он...

— Погиб, — подтвердила Лера, — но я думаю, что он вернётся. И Вася тоже...

— Валерия? — раздался вдруг из луча голос Владимира Захаровича, и профессор в белом одеянии вышел к студентке.

— А, Владимир, — усмехнулся Гратлоргарн, — Значит вы, уважаемый психиатр, тоже были мертвы?

— Не нужно иронии, Александр Ростиславович, — мрачно ответил преподаватель, — Я знаю, что случилось. Мы все знаем. Такой уж дар мы получили, в довесок к новой жизни. Я прошу прощения, что считал вас сумасшедшим.

— Не надо обращаться к дракону на "вы", а ещё меня зовут Гратлоргарн, и ты это знаешь. Ты видел то, что хотел видеть. Хотел прославиться научной работой, и в упор отказывался принять правду, потакая своему тщеславию. Винить тебя за это — так же глупо, как винить небо за то что оно голубое.

— Возможно. Но работа давала мне отдушину. Мой сын...

— Я здесь, папа, — послышался молодой голос, и из луча света появился парень лет двадцати, — Господин дракон, я Олег, сын Владимира Захаровича. И у меня было биполярное расстройство личности. Депрессивная стадия наступала очень часто и остро. Я был в суицидальном отделении, когда больница сгорела, так и погиб. Но теперь я чувствую себя нормально. Смерть... лечит.

— Я сапожник без сапог, Гратлоргарн, — сказал Владимир Захарович, обнимая сына, — Мне важно было доказать себе, что я на что-то способен.

— Вы отличный преподаватель! — возразила Лера, — Ваши уроки во многом помогли мне...

— Я знаю. Как я и говорил, мы, вернувшиеся, знаем о ситуации. Вы отлично справились, Валерия.

Тем временем дракон зашевелил ушами.

— Так, соберитесь. Мы отбросили только первую волну нежити. Я слышу двигатели и скрежет гусениц вдалеке. Сюда едут танки, много, неторопливо.

— Что значит первую волну? — воскликнул Бердияр, — Ловушки закончились!

— Учитывая, сколько народу уже вышло из луча, это не так что бы плохо, — заметил Грат, — всё равно бы потоптали.

Действительно, окружённый машинами пяточок уже был переполнен, а люди продолжали прибывать. Лера всматривалась в толпу, ища Васю, но того по-прежнему не было видно. Сердце девушки колотилось. Неужели её любимого ничего не держало в мире живых? Нет, этого не могло быть, просто Вася ещё не появился. Тем временем звук двигателей донёсся и до ушей девушки.

— Лера, готовься накладывать поглотитель! — скомандовал Грат.

— А что мне делать с ребёнком? — спросила девушка. Младенец всё ещё был у неё на руках.

— Я возьму его, — предложила Згалика, принимая плачущий свёрток из рук студентки.

— Людей всё равно слишком много! — заметила Даша, — Даже я, будучи отдохнувшей,

не накрыла бы всех.

Лера обвела взглядом толпу. Судя по опыту тренировок и недавнего использования, она смогла бы накрыть куполом треть или четверть занимаемого ожившими людьми пространства. Расширение купола по размерам требовало сильного напряжения.

Но тут из ворот кладбища показалась процессия. Во главе шёл священник, следом за ним — пономарь с большой железной посудой в руках. А за ними — множество прихожан с иконами, хоругвями и книгами в руках. Дракон двинулся им навстречу.

— Отец Пётр! — сказал он, — Что вы делаете?

— Надеюсь помочь вам, — ответил священник, — Я видел, как эти существа разваливаются, только очутившись на кладбище. Думаю, если люди укроются там, они будут в безопасности.

— Драконы ни к кому не обращаются на "вы". Можно?..

— Конечно.

— А что заставило тебя принять такое решение?

— Я занимался твоей мамой, как вдруг что-то произошло. Я вдруг понял, что должен помочь вам. А потом с неба ударил луч. Есть такой способ отличить во сне ангела от беса. Если чувствуешь сомнения — это бес. Не чувствуешь — ангел. Так вот, я сразу понял, что происходит чудо Господне. Часть певчих и прихожан согласились мне помочь.

— Это превосходно! Девушки, ваша задача прикрыть процессию от стрельбы.

— Дай я крыло тебе залечу! — предложила Лера. Дракон согласно кивнул и вытянул раненую конечность. Тем временем люди, слышавшие разговор, двинулись к кладбищу, зовя за собой остальных. Даша взяла свою алебарду и приготовилась защищать их.

Глава тринадцатая, о драконах и справедливости

Звук двигателей приближался. Залечив драконье крыло, Лера заняла позицию за уничтоженным танком рядом с телом циклопа, и приготовилась читать заклинание. Выглянув из-под гусениц, она увидела, как с проспекта вырывают один за другим танки, а за ними движутся человеческие фигуры в военной форме. А на башне головной машины виднелась ещё одна фигура, в белом. Сосредоточившись на новой для неё версии заклинания, девушка произнесла нужные слова, и дорогу перегородил широкий барьер, защищающий от стрельбы.

— Двадцать машин, — заметил Грат, — серьёзная сила. И пехота за ними. Я бы уничтожил их в одиночку, за счёт манёвренности, если бы не Мелизье на башне и необходимость защищать людей. Но, в сложившейся обстановке, этих сил хватит, чтобы нас смять.

— А почему они не стреляют? — спросил Бердияр, засевший неподалёку от Леры.

— Не уверен. Может, знают, что не прострелят барьер, и не хотят давать нам лишней энергии. А может у мёртвых танкистов характеристики машин из голов вылетали вместе с мозгами. Главное чтоб по нам с тыла не ударили.

Как будто в ответ на его слова, сзади послышался топот и стук костей. Мертвецы, как по команде, выскочили целой толпой из переулков и бросились на возрождённых людей. Священник запел молитву, а прихожане поддержали его, но волна мёртвых тел готова была вот-вот их накрыть. Однако не накрыла: чем ближе к процессии подбегали мертвецы, тем медленнее они становились. Священник брызнул на ближайших из них святой водой, и несколько рассыпались сразу, а другие в ужасе кинулись наутёк.

Ближе к воротам кладбища действовала уже Даша. Потoki пламени срывались с её вытянутой руки, испепеляя сухие безжизненные тела нападающих. Священник видел это, но не отвлекался. А люди всё шли к воротам кладбища, появляясь из луча.

Тем временем танки подкатывались всё ближе. Стали уже видны голые черепа под шлемами пехоты и командиров машин. "Сколько же людей приняли обман Мелизье? — думала Лера, — И сколько ещё выйдет из луча? Как защитить такую толпу и защититься от такой толпы?" Казалось, весь Минск превратился в мертвецов и ополчился против живых.

Головная машина остановилась в паре десятков метров от барьера, и лич гордо встал на её башне.

— Так вот ты какой, северный олень! — прорычал дракон.

— О, Гратлоргарн, — воскликнул Мелизье, — И я безумно рад тебя видеть!

— Так рад, что зарыл огромное тактическое преимущество ради личной встречи?

— Преимущество?

— Возможность отсидеться и показать нас в дурном свете. Я чувствовал, что если мы уничтожим твою лучшую боевую единицу, ты появишься, но это всё равно невероятно глупо.

— Да? И что ещё тебе кажется глупым, мой чешуйчатый друг?

— То, что ты уничтожил об нас солидную часть своей армии. И что ты слишком рано использовал незыблемые контракты.

— Догадался про них? Ай да молодец! Соглашусь. Мне не стоило пытаться связать тебя боем. Но... Ох, как же мне хочется заставить тебя заплатить за боль, которую ты мне

причинил!

— Больше, чем захватить мир?

— Разумный аргумент, для крылатого крокодила. На самом деле, эта мысль и правда приходила мне в голову. Пожалуй, когда всё закончится, я так и поступлю. Ведь, в конце концов, если мир будет принадлежать мне, будет куда легче избавить его обитателей от страданий.

— Твой план уже сорвался, твоими же усилиями.

— А ты уверен, что знаешь вообще что-то о моём плане? Как ты думаешь, откуда просочилась информация, что я отправляюсь в мир Отрекшихся? И что я делал бы тут с твоим трупом, если бы ты остался в мире чудес?

— Так значит, ты специально заманил меня.

— Вот, уже лучше! Смотри, а ведь можешь соображать, когда хочешь! А как думаешь, мне было достаточно амбулякра, не способного превращаться в дракона по моему приказу, для того, что бы убедить людей принять мою правду?

— И поэтому ты хочешь убить меня, чтобы сделать себе полноценного костяного дракона, — ухмыляясь, произнёс Грат.

— Да, да! И не просто убить! Убить вместе с твоими друзьями, на земле, где ты родился! Я надеялся заразить вас всех червём, но, похоже, маленькая дура выжила и предупредила тебя. Надо было загнать нож ей в висок. И когда вы вломились в моё убежище, я был так рад возможности взять тебя живым и помучить... Но другая дура всё испортила. Я уж начал терять веру в свой успех, но тут ты, такой герой, опять сам поставил себя в условия, при которых уязвим! Защищать людишек, не имея возможности маневрировать, отступить и бить в полную силу! Как глупо! И ведь второй раз подряд! Танки проедут сквозь поглотитель стрел и раздавят твоих друзей, разорвут оживлённых тобой людей фугасами, а ты сможешь только или наблюдать с неба, или сам подставиться под мой удар! Мне же достанется ещё и мёртвый циклоп, и с такими силами я легко завоюю этот мир, если захочу. Моя мечта о мире, где все счастливы, начнёт сбываться здесь! И я рассказываю тебе это, чтобы ты осознал свою беспомощность перед тем, как всё случится!

— Ты ублюдок! — заревел дракон, — Ублюдок! Я изничтожу тебя за всё, что ты сделал! Ты заслужил тысячу смертей, медленных, мучительных! И, как монстр-хранитель, я, Гратлоргарн, приговариваю тебя к смерти!

С этими словами Грат выпустил из пасти мощную струю пламени.

— Мы знакомы, тупой ты крокодил! — крикнул некромант, спрыгивая с танка прежде, чем тот был поглощён пламенем, — И я убью тебя той силой, которую ты больше всего любишь!

Он направил на дракона ладонь, с которой сорвался сияющий голубоватым светом луч. Дракон попытался увернуться, но атака оказалась слишком быстрой, и зелёная чешуя стала покрываться толстым слоем льда. Споткнувшись из-за резко онемевших конечностей, Грат свалился на брюхо, и корка льда сразу приковала его к земле.

— Ты не убьёшь меня холодом, — заревел обездвиженный монстр, — Внутреннее пламя короля пылает во мне, и я не могу замёрзнуть!

— О, я знаю, усмехнулся волшебник, — Знаю, как многого ты добился в поисках ледяной любви, и как жестоко был разочарован! Тебя добьют механизмы отрекшихся, которые сейчас проедут сквозь барьер и нашьигуют тебя этими, как их... куммулятивами, кажется?

— В зад себе куммулятив засунь, урод! — послышался голос гоблина, и маленькая фигурка с тесаком наголо бросилась из-за укрытия на врага.

Но некромант вскинул вторую руку, и сверкнувшая молния отбросила гоблина в машину. Бердияр ударился о крыло, рухнул на землю и больше не двигался. Его латы появились из ниоткуда, и прикрыли бездыханное тело.

Лера застыла за своим укрытием. Надо было что-то делать, но что — она не знала. Нельзя было просто так взять и отправить в некроманта заклинание. Он убьёт её так же, как Бердияра. Оружия у девушки тоже не было, да и толку от него в такой ситуации было бы мало. Девушка видела, как Грат трепыхался на земле под всё растущим слоем льда. Он выпускал пламя, но лёд нарастал быстрее, чем таял, да и шея дракона примёрзла к земле в таком положении, что струя огня не попадала на его тело. Почему лёд не таял на шее, девушка не понимала, зато теперь было понятно, как планировалось разрушить мёртвого дракона, пока о самоубийстве Людмилы было неизвестно.

А тем временем танки начали потихоньку двигаться вперёд. "Достаточно медленно, чтобы Грат прочувствовал безвыходность ситуации", — подумалось Лере. Ситуация действительно казалась безвыходной. Надеюсь хоть как-то выжить, девушка попятилась назад, чтобы прошмыгнуть к домам, но вдруг под её ногой что-то шевельнулось. От неожиданности Лера споткнулась и упала на титановую броню циклопа, и заметила, как тот вздрогнул.

— Лера? — послышался рокочущий каменный голос.

— Иван? Ты живой? — обрадовалась девушка, склоняясь над лицом чудовища, лежащего щекой на асфальте.

— Угу, только в груди жжёт. Мне туда попали чем-то очень горячим, но вроде не убило. Только очень больно было. Кажется, от этой боли я сознание потерял.

Это был шанс. Приложив руки к каменному лицу, Лера направила почти все силы своего воображения и воли на то, чтобы исцелить рану циклопа. Ей нужно было ещё поддерживать барьер, и если бы в этот момент в него выстрелили, даже пуля могла пролететь насквозь. Однако залечить Ивана было важнее.

— Там этот мерзавец колдует по Грату, — объяснила девушка, заканчивая заклинание, — Надо срочно обезвредить.

— Ща сделаем, — ответил циклоп, нащупывая молот.

Сгруппировавшись под прикрытием уничтоженного танка, он резко выскочил, и в несколько прыжков одолел расстояние до некроманта. Тот от неожиданности перевёл луч на гиганта, но было уже поздно. Сверкнули описывающий широкую дугу молот, и пробиваемое им защитное заклинание на маге. Казалось, молот не задел само тело лича, но Мелизье, как шарик для гольфа, улетел в витрину ближайшего магазина. Зазвенело стекло, а изнутри послышался испуганный визг.

Танки остановились. Иван был по их сторону барьера. Все девятнадцать уцелевших машин начали наводить пушки на циклопа. Тот бросился на ближайшую в отчаянной попытке спастись, однако раздались выстрелы.

И две боевых машины объяло пламя. Иван разбил своим молотом третью, а остальные начали отворачивать от него башни в сторону переулка, откуда показались новые танки под красно-зелёными флагами, прикрывающие подход живых пехотинцев.

Мёртвые солдаты повернули своё оружие на новую цель. Запели очереди. Стрелковое оружие людей молчало, так как было бесполезно против мертвецов, но из-за их спин

вылетели несколько снарядов, взрывами разбросавших часть мертвецов. Лера не видела до этого гранатомётов, но слышала об этом оружии.

Девушка вздохнула с облегчением, и перевела взгляд на площадь. Луча уже не было, а на кладбище виднелась огромная толпа людей. Среди них девушка заметила маленькую фигурку гоблина, рассматривающую бой из-за прутьев ограды. Он успел вернуться прежде, чем действие ритуала завершилось. Надеясь найти в толпе Васю, девушка принялась вглядываться в одетых в белое людей, однако голос Грата прервал её.

— Лера, я ещё какое-то время буду вырываться изо льда. Мелизье может восстановить своё тело, если дать ему время! Проверь, что с ним и добей его, если получится!

— Поняла, — крикнула Лера в ответ, и, деформируя барьер так, чтобы тот прикрывал её от случайных попаданий, побежала к выбитой телом некроманта витрине.

Это был обычный продуктовый магазин. Даже простенький, по меркам центра столицы. Зайдя в него через главный вход, Лера не обнаружила людей. Кассы были пусты, и в зале не было никого из живых. Лере в глаза сразу бросился прошибленный насквозь стеллаж, за которым, среди разбросанных товаров, торчали из холодильника с мороженым ноги в ботфортах. Под красивой белой мантией Мелизье был одет так же безвкусно, как в их первую встречу. Мёртвое тело шевелилось, однако, подойдя поближе, Лера поняла, почему лич всё ещё сидел в холодильнике. Его сложило пополам, и обломок позвоночника торчал из пробитой мантии наружу. Правая рука была изломана в нескольких местах, и беспомощно дёргалась. Похоже, только левая рука и голова слушались волшебника. Крови не было, и Мелизье был похож на сломанный манекен, который не поместился в свою коробку.

— А, вот и прекрасная Валерия пришла посмотреть на мой позор, — послышался сдавленный голос волшебника.

— Я пришла, чтобы уничтожить тебя, — решительно заявила девушка, направляя на него ладонь.

— погоди, погоди, — замахал целой рукой некромант, — Зачем тебе это? Что тебе даст разрушение моего тела?

— Ответишь за то, что сделал с Васей.

— А, твой парень, да? Он, небось, на кладбище стоит и тебя дожидается, так что, по сути, мстить мне не за что. Но ты достойна большего! Сейчас я полежу, подправлю себя, и, как говаривал Эрций Алурио, стану мужчиной твоей мечты!

Лера почувствовала, как ей действительно захотелось, чтобы с ней рядом был великолепный, прекрасный мастер волшебства, но усилием воли она вспомнила о Васе. Она не забыла, чему её накануне учил Грат. Вторжение в её разум закончилось так же быстро, как началось.

— Место занято, "Мастер", — ответила она

— Неплохо, — прокряхтел волшебник, — мне, судя по всему, и правда конец. И надо же было взять его с собой...

— Ты о чём?

— Да я филактерий с собой взял. Спрятал в своём теле. Думал, вы устраиваете отвлекающий манёвр и гоблина по мою душу пошлёте, хе-хе. Слушай, я проиграл. Не видать мне теперь мира без страданий. Но я не хочу на тот свет. Там меня точно ничего хорошего не ждёт: они сказали.

— Ты это заслужил.

— Я бы поспорил. Но пойми, я не хотел ничего плохого! Разве правильно будет убивать

меня вот так, без суда?

Лера призадумалась. Действительно, разрушить беспомощного противника сейчас было как-то не вполне правильно. Тем более что вторжения в разум девушка больше не чувствовала. Однако некромант заслуживал смерти.

— Я хочу жить... Если это можно так назвать, — продолжал маг, — я буду служить тебе, или Гратлоргарну, или кому посчитаете нужным.

— А потом предашь нас. Конечно, я такая дура, что тебе поверю. Ты причинил мне столько боли, что я хочу убить тебя, и желательно сперва помучить. Большого ты не заслужил.

— Подумай! В качестве кучки праха я пользы не принесу, но я сильный волшебник, не только по части некромантии и разрушения.

— Ты же перебеёшь нас всех при первой возможности!

— Если попробую, вам достаточно будет сломать это, — порывшись целой рукой за пазухой, Мелизье вытащил маленькую изящную оловянную статуэтку в виде единорога, — Вы все ведь это искали, так? Мой филактерий. Моя душа. Вот, возьми её. Управляй мной с его помощью. Видишь, я готов сдаться, чтобы не погибнуть!

Взять, чтобы управлять? Нет, Лера хотела только одного — уничтожить этот кусок дохлятины. А филактерий как раз был для этого нужен. Без особых раздумий девушка вырвала из руки мертвеца статуэтку, и хотела уже поставить её на пол, а потом расплавить магическим огнём, но вдруг задумалась.

"А ведь убивать сдающегося неправильно! Будет вполне справедливо заставить его отработать причинённый ущерб, и уже тогда уничтожить его. Или вообще не уничтожать, а заставить служить, пока что-нибудь не оборвёт существование лича."

"Нет, Это чудовище убило Васю!" — одёрнула себя Лера, но обнаружила, что предыдущая мысль продолжает существовать в её голове независимо от новой. А тело слушается этой мысли!

— Хорошо, Поль, — зашевелились непослушные губы, — я принимаю тебя на службу. Восстанавливай своё тело, и вместе мы сделаем мир лучше.

— Вот и чудесно! — довольно произнёс волшебник, — Чудесно, что ты меня послушала. Теперь всё будет так, как надо.

— Лера, что там у вас происходит? — послышался у входа голос Гратлоргарна-человека, и он, в латах и с мечом, ввалился в магазин.

— Всё в порядке, — ответило тело девушки, — У меня филактерий.

— Ну, так давай, уничтожь его!

— Нет. Это будет неправильно. Он будет служить мне, пока не искупит свою вину.

— Вот видишь, Гратлоргарн, — пропел волшебник, — она оказалась куда умнее тебя, и мы обо всём договорились!

— Он лжёт тебе! — воскликнул Грат, — Ты не первая, кого он так обманул! Многие покупались на его речи и оставляли в живых, и многие держали его филактерий в руках! Все они мертвы! Погибли от его руки! Не верь ему!

"Не верю, Грат! Он что-то сделал со мной! Пожалуйста, помоги!" — попыталась закричать девушка, но из её рта вырвалось совершенно другое:

— Ты лжёшь, ящер. Я не верю тебе. Ты просто хочешь его смерти, потому что он такой же, как ты, и тебя это бесит!

— Не делай этого, — мрачно произнёс Гратлоргарн, окутываясь зелёным туманом.

— Ты лжёшь, как он, — продолжало тело девушки, — ты обманул Дашу, заставив слиться разумом с чудовищем! Ты смотришь на людей как на ничтожеств и управляешь ими с помощью страха!

Из тумана показалась полуформа Грата — похожее на человека существо с драконьей мордой, хвостом и крыльями.

— Ты выжигаеть леса ради лакомства! Ты убил невинных по доносу! Ты пытал человека, истязал его беспомощного специально чтобы причинить больше боли! Ты убил ни в чём не повинных военных! Ты — безжалостная мерзкая тварь!

С Лериной ладони сорвался поток пламени. Мощный, долгий. Нет, это была не её сила. Нечто, порождённое филиakterией, наполняло заклинание силой, не зависимо от воли девушки. Чудовище бросилось вперёд, проскочило через огонь, но Лерино тело с невероятным проворством увернулось, и Гратлоргарн впечатался в стеллаж с пивом за её спиной. Бутылки со звоном посыпались на каменную плитку пола.

— Ты избивал своих близких! Был жестоким домашним тираном! Ты правильно не прощаешь себя за это!

Всё это было правдой. Лера знала это. Но знала она и другое. Это чудовище, что сейчас бросится на неё — единственное, что стоит между миром Отрекшихся и существом, которое в силах превратить его в мир мёртвых. Мелизье смеялся, а его левая рука, кажется, собирала по частям правую. И Лера, её тело, руководствуясь её, Лериными, идеалами, сражается за него! За всеобщую смерть и пустоту. За того, кто убил её любимого. И где же тут справедливость? Неужели её не существует? Неужели это — действительно пустой идеал?

И тогда девушке вспомнились слова дракона: "По нашим делам мы с тобой должны быть трупами. Но скажи, если например ты вдруг сейчас умрёшь, мир от этого станет лучше? А если умру я? Я делаю свою работу, служу Богу как могу". Было что-то большее, чем тот идеал, который представляла себе девушка. То, что наделяет справедливость силой благодетели, и не даёт ей превратиться в слепую машину, погружающую мир в мстительный огонь... и прощение. Прощение!

С Лериных пальцев сорвались две крупные сосульки, и глубоко вошли в бок дракона. Тот издал звук, похожий на фыркание коня, но развернулся и кинулся на Леру ещё раз. Девушка чувствовала, как её тело, ведомое подчиняющим волю артефактом, готовится уклониться снова, чтобы бить до тех пор, пока израненный дракон не погибнет во имя кары за прошлые преступления. И она направила все свои силы на одну мысль: "Я прощаю тебя. За всё, что ты натворил. Во мне нет больше осуждения. Ты делами доказал, что достоин прощения, и я прощаю тебя за то, что ты ради спасения невинных людей сейчас меня убьёшь". И её тело не шелохнулось. Смех некроманта стих. А холодные, твёрдые пальцы легли на шею девушки. Её ладонь всё ещё не слушалась, сжимая филиakterий, но это уже не могло спасти проклятый предмет. Гратлоргарн поднял беспомощную девушку своей страшной лапой, и прозвучал его хриплый, похожий на рык, голос:

— Тебе для курсовой надо было поставить мне диагноз. Что ж, я тебе помогу. Я — жестокая, безжалостная, хладнокровная тварь, которая сделает то, что считает правильным, без оглядки на мораль, правила и мнения. И не важно, какое раскаяние я чувствую. Не важно, кого оплакиваю в ночи и кого проклинаяю. Не важно, о чём мечтаю, и кого люблю. Я делаю то, что должно, без жалости и сомнений, и понесу расплату за это. Мой диагноз — дракон!

Кислород заканчивался в лёгких Леры. Она слабела. Филиakterий стал невыносим

тяжёлым, и рука опустилась под его весом. Девушка уже готова была провалиться в забытие, где ждала её смерть, но когти впились в её ладонь, выцарапывая тёмный артефакт. Пальцы разжались, и та странная сущность, которая владела Лериным телом, вдруг исчезла. А потом девушка почувствовала, как летит спиной в стеллаж, и как опрокидывает его. Как свежий воздух заполняет её лёгкие, и как истошно ревет тот, кто спас её, чуть не убив при этом.

Плывущим взглядом Лера увидела, как Грат колотится в мучениях. Как выскальзывают из страшной раны в животе сосульки. Как тело монстра испускает зелёный туман и уменьшается в размерах.

Филактерий сопротивлялся. Боролся против воли дракона. Не ясно было, что заставляет это существо держаться против тёмной мощи артефакта, но силы явно покидали Грата. Блеснули латы: он принял человеческую форму. Форму, в которой два сквозных ранения в живот были смертельными. Рука в латной перчатке сжимала оловянную статуэтку. Пальцы согнули рог, и рядом истошно завопил лич. Но сил дракона было слишком мало. Он завалился на колено, хватаясь второй рукой за живот. Он умирал.

Но Лера не могла этого допустить. Не после того, как нашла ту справедливость, которую искала. С трудом поднявшись, она, ковыляя, двинулась в сторону дракона.

— Что, хочешь казнить меня? — прокричал Грат, увидев её, — Впрочем, ты уже это сделала. Мне конец.

— Нет уж, ты не умрёшь, — процедила девушка сквозь зубы, падая на колени рядом с ним и прикладывая ладони к его голове, — и знаешь, почему? Потому что я простила тебя. И плевать на всё. Ты прощён, потому что из всех сил старался искупить свою вину.

— Ты только что обвиняла меня... вполне справедливо.

— Это была не я, балбес! Это было оно. А я тебя прощаю, слышишь?

— У тебя нет такого права. Я не с тобой всё это делал, и...

— И теперь живи. Слышишь? Мне плевать, какие там у меня права. Я отвечаю за себя, и этим правом я тебя прощаю. Именем Софии Родименской и меня, Валерии Ельской, Живи!

Острая боль пронзила виски Леры, но, преодолевая её, девушка почувствовала, как сила наполняет тело Грата. А ещё она почувствовала еле ощутимый приток волшебства, исходящий от самого дракона. Девушка чувствовала, как затягиваются раны, и как избыток силы идёт на укрощение филактерия. А ещё она увидела, как шрамы на лице Гратлоргарна сглаживаются.

Филактерий всё ещё сопротивлялся. Некромант вопил что-то, но слов было не разобрать. И, наконец, Гратлоргарн разжал пальцы, а потом, выпустив изо рта облачко зелёного тумана, выдохнул на упавшую на пол статуэтку небольшой, но жаркий поток пламени. Мягкий металл начал деформироваться и растекаться, а Мелизье вдруг дико заколотился, корёжась и извиваясь, заплетаясь в неестественные позы, выворачивая суставы и треща сухожилиями. А потом вдруг повернул висящую на перекрученной шее голову на Леру, глупо улыбаясь посмотрел на девушку и, рассыхаясь на глазах, сказал:

— Это была мамина любимая статуэтка. Красивая, правда? Жаль, что вы сломали её. Она напоминала о маме, и поэтому я вложил в неё душу. Мама так любила едино...

И, не договорив, развалился на обломки костей, покрытые полопавшейся сухой кожей.

Снаружи всё ещё время от времени слышались выстрелы и удары молота. Грат поднялся на ноги, и Лера повисла у него на плече.

— Всё? Мы сделали это? — спросила она.

— Рана на теле беларуского народа глубока, — ответил дракон, — но да, мы это

сделали.

— А почему ещё стреляют?

— Ну не рассыпаться же им на части вместе с хозяином! Сама ходить можешь?

— Кажется, могу.

— Я говорил, что они беспомощны против меня? Пора это доказать.

С этими словами Гратлоргарн, покрываясь зелёным туманом, выскочил из разбитого окна магазина. Опираясь о стену, Лера выглянула ему в след и увидела, как дракон, появившийся из рассеивающегося облака, по дуге заходит на оставшиеся двенадцать танков Мелизье. Сражавшийся между ними Иван, заметив это, отскочил в сторону, а боевые машины нежити повернули на пикирующего монстра свои орудия. Раздались выстрелы и звуки пулёмётных очередей, но дракон резко ушёл в сторону, окружённый вспышками действующего поглотителя стрел. Снаряды пролетели мимо и разорвались где-то далеко, а сами танки накрыл плотный поток драконьего огня. Раздалось шипение испаряющихся луж воды, гул пламени и взрывы танковых баков и боеукладок. Одно из находившихся рядом зданий обрушилось от взрывов, но Лера, по счастью, находилась не в нём. Дракон зашёл на второй круг, но пролетел мимо горячей техники: больше выжигать было некого. Одного захода хватило, чтобы уничтожить всю мёртвую группу войск.

Из переулка показались танки живых. Один из них остался дымиться позади: потерь избежать не удалось. Гратлоргарн опустился на землю в центре площади, куда раньше бил луч света, и, расправив крылья, издал прерывистый рёв, чем-то напоминающий смех. А из ворот кладбища в его сторону уже бежали несколько фигур. Лера заметила Бердияра и Згалику в человеческих обликах, и Дашу. Та двигалась тяжело, но уверенно. Следом шёл знакомый военный с милицейской рацией в руках. А за ними — ещё одна фигура, которую Лера так хотела увидеть.

Перевалившись через витрину и порезав бедро о разбитое стекло, девушка кинулась к Василию. Парень тоже заметил её, и побежал навстречу. Леру не волновало больше ничего: ни циклоп, пробежавший мимо, ни военный, заговоривший о чём-то с драконом. Вася был жив.

Они встретились посреди дороги и прижались друг к другу в объятиях.

— Лерочка, милая, ты... — начал было парень, но девушка впилась губами в его губы. Слова больше были не нужны. Испытание, в которое Лера втянула себя и любимого, было позади. И не важно было, прошла ли его девушка или провалила. Не важно было, что их ждёт дальше. Они были в месте, и сейчас Лера понимала, что именно это — главное.

Глава последняя

Осеннее солнце играло лучами сквозь рваные облака, гонимые в даль лёгким ветром. Далёкий, забытый прогрессом уголок Минска, густо застроенный грубыми пятиэтажными домами, встречал Леру и Грата привычным, унылым пейзажем. Дракон шёл не таясь, гордо. Прохожие с опаской оглядывались на него, провожали взглядами, и старались держаться подальше, а многие прятались или в ужасе убегали. Свежи были ещё эмоции от видео, на которых Мелизье разыгрывал сражение с похожим существом, хотя новости о результатах вчерашнего боя уже давно поступили и в эфир новостных каналов, и на ютуб.

— То есть президент будет работать с тобой? — спросила Лера, когда Грат закончил долгий рассказ о своих утренних делах.

— Да, мне удалось убедить его, что я — единственный на данный момент источник информации о новом мире. Я научил его призывать меня, если буду нужен.

— А тебя не попытались задержать, взять в плен или сделать что-то такое?

— Генерал Денисов дал мне слово и сдержал его. Впрочем, он, скорее всего, просто знал, что у них нет способа сдержать меня. Вчера моя воля стала сильнее благодаря тебе.

— Моё прощение было так важно для тебя?

— Это сложно объяснить. Драконы мыслят не совсем так, как люди. А если бы ты пожила двести лет в мире, где идеи важнее материи, ты тоже относилась бы к ним куда серьёзнее. Бердияру вот хватило нескольких месяцев.

— Он всё-таки в обиде на меня?

— Да, в дикой. Он считает, что меня и Ивана подстрелили по твоей вине, и, с точки зрения сухих фактов, не далёк от истины. Не стоит его за это винить: это мы с тобой знаем, что такое искупление.

Несколько минут шли молча.

— Как твоя мама? — нарушила Лера молчание.

— Даша исцелила её вчера вечером. Кажется, она тоже простила меня, но знаешь? Думаю, нам будет лучше держаться подальше друг от друга.

— Это не правильно, Грат.

— Возможно. Но таково решение, и её и моё.

— Так слушай, получается, Истинный Бог всё-таки есть?

— Забавно. С чего ты взяла?

— Ну так он же вчера ответил Даше!

— Знаешь, Лера, в чём фишка? У нас магия превратилась в науку, а ты сама знаешь: всему можно найти научное объяснение. Я верю, что Истинный Бог — Иисус Христос. И то что произошло вчера, совершенно очевидно для меня. Но придут волшебники, проведут исследования, и объяснят случившееся каким-нибудь массовым эмоциональным всплеском.

— Обидно...

— Да нет, мудро. У разума должна быть возможность верить в то, что он считает нужным, иначе он лишится свободы, и его вера превратится в знание. Тогда разум станет рабом учения, совершая поступки не потому, что так велит его сердце или вера, а потому, что так правильно, и ни как иначе. Воля и стремление к добру уступят в таком разуме место простому подчинению. Видимо, Бог этого не хочет. Так слушай, далеко ещё до дома

Натальи?

— Нет, вот, почти пришли.

Дракон мрачно оглядел обшарпанную хрущёвку и принялся.

— Славное место для жизни монстра или духа земли, но непригодное — для человека или духа холода. Как она может жить здесь?

— Да вот так и живёт. Страдает.

— Я чувствую её запах. Думаю, она дома.

— Дома, — заметила Лера припаркованную на стоянке машину, — Давай в человека и поехали на этаж.

Теперь человеческий облик Грата выглядел совсем иначе, чем в первую встречу. Чистые волосы, крепкие руки и уверенная, гордая осанка создавали вполне приятный глазу образ, хотя лишний вес и некоторая неуклюжесть никуда не делись.

— Ты бы приоделся к девушке, — указала Лера на всё те же чёрную майку и джинсы, в которых дракон сражался последние два дня. Над одеждой явно поколдовали: ни грязи, ни крови, ни дырок в боку не было.

— Лицемерие! — ответил тот, — Нет. Перед существом, которое я предполагаю полюбить, мне следует предстать таким, каким я вижу себя.

Лифт, поскрипывая, ехал вверх, когда Грат вдруг насторожился.

— Что-то не так, — сказал он, — её запах изменился. И стал слабее.

— Ты думаешь...

— Если бы это случилось, запах бы усилился. Нет, произошло что-то другое.

Дверцы лифта раскрылись, и Лера указала Грату на нужную дверь. Тот позвонил в звонок, но, подождав всего пару секунд, зашептал заклинание. Замок щёлкнул, отпираясь.

— Вламываться к девушке не лучшая идея, — заметила Лера.

— Её нет внутри. И, возможно, у нас нет времени.

Грат распахнул дверь и вошёл внутрь, Лера последовала за ним. На полу коридора и кухни виднелись следы грязной воды, а на старых обоях — мокрые отпечатки ладоней. На столе, в луже, стояла чашка, из которой поднимался пар. Тревога закралась в сердце Леры: она была мало знакома с Натальей, но сама мысль о таком страшном исходе пугала её.

— Думаешь, она растаяла?

— Здесь таяли, — ответил Гратлоргарн, — но не до смерти. Кто-то, только что начавший превращение в стихийного духа. Её плоть отторгается и заменяется льдом или снегом, в зависимости от характера. Она схватила чашку горячего кофе рукой, и эта рука осталась в качестве лужи на столе. Это, наверно, было больно.

— Лужи совсем свежие! Куда она могла пропасть?

— Не знаю. Но вижу, что ты не обманула. Как ты поняла, что она — ледяной дух?

— Я... не знала. Мне нужно было, чтобы ты остался сражаться за нас. Я пошла на риск. Прости.

— Я не виню тебя, — Гратлоргарн улыбнулся, — Ты всё сделала правильно. Более того, я благодарен тебе за то, что помогла мне найти ту, что я искал всю жизнь. Обе жизни — человеческую и драконью.

— Ты ведь не нашёл её. Мы опоздали.

— Теперь я знаю, что существо из моей мечты есть где-то в наших мирах. Этого достаточно.

— И что будешь теперь делать?

— Буду искать её в новом объединённом мире. Положу на это все силы. А что будешь делать ты?

— Мы с Васей решили освоить новые виды наших профессий. Он станет целителем, а я — специалистом по нечеловеческой психологии. Будем жить в Бресте.

— Ты могла бы стать сильной чародейкой или военачальницей, после выучки, разумеется.

— Нет, это не для меня. Я — мирный житель, и моё дело — понимать других, сочувствовать им, и помогать им делать правильные решения. Если тебе что понадобится — мы с Васей с удовольствием поможем, но больше рисковать друг другом не станем никогда. Таково наше с Васей общее решение.

Больше книг на сайте - Knigoed.net